

Ю. М. ТАРАСОВ

РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

Вторая половина XVIII -
первая половина XIX в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Ю.М. ТАРАСОВ

РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

Вторая половина XVIII—
первая половина XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

Монография посвящена истории освоения русским крестьянством территории Южного Урала, где под влиянием хозяйственной деятельности русских поселенцев стали развиваться ремесла и промыслы, торговля, промышленность, что в свою очередь благотворно повлияло на материальную и духовную культуру нерусских народов изучаемого региона. Автор привлек для своей работы большое количество архивных и печатных источников.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
О. Н. ВИЛКОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ

1. ТЕМА

В России в период феодализма и капитализма шло заселение и хозяйственное освоение ее окраин. Но, несмотря на интенсивность этого процесса, даже в пореформенной России оставался огромный фонд свободных земель, который, по определению В. И. Ленина, обеспечивал «экономическую основу для громадного расширения земледелия и повышения производства не только вглубь, но и вширь»¹. В работе «К характеристике экономического романтизма» он указывал, что внутренняя колонизация, носившая не только капиталистический, но и докапиталистический, феодальный характер, является одной из важных особенностей России². Россия знала различные формы так называемой колонизации: правительственную, монастырскую, помещичью, посадскую, промысловую и вольнонародную, или крестьянскую. Последняя обычно преобладала над остальными. В решении проблемы вольнонародной или крестьянской колонизации требуется прежде всего раскрыть роль крестьянства в заселении и хозяйственном освоении окраин России. Эта проблема имеет и другие аспекты изучения, связанные с общим социально-экономическим развитием страны. Назовем главнейшие из них. Связь крестьянского освоения окраин России с усилением крепостного права, с процессом обезземеливания крестьян в центральных ее районах. Пытаясь спастись от крепостного права и обезземеливания, русский крестьянин сам переселялся на новые земли.

Крестьянская колонизация была своеобразной отдушиной для правительства в момент социальных катастроф в стране. Поощряя в определенные моменты крестьянскую колонизацию, правительство полагало этим путем избавиться в центре от недовольных элементов и попутно разрешить аграрный вопрос в стране.

Государственные крестьяне и крестьянская колонизация — один из важнейших аспектов проблемы. Во второй половине XVIII—первой половине XIX в. шло наступление правительства и дворян на права государственных крестьян. Несмотря на то что государственные крестьяне считались «свободным сословием», правительство жаловало их помещикам, переводило в разряд удельных и военных поселян. Помещики, в свою очередь, насильно захватывали земли государственных крестьян. Одновременно шел усиленный процесс экономической дифференциа-

ции среди крестьян. Выросла крестьянская буржуазия и сельская беднота, шло «раскрестьянивание» середняцкой части крестьянства. Все эти группы государственных крестьян были заинтересованы в переселении на новые земли. Они же являлись носителями новых, капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве окраин России.

Соотношение правительственной и крестьянской колонизаций не менее важный вопрос, чем другие вопросы этой проблемы. Нельзя преуменьшать значение правительственной колонизации, которая, хотя и не имела первенствующего значения, была связана с крестьянской колонизацией, дополняла ее.

Районы выхода, социальный состав переселенцев должны быть изучены при разрешении основной проблемы. Совсем не случайно со временем менялись районы выхода крестьян на поселение. По-видимому, здесь были свои причины, связанные с особенностями развития того или другого района.

Роль крестьянской колонизации в разложении феодально-крепостнического строя в России и ее положительное влияние на социально-экономическое и политическое развитие нерусских народов представляют особенно важный аспект темы.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что крестьянская колонизация ни в коем случае не может до конца разрешить аграрный вопрос в России, хотя она составляет часть этого вопроса, что переселенческий вопрос есть подчиненный по отношению к аграрному вопросу в центре России, что успех хозяйственного освоения российских окраин зависит от ликвидации крепостного права и крепостнических пережитков.

С середины XVIII в. началась массовая русская крестьянская колонизация Южного Урала (бывшей Оренбургской губ.), включавшего территории современной Башкирской АССР, Челябинской, большую часть Куйбышевской, Оренбургской и западные районы Курганской областей. Переселения русских крестьян сыграли огромную роль в развитии производительных сил Южного Урала. Крестьяне составляли подавляющую часть русского населения региона в XVIII—XIX вв. Своей деятельностью они изменили прежде отсталый край, поставив его на путь социально-экономического прогресса. Русские крестьяне создали здесь крупные очаги земледелия, развили разнообразные ремесла и промыслы, торговлю. Они же составляли основной контингент рабочих на казенных и частных заводах, построенных в XVIII и XIX вв. Из них комплектовалось и Уральское казачье войско.

Глубокие социально-экономические последствия имел этот процесс и для местных народов Южного Урала. Так, значительная часть башкирского населения под непосредственным влиянием русского крестьянства переходила в XVIII в. к оседлости и земледельческому хозяйству. Массовое оседание на земле кочевников-башкир приводило к росту их материальной обеспеченности, что положительно сказалось на естественном приросте местного населения края³⁻⁴.

Русская крестьянская колонизация оказала благотворное влияние и на политическое развитие народов Южного Урала. Они приобщились к той революционной борьбе, которую вело русское крестьянство против царизма и крепостничества. Наиболее яркий пример тому — совместная борьба русских и башкир, а также других народов Южного Урала в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, а также массовое выступление русского и башкирского населения против военно-феодалного гнета в 30—50-е годы XIX в.

История русской крестьянской колонизации Южного Урала почти не нашла отражения в трудах дворянско-буржуазных ученых. В немногочисленных работах этих историков, как правило, уделялось внимание лишь правительственной и дворянской колонизации, и при этом, естественно, главная роль в освоении Южного Урала приписывалась правительству, высшим чиновникам, дворянству и лишь отчасти казачеству. Несмотря на труды дворянских и буржуазных историков, остается значительный пробел в изучении русской колонизации Южного Урала в период феодализма. Заселение русскими Южного Урала в первой половине XIX в. совершенно не изучалось до Великой Октябрьской социалистической революции. (Дворянские и буржуазные историки довели изучение этого вопроса лишь до начала XIX в.)

Советские историки также преимущественное внимание уделяли истории заселения и хозяйственного освоения края в XVII и первой половине XVIII в.⁵ События же второй половины XVIII в. и особенно первой половины XIX в. изучались слабо. Можно назвать лишь отдельные статьи Н. В. Устюгова, Г. А. Турбина, Ю. М. Тарасова (историографическая оценка их будет дана ниже)⁶. Между тем изучение этого периода в истории освоения Южного Урала представляет особый интерес. Именно тогда происходит массовое заселение русскими крестьянами основной территории региона и, что не менее важно, уже сказывались первые результаты хозяйственного освоения края русскими крестьянами.

Задача данной работы состоит, во-первых, в том, чтобы заполнить пробел в изучении истории русской крестьянской колонизации Южного Урала второй половины XVIII—первой половины XIX в. И во-вторых, изучить причины русской крестьянской колонизации, ее ход, особенности, результаты и влияние на подъем производительных сил Южного Урала и на исторические судьбы местных народов.

Основными хронологическими рамками работы являются вторая половина XVIII—первая половина XIX в. — период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы и формирования в ее недрах капиталистического уклада.

Автор вынужден иногда выходить за территориальные границы Южного Урала в связи с тем, что первоначальные административные границы региона были гораздо шире.

2. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Работа написана на основе архивных фондов Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного исторического архива СССР, Государственного архива Оренбургской области и Государственного архива Челябинской области. Они составляют основную источниковедческую базу исследования. Широко использовались акты «Полного собрания законов Российской империи», «Актов исторических», «Дополнений к „Актам историческим“», «Актов Археологической экспедиции», «Приложений к „Пермской старине“» А. А. Дмитриева, а также «Пермская летопись» В. Н. Шишонко, «Журналы» и «Определения правительствующего Сената», материалы, собранные отдельными исследователями из разных архивов по определенным темам или периодам развития Южного Урала, издания различных статистических комитетов и архивных ученых комиссий, записки, мемуары, журналы, газеты, атласы.

Все источники автор разделил на четыре основные группы.

Первую группу составляют статистические материалы. Это данные ревизий, церковного учета, административно-полицейских исчислений и губернаторские отчеты.

Самый точный учет населения по годам в Оренбургской губ. дают ревизии. Материалы ревизских сказок по VI (1811 г.), VII (1815 г.), VIII (1833 г.) и IX (1850 г.) ревизиям почти по всем уездам Оренбургской губ. сохранились в ф. 98 (Оренбургская казенная палата). Ревизии дают сведения о численности населения края, о его росте за определенные годы и о сословной принадлежности населения. Предоставляя сведения о сословной принадлежности населения, ревизии отражают и социальную структуру данного общества, а поэтому являются ценным источником и для изучения социально-экономической истории Южного Урала.

Но не все ревизии имеют полные сведения о населении. Например, с IV по X ревизии не учитывались дворянство, иностранцы, чиновничество, регулярная армия и флот. Некоторые ревизии не учитывали отдельные территории России и значительные категории неподатного населения. Особенно много не учтено населения по I, III и VII ревизиям. Эти ревизии наименее точные, а II, IV, VI, VIII, IX — более точны. И все же, как отметил В. М. Кабузан, «отсутствие в XVIII—первой половине XIX в. других сколько-нибудь удовлетворительных источников по учету численности и состава населения делает ревизии неизменным источником по изучению динамики численности населения России»⁷. Церковный учет, начавшийся с 1722 г., отличался меньшей точностью и полнотой, ибо учитывал одно только православное население. Административно-полицейские исчисления были несколько полнее. В них нашли отражение и результаты ревизий, и данные церкви.

Вслед за материалами ревизий нужно поставить губернаторские отчеты, основанные на ревизиях. Они также являются важнейшим источником по исчислению притока населения в губернии, его географическому размещению и, кроме того, отражают имущественное положение отдельных крестьянских семей, распределение населения по сословной принадлежности и по национальному признаку.

Отчеты оренбургских губернаторов отложились в ЦГИА СССР: ф. 1281 (Совет министра внутренних дел), в ГАОО: ф. 3 (Оренбургская губернская канцелярия), ф. 6 (Канцелярия оренбургского генерал-губернатора), ф. 10 (Канцелярия Оренбургской губ.), ф. 11 (Оренбургское губернское правление).

Несмотря на обилие важнейших данных о положении в губернии за определенные годы, представленные в губернских отчетах данные по ряду важнейших вопросов в них отсутствуют. Так, они дают представление лишь о дозволенных правительством переселениях крестьян, а о самовольных переселениях сведений нет. О них приходится узнавать косвенным путем из отрывочных данных, полученных благодаря переписке правительственных лиц. Историк переселенческого движения в России Н. Серповский писал: «В губернских отчетах говорится о переселенцах, но лишь о таких, которые переселились из прежнего места жительства с соблюдением законных формальностей, о переселенцах же нелегальных, которых иногда бывает больше, чем переселенцев первого рода, они не могут давать каких-либо указаний»⁸. В них иногда неточно фиксируется численный приток населения в губернию, даются отрывочные сведения о волнениях крестьян, связанных с переселением. Подчас искажены мотивы крестьянских волнений.

Далее идут материалы Статистического отделения при Министерстве внутренних дел, которые размещены в ф. 1290 (Центральный статистический комитет). В них помещены сведения по губерниям с 1811 г. до середины XIX в. (в том числе и по Оренбургской губ.) о землевладении, землепользовании, посевных площадях, видах на урожай, продовольственных запасах, сводные таблицы о народонаселении и количестве земли по губерниям России. Недостаток этого источника в том, что в нем имеются лишь средние цифры по землевладению и землепользованию, не отражена дифференциация крестьянского населения, преувеличено благосостояние крестьян, преуменьшено количество крестьянских волнений. Подобного рода материалы находятся и в Министерстве финансов (ф. 379) и Министерстве земледелия (ф. 381) в ЦГИА СССР.

«Военно-статистические обозрения Российской империи»⁹ также являются довольно полным источником по нашей теме. В нем приводятся данные о состоянии сельского хозяйства, скотоводства, торговли, о торговых трактах, промыслах и о промышленном развитии Оренбургской губ. в первой половине XIX в.

Дается географическое и топографическое описание русских поселений.

К этому же виду источников относятся «Материалы географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба». Один из выпусков «Материалов...» посвящен описанию Уральского казачьего войска, которое также играло большую роль в освоении Оренбургского края¹⁰.

Имеются специальные статистические исследования, которые дают сведения о географии и топографии края, о движении народонаселения России, численности населения Оренбургской губ. по годам и ревизиям, о развитии ремесла, промыслов, промышленности и сельского хозяйства на Южном Урале¹¹. Особенно важна работа В. М. Кабузана «Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в.»¹², в которой был произведен наиболее точный учет населения России по ревизиям в отдельных губерниях.

Ко второй группе источников относятся материалы социально-экономического и административно-политического характера. Так, дела ф. «Сенаторские ревизии М. Г. Спиридова и И. В. Лопухина»¹³ дают полное представление о населении Оренбургской губ., о развитии ремесла, промыслов, торговли, частично промышленности и, главным образом, сельского хозяйства в конце XVIII и начале XIX в. Из них мы можем почерпнуть сведения о количестве русских государственных и крепостных крестьян, об их распределении по уездам, о крестьянских податях, о системе землевладения, посевах и урожаях хлебов на помещичьих и крестьянских землях, о количестве освоенных крестьянами земель к концу XVIII в.

Из фонда Сената по Коммерц-Коллегии¹⁴ мы получаем сводные данные о развитии земледелия на Южном Урале с 1728 по 1828 г., а также о торговых связях края со Среднеазиатскими ханствами и Казахстаном.

Документы этого фонда подчеркивают прогрессивный характер отношений России с Казахстаном и среднеазиатскими ханствами.

В делах I Департамента Сената¹⁵ находятся многочисленные статистические материалы об урожайности всех хлебов в Оренбургской губ. за 1763—1805 гг.

Фонд Берг-Коллегии¹⁶ дает наиболее полное представление о железорудных и медеплавильных заводах на Южном Урале, о количестве рабочих на них (крепостных и вольнонаемных), об объеме и стоимости заводской продукции, о заработной плате рабочих, об их положении.

Фонд Тайной экспедиции Сената¹⁷ содержит документы по истории края второй половины XVIII в., о его экономике и управлении, о новых поселениях в Оренбургской губ., о переезде сюда населения из других районов страны, проекты местной администрации о расширении земледелия и торговли в крае, о земельных спорах крестьян с заводчиками. Слабой стороной

материалов данного фонда является отсутствие характеристики экономического положения крестьянства.

«Экономические примечания к Генеральному межеванию»¹⁸ дают богатейший материал о крестьянах и помещиках Южного Зауралья конца XVIII и начала XIX в., о населенных пунктах, о количестве жителей в каждом из них и об их положении, о развитии промышленности и торговли. Правда, полнотой содержания отличаются лишь те «Экономические примечания», которые были составлены в конце XVIII—начале XIX в. по приказу Павла I.

Фонд разряда XVI Госархива¹⁹ состоит из материалов Кабинета Екатерины II и содержит донесения губернаторов, в том числе и Оренбургского, об управлении краем, о развитии в нем сельского хозяйства, промышленности, ремесла и торговли, о количестве населения по данным ревизий.

Фонды Крепостных контор городов Оренбурга²⁰ и Уфы²¹ включают в себя записные книги крепостных актов, регистрирующие различные сделки, заключавшиеся на территории Оренбургской губ. до 1780 г. Самым интересным здесь являются документы, характеризующие поземельные отношения (купчие, раздельные, духовные, записки на отдачу земель в оброчное владение, о припуске и др.), а также документы о личной зависимости населения (житейские, работные, записки на половничество, о работе за долг, купчие на крепостных людей, заемные кабалы русского населения).

Ландкартские книги и ревизские сказки²² представляют собой переписные книги населения городов и острогов, дворцовых, монастырских, государственных и ясачных крестьян, а также тептярей и бобылей, за исключением башкирского населения, не подлежавшего переписи.

По делам ряда фондов ЦГИА СССР и ГАОО можно проследить социально-экономические результаты хозяйственного освоения русскими крестьянами *Южного Урала в первой половине XIX в.

В фонде Совета министров внутренних дел²³ находятся отчеты оренбургских генерал-губернаторов о состоянии губернии и «Обозрения» губерний за определенные годы. Они дают обобщающие данные о внутреннем состоянии губернии: о росте населения, его социальном составе, о расположении сел и деревень, об освоении земельных пространств губернии, о развитии земледелия и скотоводства, промышленности, ремесла, торговли, об экономическом положении крестьянства и о крестьянских волнениях.

В фонде V отделения Собственной е. и. в. канцелярии²⁴ можно обнаружить очень важные таблицы с подробными итоговыми статистическими сведениями по Оренбургской губ. за первую треть XIX в.: о народонаселении (числе жителей в городах и селах), о количестве пахотной земли в уездах и селах, о посевах различных сельскохозяйственных культур, об их урожай-

ности, о состоянии промышленности, ремесел, торговли, народного образования. Подобного рода материалы и таблицы находятся и в делах фонда Центрального статистического комитета начиная с 1811 г. и до 50-х годов XIX в.²⁵

Дела Департамента экономии (в ф. Государственного совета) ЦГИА СССР²⁶, кроме того что дают многочисленные сведения о переселении государственных крестьян в 1810—1837 гг., имеют важные материалы о взимании с них денежных сборов, о переходе их в городские сословия, о земельных спорах между переселившимися государственными крестьянами и помещиками, а также казаками.

Дела ф. Оренбургского губернского правления и Канцелярии оренбургского генерал-губернатора²⁷ также дают возможность выяснить социально-экономическое развитие края в первой половине XIX в.: прирост населения по отдельным городам, отношение царского правительства к русским крестьянам и нерусским народностям, формы эксплуатации как русского, так и нерусского крестьянства, развитие земледелия, промышленности, промыслов. Роль русских переселенцев-крестьян для народов Южного Урала, главным образом для башкир, можно проследить по делам фондов тех же архивов (ЦГИА СССР²⁸, ЦГАДА²⁹, ГАОО³⁰). Дела этих фондов дают примерно равноценный материал о жизни нерусских народов, населявших Оренбургскую губ. в XVIII и первой половине XIX в. Они показывают численный рост местных народов, развитие земледелия у них, ремесла, промыслов, торговли после начала заселения русскими крестьянами Оренбургского края, взаимоотношения с русскими крестьянами, помещиками, заводоладельцами и купцами, совместные выступления башкир с русскими крестьянами против местных помещиков и мануфактуристов. Разумеется, источники, отражающие социально-экономические последствия переселения на Южный Урал, требуют критического подхода: в губернских отчетах и «Обзорах» Оренбургской губ. несколько преувеличен уровень развития края, замалчиваются отрицательные стороны в деятельности местной администрации во время крестьянских переселений; число неимущих крестьян явно преуменьшено; почти ничего не говорится об обратном потоке переселенцев из Оренбургской губ.: замалчиваются факты волокиты, бюрократизма, взяточничества, насилия со стороны местных властей по отношению как к русским крестьянам, так и к нерусским народностям края.

Из материалов Государственного архива Челябинской области значительный интерес представляют дела Троицкой пограничной таможни, содержащие данные о товарах, проходящих через эту таможню³¹, а также фонд Уральского горного управления³², в которых дано подробное описание отдельных заводских земельных дач.

Из опубликованных источников «Полное собрание законов Российской империи» — самый важный и всеобъемлющий пе-

татный источник. В нем собраны законы, отражающие историю промышленности, аграрных отношений, положение крестьянства и рабочего класса, экономическую политику царской России, историю отдельных народов России, заселение ее окраин. Непосредственно по теме использованы тома с 4 по 40 (Собрание 1-е) и тома с 1 по 25 (Собрание 2-е), по которым можно воспроизвести историю Южного Урала с XVIII по середину XIX в.

Ценным источником являются «Материалы по истории России»³³, собранные А. И. Добросмысловым, которые вводят нас в подробности первоначального устройства и управления Оренбургским краем в 1734—1746 гг. Но в этих «Материалах...» отсутствуют источники по социально-экономической истории Южного Урала, классовой борьбе и национально-колониальной политике царской России.

Эти недостатки преодолены в «Материалах по истории Башкирской АССР», опубликованных в 1936—1960 гг.³⁴ Они представляют собой целый комплекс достоверных сведений по социально-экономическому и политическому развитию башкирского и русского народов в XVII и XVIII вв., национально-колониальной политике царского правительства в Башкирии, истории башкирских восстаний, взаимоотношений русского народа с башкирами. В «Материалах...» помещены документы о земельных отношениях башкир, русских крестьян, тептярей, бобылей и других группировок населения, об урожайности, хлебных ценах, о создании металлургической промышленности на Южном Урале. В основу «Материалов...» положены важнейшие фонды ЦГАДА (Уфимская провинциальная канцелярия, Уфимская приказная изба, Калмыцкие дела Посольского приказа, Столбцы Сибирского приказа, дела Сената и Госархива, Генерального межевания), документы ЦГИА СССР и многочисленные фонды Центрархива Башкирской АССР, Государственных архивов Оренбургской и Челябинской областей и некоторых других архивов.

Особенно важным источником по теме являются работы П. И. Рычкова, в особенности его «История Оренбургская» и «Типография Оренбургской губернии»³⁵. Из первой мы узнаем о тяжелой жизни башкир до вхождения их в состав Русского государства, об экспедиции И. К. Кириллова, о целях ее, о первых укреплениях Оренбургской линии крепостей, о деятельности И. К. Кириллова, В. Н. Татищева, В. А. Урусова, И. Н. Неплюева. Из второй — об административном устройстве Оренбургской губ., о народах, населяющих ее, природных ископаемых, растительном и животном мире, важнейших памятниках старины, о провинциях и дистриктах. Особенно богата гл. 18 «Типографии...», в которой изложено устройство Исетской провинции и описаны ее дистрикты, крупные остроги и даже слободы.

По-прежнему незаменимыми источниками являются «Приложение к „Пермской старине“» А. А. Дмитриева и «Пермская летопись» В. Н. Шишонко³⁶. Несмотря на некоторые неточности,

отдельные выпуски их дают подробные и интересные сведения об освоении русскими крестьянами Южного Зауралья в XVII—XVIII вв.

Источником, в котором дано довольно полное описание состояния сельского хозяйства, является «Топографическое описание Оренбургской губернии»³⁷, составленное Т. Афанасьевым. Здесь мы находим подробную характеристику почвенных условий, зерновых культур и их урожайности, состояния сельскохозяйственного рынка, землевладения, занятия жителей и пр.

Подробные сведения о развитии земледелия в Оренбургской губ. в первой половине XIX в. дают «Материалы по земледельческой статистике в Оренбургской губернии», составленные В. А. Новиковым в 1859 г.³⁸ Из них мы узнаем о количестве земли под пашней, об урожайности хлеба по губерниям и уездам, о продаже его на хлебных рынках.

Анкеты 60-х годов XVIII в. также являются важным источником по этому вопросу. Особый интерес представляет «Академическая анкета» 1761 г., которая касается развития сельского хозяйства в отдельных районах России, в том числе и Исетской провинции³⁹. Ответы Исетской провинциальной канцелярии на вопросы этой анкеты, составленные в 1766 г., могут служить замечательной характеристикой состояния сельского хозяйства в Исетской провинции в 60-х годах XVIII в.⁴⁰

К анкетам 60-х годов XVIII в. примыкают материалы географических путешествий, произведенных по заказу Академии наук и Вольного Экономического общества⁴¹. Эти описания наиболее полно освещают экономику, в частности состояние сельского хозяйства в Среднем Поволжье, Заволжского степного района и юго-восточной степи.

Книга Г. Небольсина «Статистическое обозрение внешней торговли России» является важным источником по торговле России с казахами через меновые дворы для экономического развития России⁴².

В третью группу источников можно включить делопроизводственные бумаги различных учреждений России, в которых сосредоточен самый разнообразный материал. По делопроизводственным источникам можно выяснить причины переселения, проследить его ход, выявить районы выхода и водворения, трудности в пути и «местах водворения», мероприятия правительства и местных властей по переселению, новые поселения, возникшие в результате переселения крестьян, дальнейшее значение старых сел и деревень, экономическую обеспеченность переселенцев, результаты переселения.

О причинах русской крестьянской колонизации во второй половине XVIII и первой половине XIX в. мы получаем сведения из фондов ЦГИА СССР. Некоторые из них, как Департамент государственных имуществ Министерства финансов (Отделение по управлению государственными крестьянами и имуществами — ф. 379), заполнены прошениями однодворцев сел Тамбовской,

Курской, Рязанской, Пензенской, Орловской, Тульской, Слободско-Украинской и Казанской губ. к министру финансов о переселении их в Оренбургскую губ. вследствие крайнего недостатка земли и разорения их. О малоземелье, как причине переселения государственных крестьян на Южный Урал, говорят также дела ф. 6 (Оренбургский генерал-губернатор) Государственного архива Оренбургской области. В прошениях государственных крестьян Центрально-Черноземных районов России на имя оренбургского генерал-губернатора снова говорится о недостатке земли как причине переселения в Оренбургскую губ. Ценные данные о начале массового заселения русскими крестьянами Южного Урала содержатся в делах Оренбургской экспедиции⁴³ и Оренбургской комиссии⁴⁴, а также Уфимской провинции⁴⁵. Они представляют собой оригинал и копии донесений Н. К. Кириллова, В. Н. Татищева в Сенат об освоении Оренбургского края, о мерах по заселению его русскими, о льготах русским поселенцам, о раздаче земель в Исетской провинции государственным крестьянам, об отношении к башкирам и калмыкам.

Особый интерес представляют дела ф. Министерства финансов в ЦГИА СССР⁴⁶, которые дают широкое представление о районах выхода переселенцев в 20—30-е годы XIX в., о том, как шла колонизация Южного Урала в этот период государственными крестьянами и крепостными из Тамбовской, Курской, Рязанской, Пензенской губ. и других Центрально-Черноземных губерний, о сильной дифференциации крестьянства в русской черноземной деревне, о страшной бедности самовольных переселенцев, об их мытарствах и материальных лишениях во время переселения на Урал.

В фонде сохранилась огромная переписка, которая велась Министерством финансов (Департамент государственных имуществ) с оренбургским генерал-губернатором о недопущении самовольных переселений крестьян (это особенно волновало и оренбургскую администрацию и Министерство финансов).

Фонд Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел⁴⁷ посвящен исключительно переселению государственных крестьян в 1797—1837 гг. в Оренбургскую губ. и другие юго-восточные губернии. В нем представлены доклады Министерства внутренних дел, представления министра финансов, рапорты гражданских губернаторов и переписка о переселении государственных крестьян в юго-восточные губернии, правила о переселении крестьян из одной губернии в другую, статистические сведения о переселениях.

Много дел, посвященных переселению крестьян на Южный Урал со второй половины XVIII и до 30-х годов XIX в., хранятся в ф. Оренбургской Казенной палаты в Государственном архиве Оренбургской области⁴⁸. Здесь находятся подготовительные материалы к ревизским сказкам 1811 г. крестьян по Бузулукскому, Бугурусланскому, Бугульминскому и Оренбургскому у., которые дают сведения о количестве дворовых, экономических и государ-

ственных крестьян, однодворцев, пахотных солдат, крепостных и нерусских крестьян, сравнительные данные о количестве крестьян, прибывших после V ревизии до 1799 г., и о прибывших крестьянах с 1799 по 1811 г., о районах выхода крестьян.

В этом же фонде мы можем ознакомиться с ревизскими сказками 1811, 1815, 1833, 1850 гг. по Бугурусланскому, Бузулукскому и Оренбургскому у., со сведениями о селах и деревнях в этих уездах, о числе жителей в них, о национальном составе казенных поселенцев.

Материалы ф. I департамента Министерства государственных имуществ⁴⁹ можно использовать при характеристике крестьянских переселений в последующие десятилетия XIX в. (40—50-е годы). Они дают возможность сделать вывод о более организованном в это время переселении.

Еще более ценные материалы о переселениях в 40—50-е годы XIX в. находятся в делах ф. Уфимско-Оренбургского управления государственными имуществами в Государственном архиве Оренбургской области⁵⁰. Материалы этого фонда представляют целый комплекс документов, по которым можно судить о том, из каких губерний шло переселение государственных крестьян в Оренбургский край, об их имущественном состоянии в пути и после приезда в Оренбургскую губ., о причинах переселения, о бюрократизме местных властей, организующих переселение, о закабалении переселенцев старожилами, о взаимоотношениях переселенцев с местными помещиками, о том, как начали устраиваться переселенцы на новой земле.

О положении переселившихся крестьян в Оренбургскую губ. во второй половине XVIII в. можно получить представление по материалам ЦГАДА. Так, фонды Исетской провинциальной канцелярии⁵¹, Куртамышской управительской канцелярии⁵², Меховской воеводской канцелярии⁵³, Шадринской управительской канцелярии⁵⁴, Окуневской управительской канцелярии⁵⁵, Оренбургской межевой конторы и чертежной⁵⁶, а также Каталога спорных дел Оренбургской губ.⁵⁷ заполнены материалами, которые дают представление о повинностях, налогах, подрядах крестьян, переселившихся в Исетский край, о занятиях их ремеслами и земледелием, о планах и границах новых деревень, о числе жителей в них, о взаимоотношениях с башкирами, о крестьянском управлении, розыске беглых крестьян, о работе крестьян в вотчинах Далматовского монастыря, о притеснении крестьян местными властями, об участии исетских крестьян в Пугачевском восстании.

Огромное количество документов о положении переселившихся крестьян в первой половине XIX в. сосредоточено в фондах ЦГИА СССР и ГАОО. В ЦГИА СССР об этом ярко свидетельствуют дела ф. Департамента Государственных имуществ Министерства финансов⁵⁸, Плановый архив Министерства земледелия (из фондов Министерства земледелия)⁵⁹, Канцелярия генерала-прокурора (из фондов Сената)⁶⁰.

В Государственном архиве Оренбургской области вопрос

о положении переселившихся крестьян полно освещен в делах фондов: Оренбургская удельная контора⁶¹, Уфимско-Оренбургское управление государственных имуществ⁶², Оренбургское губернское правление⁶³, Канцелярия оренбургского губернатора⁶⁴, Оренбургская казенная палата⁶⁵, Оренбургская губернская канцелярия⁶⁶. В делах перечисленных фондов есть данные о количестве удобных и неудобных земель в Оренбургской губ., о распределении ее по сословиям, о приготовлении казенных земель к заселению, о картах и планах на земли и леса ведомства Министерства государственных имуществ, о налогах на государственных крестьян, о недоимках, о значительном расслоении среди них, о занятиях, быте и культуре, а также о продовольственном положении губернии. Здесь же находятся рапорты и донесения исправников и волостных старшин о настроении населения, общем положении уездов, состоянии урожая, торговли.

Материалы о положении переселившихся крестьян, несмотря на их обилие, все же не дают полных сведений о состоянии новоселов. Совершенно отрывочные сведения мы получаем из перечисленных источников о крестьянских мануфактурах, крестьянской торговле, применении наемного труда, об отходничестве, переходе государственных крестьян в другие сословия.

Четвертую группу источников составляют мемуарная литература, записки виднейших администраторов Оренбургского края и периодическая печать. Эти материалы дают ответы на отдельные вопросы из истории освоения Южного Урала. Например, «Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае...»⁶⁷ дополняют наши сведения о взаимоотношениях Оренбургской комиссии с соседними кочевыми народами, главным образом казахами. «Записки Ивана Ивановича Неплюева»⁶⁸ знакомят нас не только с личной жизнью этого крупного деятеля Оренбургской комиссии, но они являются также достоверным источником по устройству Оренбургского края в 40—50-х годах XVIII в. «Записки Дмитрия Волкова об Оренбургской губернии 1763 г.»⁶⁹ вводят нас в круг экономических проблем, которые пытались разрешить оренбургские губернаторы во второй половине XVIII в. Такого же рода были составлены через семь лет «Записки Оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа...»⁷⁰, в которых он в еще более широком плане поднимал вопрос о необходимости вовлечения башкир в производство хлеба.

«Записки генерал-майора И. В. Чернова»⁷¹ дают весьма достоверный материал для характеристики деятельности всех генерал-губернаторов Оренбургской губернии второй половины XVIII—первой половины XIX в. Особенно подробные сведения они содержат о И. И. Неплюеве и В. А. Перовском.

Что касается периодической печати в губернии с 1843 г., то значительный материал по истории Оренбургского края в XVIII в. дают «Оренбургские губернские ведомости». В меньшей степени такой материал мы найдем в «Оренбургских епархиальных ведомостях», «Оренбургском листке» и в «Горном

журнале». «Оренбургские губернские ведомости», как и все губернские газеты XIX в., состояли из двух отделов: официального и неофициального. В первом помещались распоряжения губернского начальства, объяснения о торгах, налогах и т. д. Во втором печатались исторические и географические очерки, документы, статьи по краеведению. Эти материалы дополняют сведения по истории Оренбургского края. Некоторые статьи из «Оренбургских епархиальных ведомостей» также представляют интерес для историка. Например, в статье Л. С. Суходольского «Распространение христианства в Уральском крае»⁷² описана не только первоначальная история заселения края, но и делается довольно точная статистическая выкладка роста русского населения в Оренбургской губ. по ревизиям (вплоть до X ревизии).

В целом архивный материал и опубликованные источники дают нам возможность нарисовать более или менее полную картину крестьянской колонизации Южного Урала во второй половине XVIII—первой половине XIX в.

3. ИСТОРИОГРАФИЯ

а) Общие вопросы в трудах дореволюционных и советских историков

Дворянские и буржуазные историки переоценивали роль крестьянской колонизации, ставя в зависимость от нее экономическую и политическую жизнь России. По их мнению, этот процесс, создавая новые экономические и политические центры в стране, изменял весь облик Русского государства и его народа. Дворянские историки⁷³ главную роль в этой политике отводили соответственно царям, князьям, дворянству и высшим чиновникам: роль самого народа в освоении новых земель сводилась к нулю. Буржуазные историки⁷⁴ переоценивали роль государства в хозяйственном освоении огромных пространств на окраинах страны. Мелкобуржуазные историки⁷⁵ в центре проблемы ставили крестьянскую колонизацию, пытались объяснить ее условиями общественного строя, усилением крепостничества в России (П. А. Соколовский), выискали прогрессивную роль крестьянской колонизации, зависимость от нее развития земледелия в России (Н. О. Огановский, М. М. Богословский, П. А. Соколовский), Н. Н. Фирсов в центр вопроса ставил даже классовые отношения и классовую борьбу. Главным недостатком мелкобуржуазных историков являлось то, что они видели в крестьянской колонизации основное средство улучшения жизни крестьян, не понимая того, что лишь конфискация помещичьего землевладения — основное условие для разрешения аграрного вопроса в России.

Научное понятие термина «колонизация» дано впервые Карлом Марксом, который под колонизацией понимал заселение и освоение свободных или малонаселенных и экономически не-

развитых территорий выходцами из густозаселенных и экономически более развитых стран. Причем при характеристике этих свободных земель К. Маркс писал: «Что делает колонию колонией — мы говорим здесь о собственно земледельческих колониях, — так это не только масса девственных плодородных земель. Колониями их делает скорее то обстоятельство, что эти земли не присвоены, не подчинены земельной собственности. Вот этим и определяется то колоссальное различие между старыми землями и колониями, поскольку речь идет о земле: а именно, юридическим или фактическим отсутствием земельной собственности... Земельная собственность фактически не представляет здесь границы для приложения капитала, а также труда для капитала, захват части земли уже осевшими колонистами не исключает для новых пришельцев возможность превратить новую землю в сферу приложения их капитала или труда»⁷⁶.

Затем К. Маркс отмечает, что «современные колонии, основанные на базе современного рынка, общественного разделения труда» отличаются от прежних колоний докапиталистических формаций тем, что «современные колонии получают через посредство мирового рынка готовыми те продукты, которые при других обстоятельствах им приходилось бы изготавливать самим, как-то: одежду, орудия труда и т. д.»⁷⁷. Сами же колонисты занимаются почти исключительно сельским хозяйством, их избыточным продуктом поэтому является исключительно хлеб, который можно обменивать на промышленные товары, получаемые из метрополий. К. Маркс подчеркивает одностороннюю форму труда колонистов⁷⁸, а именно его сельскохозяйственную направленность.

В. И. Ленин дал характеристику процесса крестьянской колонизации применительно к пореформенной России: «По Марксу, основные признаки этого понятия следующие: 1) наличие незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам; 2) наличие сложившегося разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия...»⁷⁹ Далее В. И. Ленин отмечал, «что южные и восточные окраины Европейской России, заселявшиеся в пореформенную эпоху, отличаются именно указанными чертами и представляют из себя, в экономическом смысле, колонии центральной Европейской России»⁸⁰. В. И. Ленин заметил, что земледелие в этих районах развивалось быстрее, чем в других районах России⁸¹, но в промышленном отношении Центральная Россия всегда превосходила окраины; что «промышленные губернии получали с юга хлеб, сбывая туда продукты своих фабрик, снабжая колонии рабочими руками, ремесленниками... Только благодаря этому общественному разделению труда поселенцы в степных местностях могли исключительно заниматься земледелием»⁸².

По мнению В. И. Ленина, особенностью крестьянской колонизации в России являлось то, что она была главным образом внутренней, а не внешней, как в странах Европы. В работе «К характеристике экономического романтизма» В. И. Ленин отмечал, что внутренняя колонизация является одной из важных особенностей истории России⁸³. То же самое он повторил и в «Развитии капитализма в России», поставив вопрос: «Где же граница между внутренним и внешним рынком?»⁸⁴ Общими выводами, характеристиками, замечаниями об изучаемом нами процессе особенно богата работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

В. И. Ленин писал в этой работе о паличии свободных земель в России в пореформенную эпоху и рассматривал Россию как страну, «в которой еще не все земли заняты, которая еще не вся заселена»⁸⁵, отмечал, что «в начале пореформенной эпохи в 60-х годах южные и восточные окраины Европейской России были в значительной степени незаселенной территорией, на которую направлялся громадный поток переселенцев из центральной земледельческой России»⁸⁶.

В других работах В. И. Ленин также подчеркивал, что наличие свободных, доступных для хозяйственного освоения земель «доказывается всей хозяйственной историей России»⁸⁷.

Он указывал, что «Россия обладает гигантским колонизационным фондом»⁸⁸ земель, который «обеспечивает экономическую основу для громадного расширения земледелия и повышения производства не только вглубь, но и вширь»⁸⁹.

В. И. Ленин писал, что процесс переселения идет обычно «из местностей, в которых всего сильнее было развито крепостное право, в местности, где оно было всего слабее»⁹⁰, что рабочие бегут от «полусвободного» труда к свободному труду, «туда, где лучше»⁹¹. Таким образом, феодальную эксплуатацию, крепостнические пережитки В. И. Ленин считал причиной крестьянской колонизации.

Давая характеристику незаселенным землям, он писал, что это были «очевидно незаселенные, или не вполне заселенные, не вполне вовлеченные в земледельческую культуру земли»⁹². На наш взгляд, эту характеристику можно отчасти перенести и на феодальный период истории России.

С известными оговорками к этому периоду применимо также ленинское положение о том, что крестьянская колонизация представляет собой составную часть аграрного вопроса в России, что «колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны»⁹³, а также то, что «главным препятствием для использования в России сотен миллионов десятин являются крепостнические латифундии в земледелии в центре»⁹⁴⁻⁹⁵.

Оценивая заселение окраин России, В. И. Ленин отмечал двойное ее значение для местных народов. В книге «Развитие

капитализма в России», касаясь «деятельности» царских чиновников в Башкирии, В. И. Ленин не скрывал и ее грабительский характер. Характеризуя книгу Н. В. Ремезова «Очерки из жизни дикой Башкирии», он отмечал «живое описание того, как „колонизаторы“ сводили корабельные леса и превращали „очищенные“ от „диких“ башкир поля в „пшеничные фабрики“»⁹⁶. Наряду с этим В. И. Ленин подчеркивал прогрессивную сторону заселения окраин. В этой же работе он указывал, что «центральные местности страны, обладающие вековой промышленной культурой, помогали развитию такой же культуры в начинающих заселяться новых частях страны»⁹⁷.

Первой теоретической работой в советский период, приближавшей к марксистскому пониманию вопроса, была книга И. Л. Ямзина и В. В. Воинина «Учение о колонизации и переселениях», вышедшая в 1926 г. В ней был помещен исторический очерк земельной колонизации в России, определялись ее причины, делались выводы о ее значении и об условиях успеха процесса «заселения и использования недонаселенных и экономически недоразвитых территорий значительными массами людей, эмигрирующих из более густонаселенных областей»⁹⁸. Достижения заселения измерялись авторами в зависимости от степени освоения свободных пространств, уровня развития крестьянского хозяйства в осваиваемых районах, от достижений народного хозяйства в этих районах в целом⁹⁹. Условиями успеха, по мнению авторов, являлись наличие подходящих свободных земель, технические мероприятия государства, наличность рабочей силы, продолжительность «водворения». Разбирая районы заселения, авторы полагали, что более доступный для колонизации район — степная полоса. Значение работы Ямзина и Воинина состоит в попытке применить учение К. Маркса и В. И. Ленина к характеристике процесса в России. Авторы не касались прогрессивной роли крестьянской колонизации для местных, нерусских народов.

В 1928 г. вышла из печати большая книга М. М. Шульгина «Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX в.»¹⁰⁰. В этом труде с марксистских позиций подробно описываются все виды переселений в России, и особенно народная, крестьянская колонизация в XVIII и первой половине XIX в. Автор приходит к выводу, что рост крестьянского переселения в указанный период связан с усилением крепостничества. По его мнению, основными причинами крестьянских миграций в этот период являлись рост дворянского землевладения за счет уменьшения крестьянских земель, усиление личной зависимости крестьян от помещиков, малоземелье, палоговый гнет, рекрутчина, преследование раскольников, злоупотребления администрации, стихийные бедствия, тяжесть военной службы. Большую роль в ухудшении положения всех категорий крестьян Шульгин отводит Генеральному межеванию, которое

началось в 1766 г. в Московской губернии и закончилось по всей России в начале XIX в. Результатом его явилось увеличение дворянского землевладения путем захватов при межевании и покупке казенных земель, лежащих вблизи от владений помещиков. Шульгин подробно описывает переселение государственных крестьян в 30—40-х годах XIX в. Труд Шульгина представляет собой значительный шаг к конкретной разработке нашей темы.

К сожалению, общее направление, сложившееся в советской историографии в 30-х—начале 40-х годов XX в. не способствовало разработке проблемы. Советские историки видели в крестьянской колонизации или «абсолютное», или «наименьшее зло», не замечая объективно-прогрессивного характера развития местных народов. Лишь со второй половины 40-х годов XX в. и в дальнейшие годы советские историки стали различать субъективные цели царизма в отношении нерусских народов от объективных, в основном положительных последствий. Соответственно этому шли накопление фактического материала и дальнейшая разработка этой проблемы советскими историками.

К 70-м годам XX в. советской историографией был накоплен значительный материал для углубленного марксистского исследования различных сторон процесса в отдельных районах нашей страны.

В 1947 г. вышел замечательный труд академика Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» (М., 1947. Т. 1. Предпосылки и сущность реформы; 1950. Т. 2. Реализация и последствия реформы), в котором много внимания было уделено хозяйственному освоению государственными крестьянами окраин России. Значительную роль в исследовании колонизации Урала сыграли общие и специальные работы Б. Б. Кафенгауза¹⁰¹. Историк А. С. Черевань сделал попытку обобщить и с марксистской позиции осветить роль государственных крестьян в колонизации русского Севера и Урала¹⁰². В работах С. М. Васильева, Т. Б. Бельской и Н. Ф. Демидовой по истории Башкирии было также уделено внимание истории освоения земель Южного Урала до XIX в.¹⁰³

Землям Юга России посвящены статьи и монографии А. А. Новосельского и Е. И. Дружининой¹⁰⁴. С. А. Чекменев дал подробное описание истории освоения земель Северного Кавказа в конце XVIII и первой половине XIX в.¹⁰⁵. Большое значение имели труды С. В. Бахрушина по истории торгово-промышленной колонизации Сибири¹⁰⁶. А. К. Яцунский подвел цифровые итоги освоения окраин России с 1724 по 1916 г.¹⁰⁷ И наконец, после работ В. И. Шункова по истории Западной Сибири, А. А. Преображенского — Западного Урала, В. А. Степанина Енисейской губ., Н. В. Устюгова — о Южном Зауралье тема освоения окраин завоевала прочное место в советской историографии¹⁰⁸. Эти работы были безупречны по методологии. В них был сфор-

мулирован новый подход к изучению, сущность его заключалась в том, что в процессе разработки данной темы учитывалась и правительственная, и крестьянская колонизация. Доказывалась их взаимосвязь. Решающая роль отводилась крестьянской колонизации. Перечисленные выше историки обосновали, что крестьянская колонизация представляла собой одну из форм классового протеста против крепостного права и податной правительственной политики по отношению к крестьянству. Кроме того, стало очевидным, что крестьянская колонизация способствовала развитию феодализма на окраинах в более смягченных формах, чем в центре России и тем самым вела к возникновению раннебуржуазных отношений. Она оказала огромное влияние на социально-экономическое и политическое развитие нерусских народов, населявших тот или иной край до переселения туда русских крестьян. Руководствуясь положениями В. И. Ленина, эти историки на конкретном материале доказали, что крестьянская колонизация ни в коем случае не решала аграрного вопроса в России, что она являлась лишь составной частью этого вопроса, что успех колонизации российских окраин зависел от ликвидации крепостного права и крепостнических пережитков в стране. Кроме того, в своих трудах они показали, что в результате крестьянских переселений на окраинах вырастают новые буржуазные элементы из среды самих крестьян, которые начинают эксплуатировать значительную часть «водворенного» русского крестьянства. Причем при исследовании истории крестьянской колонизации в отдельных районах России советские историки выявляли специфические условия того или иного района нашей страны. Так, В. И. Шунков считал, что беглые крепостные крестьяне превосходили своей численностью все остальные слои населения (служилых и торгово-промышленных людей) и стали основной производительной силой в Западной Сибири уже в XVII в. А. А. Преображенский, описывая историю крестьянской колонизации Западного Урала, показал, что был и легальный уход крестьян (и он преобладал), а бегство было редким явлением. Например, из Поморья шло большое переселение крестьян в Западный Урал в XVII—начале XVIII в., а там помещичьего землевладения не было. Крестьяне были лично свободными и могли свободно переселяться на Урал.

б) Историография по теме

Вопрос о заселении Южного Урала подвергался изучению и обсуждению в русской дореволюционной и частично в советской исторической литературе.

Основные исследования по истории переселений на Южный Урал принадлежат дворянско-буржуазным историкам, хотя они описывали лишь правительственную и дворянскую колонизацию, отводя главную роль в заселении Южного Урала, как мы уже

говорили, правительству, высшим чиновникам, дворянству, отчасти казачеству, а не русскому крестьянству. Именно в этом духе написаны работы П. И. Рычкова, В. Н. Витевского. Последователи их, оренбургские и уфимские историки-краеведы, принадлежали в основном к официально-правительственному направлению в историографии.

Основу в изучении истории и колонизации Южного Урала заложил, как мы знаем, П. И. Рычков. Его «История Оренбургская» и «Топография Оренбургской губернии» — своеобразные энциклопедии по истории заселения русскими крестьянами Южного Урала. Из них мы черпаем подробные и важнейшие сведения о деятельности Оренбургской (или «Славной») комиссии, о первых русских укреплениях на Оренбургской линии, о башкирах и их беспросветно тяжелой жизни до прихода в край русских; о восстаниях башкир, о жизни первых русских поселенцев, о развитии торговли и промышленности, о политических и экономических связях русских с народами Южного Урала, Казахстана и Средней Азии. Замечательный знаток Южного Урала 30—50-х годов XVIII в. («Колумб Оренбургского края», по выражению Г.-Ф. Миллера), Рычков, как убежденный монархист, отрицательно относился к крестьянским движениям и идеализировал первых правителей Оренбургского края, считая их главными «проводниками прогресса» на Южном Урале.

В 1832 г. И. Жуковский первым из историков попытался создать хронологическую канву истории Оренбургского края с 1246 по 1832 г.¹⁰⁹ Он значительное внимание уделил истории правительственной колонизации, указав на постройку отдельных городов и крепостей на Южном Урале. Затем, в 1837 г., Иосиф Дебу составил топографическое и статистическое описание Оренбургской губ.¹¹⁰ по отдельным разделам (географии края, промышленности, сельскому хозяйству, крепости и т. д.).

Более ценные сведения по статистике, географии, топографии, сельскому хозяйству и животноводству Южного Урала дали «Статистические очерки России» К. И. Арсеньева¹¹¹, вышедшие в 1848 г. В них приводились данные о населении Уфы (с пригородами) в 1719 г., всей Оренбургской губ. в 1745, 1766, 1782 и 1846 гг., о численности Уральского казачьего войска в XVIII и первой половине XIX в. Много интересного о движении народонаселения Оренбургской губ. можно почерпнуть также из работ Е. Кайпта, Н. Данилевского, И. Ф. Штукенберга, Я. Ханькова¹¹². На основе этих работ в 1859 г. в Уфе вышел обобщающий труд В. М. Черемшанского «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении». Самым интересным в этом труде является материал по сельскому хозяйству, промышленности, торговле Оренбургской губ. в середине XIX в. Больше всего Черемшанского интересовало земледелие. Он писал о неравномерности распределения земли между крестьянами, о примене-

ний наемного труда, способах пользования землей, крестьянских повинностях, о переходе крестьян в другие сословия и т. д. Черемшанский признал неравномерность распределения земли между крестьянами, наличие очень богатых и очень бедных крестьян.

С 60-х годов XIX в. началось изучение истории Уральского и Оренбургского казачества. В работах А. Рябина, П. М. Авдеева, Ю. Костенко, Ф. М. Старикова, Н. А. Бородина, А. Б. Карпова довольно подробно было выяснено значение уральского казачества в освоении земель по нижнему течению р. Яика, в борьбе Русского государства с ногайскими татарами и калмыками за сохранение границ на юго-востоке, в защите крепостей и русского населения во время заселения Оренбургского края в XVIII—XIX вв.¹¹³

В эти же годы появились отдельные статьи по истории городов Троицка, Челябинска, Верхнеуральска, Мензелинска, Уфы. История городов связывалась с историей освоения края. Обобщающая работа, в которой фиксировались все возникающие города и поселения Оренбургской губ. к 1866 г. (без Уфимской и Самарской губ.), вышла в 1877 г. Автором ее был В. Зверинский¹¹⁴.

В упомянутом нами очерке Л. С. Суходольского 1859 г. о распространении христианства в Уральском крае частично затрагивался вопрос о его заселении¹¹⁵.

Р. Г. Игнатьев в 1869 г. в статье «Миасские золотые прииски в Оренбургской губернии»¹¹⁶, основываясь на материалах Рычкова, дал общий очерк истории освоения Оренбургского края. В дальнейшем, в 1881 г., в другой статье — «Взгляд на историю Оренбургского края»¹¹⁷ — он углубил свои прежние изыскания ссылаясь на дополнительные источники.

Статья М. Свирелина «Колонизация Оренбургского края в первой половине XVIII в.»¹¹⁸, вышедшая в 1876 г., была уже написана не только по данным работам Рычкова, но и по материалам, извлеченным из «Полного собрания законов Российской империи». И Игнатьев, и Свирелин описывали лишь правительственную колонизацию.

Значительное явление в изучении нашей темы представил «Очерк колонизации Башкирского края» В. А. Новикова¹¹⁹. Ценность очерка состоит в том, что он составлен по архивным материалам, которые дают представление о преобладании в Уфимском у. в начальный период дворянской и правительственной колонизации, о захвате рядом крупных дворянских семейств лучших земель вокруг Уфы. Идеолог местного уфимского дворянства В. А. Новиков обратил внимание на притеснения башкир со стороны царского правительства. Ответом на эти притеснения, по мнению Новикова, и явились башкирские восстания XVII и начала XVIII в. Через год после выхода своего очерка Новиков составил «Сборник материалов для истории Уфимского дворянства».

Большую научную ценность для истории Оренбургской губ. имеют заметки К. Е. Сувчинского «Переселенцы в Оренбургской губернии»¹²⁰. Хотя они описывают переселенцев 80-х годов XIX в., но для нас важны тем, что в них как бы подведен итог всем переселениям крестьян в Оренбургскую губ. в XIX в. Заметки Сувчинского — это большой сборник цифровых таблиц с пояснениями к ним. Из них мы узнаем об отрицательных сторонах переселений в XIX в.: о бедности многих переселенцев, об их зависимости от старожил-казаков, у которых они арендовали земли или батрачили в их хозяйствах.

В 1889—1897 гг. вышла монография В. Н. Витевского «И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.». После работ Рычкова эта книга давала наиболее полные сведения по истории правительственной колонизации Оренбургской губ. до XIX в.¹²¹ Монография состоит из четырех томов, по 10 глав в каждом, и отдельного тома приложений, с дополнениями к тексту (копии указов, грамоты, библиография письменных и печатных источников, статей и книг, которыми автор пользовался при работе над монографией). Это наиболее интересная и ценная с точки зрения собранного фактического материала часть труда Витевского. В конце тома Приложений дан первый план Оренбурга, указатель имен и географических названий, а также карта Оренбургской губ., составленная в 1755 г. А. Д. Красильниковым.

Слабым местом в обширной монографии Витевского является чрезмерная идеализация деятельности И. И. Неплюева, якобы по велению которого перестраивался Оренбургский край. Естественно, что для показа исторической роли русского крестьянства в развитии края у Витевского не оставалось места, да он и не стремился к этому.

У Рычкова и Витевского оказались последователи — историки-краеведы, которые разрабатывали отдельные вопросы из истории Оренбургского края, в том числе и вопросы колонизации его. В Челябинске жил Н. М. Чернавский, потративший немало сил на изучение Челябинского у. и самого города Челябинска. Его главная работа — «Оренбургская епархия в прошлом и настоящем», изданная в 1900 г., в той части, где дается описание колонизации Оренбургской губ., представляет собой краткое переложение трудов Рычкова и Витевского. Чернавский дает характеристику лишь правительственной колонизации, не уделяя внимания народной, крестьянской. Как и Рычков и Витевский, он идеализирует деятельность первых правителей края: И. К. Кириллова, В. А. Урусова, И. И. Неплюева, а также представителей христианской митрополии в Оренбургской губ.

Такой же характер присущ и работам П. Н. Столянского, А. И. Кривошекова, И. А. Левшина, Н. Модестова и многих других оренбургских историков-краеведов XIX—начала XX в.¹²²

Из историков-некраеведов А. А. Кауфман оставил солидный труд «К вопросу о заселении государственных земель в Орен-

бургской губернии», изданный в 1905 г. Этот труд являлся результатом многих поездок Кауфмана в Оренбургскую губ. в начале XX в. В нем поднято много важных проблем по истории крестьянской колонизации и решению аграрного вопроса в стране: старожительство и арендаторство, возникновение сельскохозяйственного пролетариата и кулачества, роль башкирских и казенных земель в процессе колонизации. Несколько странным выглядит лишь вывод Кауфмана о том, что многоземелье в Оренбургской губ. приносило ... вред сельскому хозяйству.

Обособленную, более демократическую группу составили пермские историки-краеведы В. Н. Шишонко и А. А. Дмитриев. Занимаясь историей заселения Среднего Урала, они опубликовали крупные работы и многочисленные статьи не только по правительственной, дворянской и монастырской, но и по крестьянской колонизации.

В. Н. Шишонко в 1881—1899 гг. составил огромный сборник документов — «Пермскую летопись». Третий период этой летописи за 1645—1676 гг.¹²³ включил в себя самые разнообразные документы о Далматовском монастыре и о начальном периоде заселения Южного Зауралья. В «Пермской летописи» названы почти все деревни, построенные в Южном Зауралье с 1645 по 1676 гг.

А. А. Дмитриев на основании многочисленных материалов, собранных им самим в архивах Пермской губ., написал замечательный труд «Пермская старина: Сборник статей и материалов, преимущественно о Пермском крае». Этот труд, как и «Топография...» П. И. Рычкова, является своеобразным источником по истории Пермского края. До сих пор историки пользуются им при изучении истории Среднего и Южного Урала. Труд Дмитриева состоит из восьми выпусков. В последнем выпуске изложена подробнейшая история начала заселения Южного Зауралья (Исетского края)¹²⁴, приводится масса новых документов по заведению слобод, деревень, по истории монастырского землевладения.

А. Зырянов — историк одного Шадринского у. Для истории Южного Зауралья важна его работа «Материалы для заселения Зауральского края», печатавшаяся в «Пермских губернских ведомостях» с 1865 по 1871 г.¹²⁵

Все перечисленные историки, начиная с П. И. Рычкова, работали над вопросами истории русской крестьянской колонизации Южного Урала до XIX в. История вопроса по XIX в. не освещена в трудах дореволюционных историков. Мы не знаем общей схемы заселения Южного Урала в XIX в., не имеем представления о специфике, отдельных этапах и результатах. XIX век представлен лишь работой В. М. Черемшанского, которая касается географии, населения и экономического развития Оренбургской губ. в первой половине XIX в. Правда, буржуазные историки довольно широко разрабатывали историю заселения Поволжья, Среднего Урала и Сибири. В трудах Н. А. Фир-

сова, Г. И. Перетятковича, С. В. Ешевского и других показана не только эконоическая жизнь этих районов, но и их влияние на заселение Южного Урала¹²⁶.

Советские историки хорошо изучили древнейшую историю Южного Урала. Но по истории его заселения написано очень мало. Этот пробел не может восполнить даже монография А. А. Савича «Прошлое Урала»¹²⁷, написанная интересно и на основе многочисленных источников. В книге последовательно освещается история Среднего Урала (и частично Южного Зауралья) с древнейших времен до крестьянской реформы 1861 г. Особое внимание автор уделит истории Урала в XVII—XVIII вв., когда началась русская крестьянская колонизация и когда Урал сделал огромные успехи в экономической жизни. Именно заселению русскими крестьянами Урала уделено главное внимание в книге. История Урала в XIX в. дана бегло.

Двадцатые годы XX в., когда была написана книга Савича, наложили свой отпечаток на методологию автора. Автор не признает значения правительственной колонизации, уделяя все внимание лишь добровольной крестьянской колонизации. Саму правительственную колонизацию он объяснял в духе М. Н. Покровского, считая, что причиной ее являлась экспансия русского торгового капитана на северо-восток.

Все недостатки монографии Савича были присущи и другим работам 20—30-х годов XX в. по истории Южного Урала — А. Ф. Рязанова, В. Н. Пистоленко, П. В. Мещерякова¹²⁸, в которых исторические события, в том числе и русская крестьянская колонизация, объяснялись с позиций вульгарного экономического материализма (захват рынков сбыта в интересах того же торгового капитала). В двух последних работах очень мало конкретного исторического материала, а поэтому общие методологические недостатки выступают особенно выпукло. Книга Рязанова «Оренбургский край», изданная в 1928 г., значительна по объему и по охвату исторических событий. Она представляет собой описание истории края с древнейших времен до первой мировой войны. Сделана первая попытка обобщить весь материал, полученный от дореволюционных историков, и как-то по-новому осмыслить историю Оренбургского края и его заселения. Так же как и Савич, Рязанов преувеличивал роль торгового капитала. Крупнейшим недостатком книги Рязанова являлось то, что она не имела научного аппарата (в ней отсутствуют какие-либо ссылки на источники и использованную литературу).

Новое направление в изучении нашей темы возникло в 50—60-е годы XX в. и нашло свое отражение в «Очерках из истории Башкирской АССР»¹²⁹, в обстоятельных статьях Н. В. Устюгова¹³⁰, которые в своем научном подходе к изучению русской крестьянской колонизации Южного Урала значительно отличаются от работ 20—30 годов.

В «Очерках...» и в статьях Устюгова проявился зрелый, научный подход к изучению темы. Авторы «Очерков...» и

Устюгов не игнорируют правительственную колонизацию, как их предшественники, полагая, что эти два направления колонизационного процесса были взаимосвязаны и дополняли друг друга, хотя первенствующее значение принадлежало крестьянской колонизации. Статьи Устюгова имели особенно важное значение. Они дали толчок к более широкой и более детальной разработке вопроса. Последователями Н. В. Устюгова стали историки Г. А. Турбин, И. В. Дегтярев, А. А. Кондрашенков, Ю. М. Тарасов.

Г. А. Турбин выдвинул свою периодизацию русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVII—XVIII вв., открыл десятки новых и ценных материалов, основанные русскими крестьянами в XVII—XVIII вв. новые населенные пункты, уточнил даты их возникновения.

И. В. Дегтярев¹³¹ известен своей статьей по истории заселения четырех крепостей Исетской линии (Челябинской, Чебаркульской, Еткульской и Миаской) в 30—40-е годы XVIII в. Статья выгодно отличается разнообразием архивного материала и убедительными выводами. В частности, автор статьи вступает в полемику с Н. В. Устюговым при определении мест выхода первых поселенцев указанных крепостей. Н. В. Устюгов утверждал, что многие из них прибыли из Центральной России, Дегтярев же на архивных материалах доказал, что наибольшее количество переселенцев дали для Челябинской, Чебаркульской, Еткульской и Миаской крепостей районы Шадринска, Теченская слобода и Далматовский монастырь.

В. А. Альбрут также многие годы занимался историей заселения Миаской и Чебаркульской крепостей¹³², но особое внимание он уделил истории крепости и города Челябинска. Им написан специальный труд по истории Челябинска, в котором возникновение и развитие города связываются с именем В. Н. Татищева, действия которого основывались на тщательном изучении экономических и стратегических преимуществ этой местности в сравнении с другими крепостями Исетской линии.

В работах А. А. Кондрашенкова, и главным образом в его книге «Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв.», приведен большой материал о заселении территории, о возникновении русских слобод и деревень в Зауралье во второй половине XVII и первой четверти XVIII в., о самих слободчанах как организаторах крестьянских переселений, о работе крестьян на монастырских землях, о роли крестьян в обороне русских земель, о создании пограничных укреплений, о заселении юго-западной и юго-восточной части Зауралья, о развитии земледелия и промыслов. Интересны работы В. А. Оборина по истории крестьянской колонизации Среднего Урала в XVI—XVII вв.¹³³ Они дают возможность познакомиться с тем русским населением, часть которого в середине XVII—XVIII в. переселяется из Среднего Урала на территорию Южного Урала и вносит свой вклад в социально-экономическое и культурное развитие края.

Некоторые итоги заселения русскими крестьянами свободных земель Южного Урала в первой половине XIX в. были подведены в статье Л. А. Сильвановской, опубликованной в 1956 г.¹³⁴ Некоторым частным вопросам темы уделит внимание и автор настоящей книги¹³⁵.

Таким образом, в советской исторической литературе в какой-то мере разработан лишь вопрос о русской крестьянской колонизации Южного Зауралья (современная Челябинская область и западные районы Курганской области), да и то до XIX в. Необходимость появления общей работы по периоду феодализма очевидна.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 405.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 220, 223, примеч.

³⁻⁴ Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960; Кузеев Р. Г. 400 лет вместе с русским народом: Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа, 1957; Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации: (Доктябрьский период). Уфа, 1972.

⁵ Турбин Г. А. К истории русских крестьянских переселений на Южный Урал в XVII—первой половине XVIII в.: Сб. статей по краеведению и истории географии. Челябинск, 1963; Дегаев И. В. К истории заселения местности по среднему течению реки Миасс: Начальный период. — В кн.: Краеведческие записки. Челябинск, 1969. Вып. 2; Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв. Челябинск, 1966. Ч. 1; Тарасов Ю. М. Южный Урал в далеком прошлом. — В кн.: Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск, 1965, гл. 1; Он же. Русская крестьянская колонизация Южного Урала в XVII и XVIII вв. — В кн.: Учен. зап. Кншинев. гос. ун-та. Сер. ист., 1968, т. 95.

Устюгов Н. В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVII в. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.

Таллин, 1959; Он же. Основные черты русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961 (Тр. конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, март 1960); Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала в XVII и XVIII вв.; Он же. Крестьянская колонизация Южного Урала в первой половине XIX в. — В кн.: Доклады научной сессии, 1963 г. Кншинев, 1964 (Кншинев. гос. ун-т, ист.-юрд. фак.); Он же. Из истории крестьянской колонизации Южного Урала в первой половине XIX в. — Учен. зап. Кншинев. гос. ун-та. Сер. ист., 1964, т. 72; Он же. Из истории крестьянской колонизации Южного Урала в первой половине XIX в.: Тез. докл. и сообщ. 7-й Кншинев. сес. симпоз. по аграрной истории Восточной Европы (сентябрь 1964). Кншинев, 1964; Он же. Русская крестьянская колонизация Южного Урала в период феодализма и ее последствия. — Вопр. истории, 1975, № 11, с. 34—49; Турбин Г. А. Из истории крестьянского заселения Южного Урала в середине XVIII—начале XIX в. — В кн.: Краеведческие записки. Челябинск, 1969, вып. 2; Он же. Из истории русских говоров Южного Урала. — Там же, 1962, вып. 2.

⁷ Кабузан В. М. Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII—первой половины XIX в. (1719—1858 гг.). М., 1959, с. 11.

- ⁸ *Серповский Н.* Переселения в России в древнее и новое время и их значение в хозяйстве страны. Ярославль, 1885, с. 43.
- ⁹ Военно-статистическое обозрение Российской империи, изданное по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального штаба. СПб., 1848. Т. 14. Ч. 2. Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии.
- ¹⁰ Материалы географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба / Сост. Генерального штаба поручик А. Рябинин. СПб., 1886, Приложения. Ч. 2.
- ¹¹ *Зябловский Е.* Российская статистика. СПб., 1832. Ч. 1, 2; *Арсеньев К. И.* Статистические очерки России. СПб., 1848; *Кенпен П. А.* Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в 1851 г. СПб., 1958; Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1858—1871; Материалы для статистики Российской империи при Статистическом отделении Совета министра внутренних дел. СПб., 1859; Материалы по земледельческой статистике в Оренбургской губернии. Оренбург, 1859; [*Небольсин Г.*] Статистическое обозрение внешней торговли России / Григория Небольсина. СПб., 1850. Ч. 1; *Ден В. Э.* Население России по пятой ревизии. М., 1902. Т. 1. Подушная подать в XV в. и статистика населения в конце XVIII в.; *Новиков В. А.* Материалы по земледельческой статистике в Оренбургской губернии. Оренбург, 1859.
- ¹² *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971.
- ¹³ ЦГИА СССР, ф. 1537, оп. 1 (1800 г.).
- ¹⁴ ЦГАДА, ф. 273, оп. 2; ф. 276, оп. 1, 2, 3.
- ¹⁵ Там же, ф. 248, кн. 3577, 174/3745.
- ¹⁶ Там же, ф. 271.
- ¹⁷ Там же, ф. 250 (1762—1800 гг.).
- ¹⁸ Там же, ф. 1355, оп. 1, д. 1886 (Челябинский у.); д. 1871 (Бирский у.); д. 1874 (Бугульминский у.); д. 1855 (Уфимский у.); д. 1876 (Бугурусланский у.); д. 1881 (Стерлитамакский у.); д. 1879 (Мензелинский у.).
- ¹⁹ Там же, ф. Госархив, разряд XVI (1762—1796 гг.).
- ²⁰ Там же, ф. 647, оп. 1 (1749—1780 гг.).
- ²¹ Там же, ф. 665, оп. 1 (1728—1780 гг.).
- ²² Там же, ф. 350, оп. 1.
- ²³ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, 5, 11 (1804—1916 гг.).
- ²⁴ Там же, ф. 1409, оп. 1 (1829—1833 гг.).
- ²⁵ Там же, ф. 1290, оп. 4, 6 (1811—1918 гг.).
- ²⁶ Там же, ф. 1152, оп. 1—5.
- ²⁷ ГАОО, ф. 11, оп. 11 (1829—1918 гг.).
- ²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1538, оп. 1 (1800 г.). Ревизия сенаторов М. Г. Спиридова и И. К. Лопухина Вятской, Казанской и Оренбургской губерний. — Там же, ф. 1281, оп. 4, 11 (Совета министра внутренних дел).
- ²⁹ ЦГАДА, ф. 248 (Межевая экспедиция Сената); ф. 263 (V Департамент Сената), оп. 1, ч. I—II; оп. 2; ф. 273 (Камер-Коллегия), оп. 2, ф. 1244 (Канцелярия статс-секретарей); ф. 247 (Дела и приговоры правительствующего Сената по Оренбургской губ.).
- ³⁰ ГАОО, ф. 6 (Канцелярия Оренбургского военного губернатора), оп. 1—4.
- ³¹ ГАЧО, ф. 28, оп. 1.
- ³² Там же, ф. 3, оп. 1 (1790—1911 гг.).
- ³³ Материалы по истории России: Сб. указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734 г. По архивным документам Тургайского областного управления составил А. И. Добросмыслов. Оренбург, 1900. Т. 1 (1735, 1736 гг.); Т. 2.
- ³⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Т. 1. Ч. 1; Л., 1949. Т. 3; М., 1956. Т. 4. Ч. 1, 2; М., 1960. Т. 5.
- ³⁵ *Рычков П. И.* История Оренбургская. Оренбург, 1896; *Он же.* Топография Оренбургская, или Полное географическое описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1, 2 (2-е изд. вышло под названием: *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887).

- ³⁶ *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Пермь, 1889—1900. Вып. 1—8; *Шишонко В. Н.* Пермская летопись, 1884. Вып. 3 (1645—1676 гг.); 1884. Вып. 4 (1676—1682 гг.); 1885. Вып. 5. Ч. 1 (1682—1694 гг.); 1887. Вып. 5. Ч. 2 (1695—1701 гг.); 1889. Вып. 5. Ч. 3 (1702—1705 гг.).
- ³⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18895.
- ³⁸ *Новиков В. А.* Указ. соч.
- ³⁹ *Греков Б. Д.* Опыт обследования анкеты в XVIII в. — В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг. Л., 1929, вып. 35, с. 39—104.
- ⁴⁰ ЦГАДА, ф. 612, д. 121.
- ⁴¹ *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773—1778. Ч. 3; *Лепехин И. И.* Полное собрание ученых путешествий по России, изданное Академией наук. СПб., 1821. Т. 3; *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Пер. с нем. СПб., 1799. Ч. 2.
- ⁴² [Небольсин Г.] Указ. соч. Ч. 1.
- ⁴³ ГАОО, ф. 1 (1734—1737 гг.).
- ⁴⁴ ЦГАДА, ф. 248, оп. 3 (1737—1744 гг.), кн. 143, 144, 148, 150.
- ⁴⁵ Там же, кн. 132.
- ⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 379 (1 отделение Сената по управлению государственными крестьянами и имуществами), оп. 1 (1801—1837 гг.), д. 610—1556.
- ⁴⁷ Там же, ф. 1285, оп. 1, д. 27—564.
- ⁴⁸ ГАОО, ф. 98, оп. 1, д. 6—87.
- ⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 1, 9, 13, 15.
- ⁵⁰ ГАОО, ф. 18, оп. 1.
- ⁵¹ ЦГАДА, ф. 429, оп. 1, д. 1—867.
- ⁵² Там же, ф. 611, оп. 1, д. 1—372.
- ⁵³ Там же, ф. 612, оп. 1, д. 1—946.
- ⁵⁴ Там же, ф. 614, оп. 1, д. 1—710.
- ⁵⁵ Там же, ф. 613, оп. 1, д. 1—507.
- ⁵⁶ Там же, ф. 1323, оп. 1, д. 1—3410.
- ⁵⁷ Там же, ф. 1324, оп. 1, д. 1—3936.
- ⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1 (1801—1837 гг.).
- ⁵⁹ Там же, ф. 380, оп. 18.
- ⁶⁰ Там же, ф. 1374, оп. 1, 2, 3.
- ⁶¹ ГАОО, ф. 36, оп. 1.
- ⁶² Там же, ф. 18, оп. 2.
- ⁶³ Там же, ф. 11.
- ⁶⁴ Там же, ф. 10, оп. 1.
- ⁶⁵ Там же, ф. 98, оп. 2.
- ⁶⁶ Там же, ф. 3.
- ⁶⁷ Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и киргиз-китайских ордах. — В кн.: Временник Московского общества истории, древностей российских. М., 1852, кн. 13.
- ⁶⁸ Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773 гг.). СПб., 1893.
- ⁶⁹ Записка Дмитрия Волкова об Оренбургской губернии 1773 г. / Сообщено В. И. Ламанским. — Вест. Рус. географ. об-ва, 1859, ч. 27.
- ⁷⁰ Записка Оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа о недостатках вверенной в его управление губернии / сообщено В. И. Ламанским. — Там же.
- ⁷¹ Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. Оренбург, 1907.
- ⁷² *Суходольский Л. С.* Распространение христианства в Уральском крае. — Оренбург. епарх. ведомости, 1859, № 29, 30, 31.
- ⁷³ [Щербатов М. М.] История Российская с древнейших времен, сочиненная кн. Михаилом Щербатовым. СПб., 1770—1791. Т. 1—7; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1818—1829. Т. 1—12; *Погодин М. П.* Историко-критические отрывки. М., 1846. Кн. 1; 1861. Кн. 2; *Он же.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, 1853—1856. М., 1874; *Миллер Ф.-Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937; *Иловайский Д. И.* История России. М., 1876—1905. Ч. 1—6.
- ⁷⁴ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. (Т. 1—2); 1960. Кн. 2 (Т. 3, 4); Кн. 4 (Т. 7—8); *Он же.* О влиянии природы русской государственной области на ее историю. — Отечественные записки, 1850, т. 69, отд. 2; *Он же.* Начало русской земли. Древняя Россия: Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого. — Соч. СПб., 1882; *Кавелин К. Д.* Собр. соч. СПб., 1859. Т. 1. Монографии по русской истории; *Уичерин Б. П.* Опыт по истории русского права. СПб., 1858; *Ешевский С. В.* Русская колонизация Северо-Восточного края. М., 1870. Ч. 3; *Фирсов Н. А.* Положение инородцев Северо-

- Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866; *Ключевский В. О.* Соч. М., 1956, т. 1, ч. 1; 1957, т. 3, ч. 3; *Бага-лей Д. И.* Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.
- ⁷⁵ *Огановский Н.* Закономерности аграрной эволюции. Саратов, 1911. Ч. 2. Очерки по истории земельных отношений в России; *Богословский М. М.* Древняя русская история. М., 1913. Вып. 1; *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в.; *Соколовский П. А.* Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб., 1878; *Он же.* Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877; *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882; *Фирсов Н. Н.* Исторические характеристики и эскизы (1890—1920 гг.). Казань, 1921. Т. 1.
- ⁷⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. 2, с. 315—316.
- ⁷⁷ Там же, с. 223.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 593.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же, с. 252.
- ⁸² См.: Там же, с. 253.
- ⁸³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 220, 223 (примеч.).
- ⁸⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.
- ⁸⁵ Там же, с. 563.
- ⁸⁶ Там же, с. 563—564.
- ⁸⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 230.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же, с. 405.
- ⁹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 233.
- ⁹¹ Там же, с. 233—234.
- ⁹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 224.
- ⁹³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 70.
- ⁹⁴⁻⁹⁵ Там же, с. 151.
- ⁹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 253 (примеч.).
- ⁹⁷ Там же, с. 336.
- ⁹⁸ *Ямзин И. Л., Воишин В. В.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926, с. 4.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ *Шульгин М. М.* Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX в. М., 1928.
- ¹⁰¹ *Кафенгауз Б. Б.* Строительство первых уральских заводов. — *Вопр. истории*, 1945, № 5/6, с. 44—73; *Он же.* Из истории колонизации Урала. — *Докл. и сообщ. ист. ф-та МГУ*, 1948, вып. 5, с. 33—45; *Он же.* История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.; Л., 1949. Т. 1; *Он же.* Хлебный рынок 20—30-х годов XVIII в.: По материалам внутренних таможен. — В кн.: *Материалы по истории земледелия в СССР*. М., 1952. Сб. 1.
- ¹⁰² *Черевань А. С.* Формирование условия государственных крестьян на Урале и Европейском Севере России. Петрозаводск, 1960; *Он же.* Из истории землевладельческого хозяйства государственных крестьян Карелии, Европейского Севера России и Урала во второй половине XVIII—первой половине XIX в.: (К вопросу о разложении крестьянства). — В кн.: *Вопросы истории*: Сб. статей. Петрозаводск, 1961, вып. 1, с. 61—106.
- ¹⁰³ *Васильев С. М.* Припущенники на башкирских землях в первой половине XVIII в.: (Тептяро-бобыльское население Башкирии). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1950; *Бельская Т. Б.* Земельные отношения в Башкирии в XVII в. М., 1950; *Демидова Н. Ф.* Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. — В кн.: *Материалы по истории Башкирской АССР*. Т. 3; *Она же.* Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI—XVIII вв. — В кн.: *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*, 1962 г. Минск, 1964.
- ¹⁰⁴ *Новосельский А. А.* К вопросу об экономической собственности беглых крестьян на юге Москов-

- ского государства в первой половине XVII в. — Исторические записки, 1945, т. 16; *Он же*. Отданные книги беглых как источник изучения народной колонизации в XVII в. — Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та. М., 1946. Т. 2; *Он же*. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948; *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959.
- ¹⁰⁵ *Чекменев С. А.* Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и первой половине XIX в. Пятигорск, 1967.
- ¹⁰⁶ *Бахрушин С. В.* Вопросы русской колонизации Сибири. — В кн.: Научные труды. М., 1955. Т. 3.
- ¹⁰⁷ *Яцунский В. К.* Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг. — История СССР, 1957, № 1, с. 192—224.
- ¹⁰⁸ *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в. М.; Л., 1946; *Преображенский А. А.* Очерки Колонизации Западного Урала в XVII—начале XVIII в. М.; Л., 1956; *Устюгов Н. В.* Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.
- ¹⁰⁹ *Жуковский И. В.* Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 г. СПб., 1832.
- ¹¹⁰ *Дебу И.* Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837.
- ¹¹¹ *Арсеньев К. И.* Статистические очерки России.
- ¹¹² *Кайлг Е.* Движение народонаселения России с 1848 и по 1851 г. СПб., 1958; *Данилевский Н.* Статистические исследования о распределении и движении народонаселения в России за 1846 г. СПб., 1851; *Штукенберг И. Ф.* Описание Оренбургской губернии с Уральско-Оренбургской линией. СПб., 1857, т. 1, с. 2 (Статистические труды); *Ханыков Я.* Географическое обозрение Оренбургского края. — В кн.: Материалы для статистики Российской империи..., отд. 2, с. 1—37.
- ¹¹³ *Рябинин А.* Уральское казачье войско. СПб., 1866; *Костенко Ю.* Уральское казачье войско: Исторический очерк и система отбывания воинской повинности. — Военный сборник, 1878, № 9/11; *Бородин Н. А.* Обзор литературы об Уральском казачьем войске. — УВВ, 1885, № 31, 32; *Он же*. Статистическое описание Уральского казачьего войска / Изд. Войскового хозяйственного управления. Оренбург, 1891; *Старилов Ф. М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890; *Авдеев П. И.* Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, 1873 г. Оренбург, 1904; *Карнов А. Б.* Уральцы: Исторический очерк. Уральск, 1911. Ч. 1. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550—1725).
- ¹¹⁴ *Зверинский В.* Поуездный список селений Оренбургской губернии в алфавитном порядке. — В кн.: Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Оренбург, 1877, вып. 1, с. 41—103.
- ¹¹⁵ *Суходольский Л. С.* Указ. соч.
- ¹¹⁶ *Игнатьев Р. Г.* Миасские золотые прииски. — Оренбург. листок, № 2, 7, 8, 9; Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. Оренбург, 1869.
- ¹¹⁷ *Игнатьев Р. Г.* Взгляд на историю Оренбургского края. — Оренбург. губерн. ведомости, 1881, № 29.
- ¹¹⁸ *Свирелин М.* Колонизация Оренбургского края в первой половине XVIII в. — В кн.: Древняя и новая Россия: Сборник статей. Пг., 1876, май/июль/август, с. 178—186, 232—243.
- ¹¹⁹ *Новиков В.* Очерк колонизации Башкирского края. — В кн.: Историческая библиотека. СПб., 1878, № 12.
- ¹²⁰ *Сувагинский К. Е.* Переселенцы в Оренбургской губернии. Оренбург, 1889.
- ¹²¹ *Витевский В. Н. И. И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: Историческая монография. Казань, 1889—1897. Т. 1—5.
- ¹²² *Игнатьев Р. Г.* Миасские золотые прииски в Оренбургской губернии. — В кн.: Справочная

- книжка Оренбургской губернии на 1870 г.; *Он же*. Население Оренбурга в 1797 г. — Там же, на 1872 г. Оренбург, 1871; *Он же*. Хроника достопамятных событий в Уфимской губернии. — В кн.: Уфимский юбилейный сборник в память празднования трехсот-летнего юбилея г. Уфы. Уфа, 1889; *Алекторов А. Е.* История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883; *Столянский П. Н.* Город Оренбург. Оренбург, 1908; *Кривошецов А. И.* Исторические судьбы Оренбургского края. — В кн.: Вестник Оренбург. учеб. округа, Уфа, 1912, № 3, 4; 1913, № 3, 4; *Он же*. Крестьянский бунт в Челябинском уезде. — Там же, 1912, № 6; *Он же*. Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия в Исетском крае и его достопримечательности. — Там же, 1914, № 5, 6, 7; *Левшин И. А.* Справочно-хронологический перечень, относящийся к местности нынешней Оренбургской губернии с половины XVI в. до настоящего времени. — В кн.: Адрес-календарь и Памятная книжка Оренбургской губернии на 1895 г. Оренбург, 1894; *Модестов Н.* Основание г. Оренбурга и первоначальное благоустройство его: [По донесениям статского советника Ивана Кирилловича Кириллова в Синод]. — В кн.: Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии, 1917. Вып. 35.
- ¹²³ *Шишонко В. Н.* Пермская летопись: Третий период — с 1645 по 1676 г. Пермь, 1884.
- ¹²⁴ *Дмитриев А. А.* К истории Зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. Пермь, 1900. Вып. 8.
- ¹²⁵ *Зырянов А.* Материалы для заселения Зауральского края. — Пермские губернские ведомости, 1865, № 64; 1869, № 1, 63; 1870, № 1, 72; 1871, № 33.
- ¹²⁶ *Фирсов Н. А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869; *Перегаткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII в.: Очерки по истории колонизации края. Одесса, 1882; *Ешевский С. В.* Русская колонизация Северо-Восточного края. — В кн.: Сочинения по русской истории. М., 1900; *Крупенин А.* Краткий исторический очерк населения и цивилизации Пермского края. — Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1.
- ¹²⁷ *Савич А. А.* Прошлое Урала. Пермь, 1925.
- ¹²⁸ *Рязанов А. Ф.* Оренбургский край: (Исторический очерк). Оренбург, 1928; *Пистоленко В. Н.* Из прошлого Оренбургского края: (Очерк). Чкалов, 1939; *Мещеряков П. В., Байдерин В. В.* Материалы о прошлом и настоящем Челябинской обл. Челябинск. 1939.
- ¹²⁹ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 1. Ч. 1; 1959. Т. 1. Ч. 2.
- ¹³⁰ *Устюгов Н. В.* Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.; *Он же*. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.
- ¹³¹ *Деггарев И. В.* К истории заселения местности по среднему течению реки Миасс: Начальный период.
- ¹³² *Альброт М. И.* Основание Чебаркульской и Миасской крепостей: (По архивным материалам). — В кн.: Краеведческие записки. Челябинск, 1969. Вып. 2.
- ¹³³ *Кондращенко А. А.* Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв. Челябинск, 1966. Ч. 1; *Оборин В. А.* К истории крестьянской колонизации Урала в XVI—XVII вв.: Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963 (Материалы научной конференции); *Он же*. К истории крестьянской колонизации Верхнего Прикамья в XVI—первой половине XVII в. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г. Кишинев, 1966.
- ¹³⁴ *Смывановская Л. А.* К вопросу о развитии торгового земледелия в Оренбургской губернии в пореформенный период. — Учен. зап. Чкаловского пед. ин-та, 1956. Вып. 8.
- ¹³⁵ *Тарасов Ю. М.* Из истории крестьянской колонизации Южного Урала в первой половине XIX в. Учен. зап. Кишинев. гос. ун-та. Сер. ист. 1964. Т. 72.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ С 30-х ГОДОВ ДО КОНЦА XVIII в.

1. НАЧАЛО ОСВОЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ ЮЖНОГО УРАЛА

Южный Урал (бывшая Оренбургская губ.) занимает громадную территорию, простираясь на севере до берегов р. Камы, на западе — Волги, на востоке ее границы достигли Западной Сибири, на юге — Каспийского моря¹. В административном отношении территория Южного Урала стала представлять единое целое лишь с 1744 г., когда была образована Оренбургская губ., а до этого Уфимская часть с городами Уфой, Бирском, Мензелинском и Осой управлялась уфимскими воеводами. В 1706 г. была создана Уфимская провинция, включенная в 1708 г. в состав Казанской губ.² Территория Южного Зауралья с 13 августа 1737 г. составила Исетскую провинцию³, разделенную на дистрикты, или уезды: Исетский, Окуневский и Шадринский у. (последний вошел в Пермскую губ. в 1781 г.). К этим трем дистриктам в 1756 г. были присоединены вновь образованные Куртамышский и Увельский дистрикты. Административный центр провинции находился вначале в Теченской слободе Окуневского дистрикта, с 1739 г. — в Чебаркульской и с 1743 г. — в Челябинской крепости⁴.

Крепости, образовавшиеся с 1735 г. на Оренбургской линии, подчинялись на первых порах «Известной», или Оренбургской, экспедиции, созданной в 1734 г. и в 1737 г. переименованной в Оренбургскую комиссию, в управления которой находились Исетская и Уфимская провинции. 15 марта 1744 г. по указу Елизаветы I была создана Оренбургская губ. с центром в г. Оренбурге. Она была разделена вначале на следующие провинции: Оренбургскую, куда входил Оренбург с крепостями по Уралу, Ставропольскую — Ставрополь и вся Закамская линия, Уфимскую — Уфа, Мензелинск, Табинск с крепостями Нагайбацкой, Елдацкой и Красноуфимской, Челябинск с крепостями и слободами⁵. В Оренбургскую губ. входила территория Яицкого казачьего войска.

Со времени создания Оренбургской губ. и до середины XIX в. производились неоднократные административные изменения. Главнейшие из них следующие: в 1752 г. к губернии был присоединен от Астраханской губ. Гурьев-городок, в 1773 г. от Казанской — Самара. 23 декабря 1781 г. образовано Уфимское наместничество из двух областей: Уфимской и Оренбургской⁶. К Уфимской области относилось восемь уездов: Уфимский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский, Бугурусланский, Белебеевский, Стерлигамакский и Челябинский; к Оренбургской — пять: Оренбургский, Верхнеуральский, Бузулукский, Сергиевский (вскоре упразднен) и

с 1784 г. Троицкий. Центром Уфимского наместничества стал Оренбург. Во время этой административной перестройки Гурьев и Уральск отошли к Астраханской губ., Шадринск и Оса — к Пермской губ., Самара и Ставрополь — к Симбирскому наместничеству. В 1796 г. Уфимское наместничество снова переименовывается в Оренбургскую губ., Оренбург остается губернским центром⁷. В 1850—1851 гг. из состава губернии были выделены Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский у., которые вошли в состав вновь образованной Самарской губ. В 1865 г. последовал новый раздел Оренбургской губ.: из нее выделилась Уфимская губ. К Оренбургской губ. отошли пять уездов: Оренбургский, Орский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский; все остальные уезды вошли в состав Уфимской губ. (Уфимский, Бирский, Мензелинский, Белебеевский, Стерлитамакский)⁸. Такое административное деление просуществовало до Великой Октябрьской социалистической революции.

Климатические условия региона в целом благоприятны для занятия сельским хозяйством. Здесь хорошо произрастает пшеница, рожь, ячмень. Земельные богатства края составляли 35 212 624 дес.⁹ Сюда входили пространства, пригодные для пашни, богатые степные пастбища, леса, изобилующие пушным зверем, и реки — рыбой. Со второй половины XVI и до начала XX в. сюда переселяются крестьяне Русского Севера, а затем и центральных районов России.

Советские историки, характеризуя социально-экономические и политические причины переселения русских крестьян на окраины страны, пришли к выводу, что это было своеобразным протестом против крепостного права, гнета помещиков. Русские крестьяне, покидая свои родные места и переселяясь самовольно на окраины, выражали этим недовольство крепостническими порядками, господствующими в Центре России¹⁰.

Миграция населения вызывалась начавшимся с середины XVIII в. наступлением правительства и помещиков на казенную деревню, особенно усилившимся в XIX в. в связи с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений. Помещики силой и обманом захватывали земли казенных имений, срывали межи и вступали в продолжительные судебные тяжбы с крестьянами. Местные власти, как правило, санкционировали подобные захваты земель государственных крестьян, иногда очень значительные¹¹. Этот процесс наступления помещиков на казенную деревню особенно интенсивно протекал в Тульской, Рязанской, Тамбовской, Курской, Орловской, Таврической губ. Следствием этого было малоземелье и бедность, увеличение недоимок. Растущее малоземелье и бедность, а также опасность взрыва классовой борьбы в Центре страны вынудили правительство поставить вопрос о переселении государственных крестьян из малоземельных в многоземельные губернии на практическую основу. Для поощрения переселений в конце XVIII в. переселенцам выдавалось

небольшое пособие, а в местах нового водворения предоставлялись временные льготы в уплате податей и отбывании рекрутской повинности. Все эти переселения, устраиваемые правительством в XVIII в., являлись спорадическими, и их опыт в целом не был удачным. Более планомерный и масштабный характер приобрели переселения государственных крестьян в XIX в. В 1837 г. была проведена гр. П. Д. Киселевым реформа государственной деревни. Но, как известно, она не ликвидировала ни малоземелья, ни обнищания казенных крестьян. Все попытки деятельного министра сделать их платежеспособными и зажиточными не имели успеха. В результате поток переселенцев из числа государственных крестьян не только не уменьшился, но возрос со второй трети XIX в. В этот же период увеличилась волна переселенцев из числа крепостных крестьян, в том числе и на Южный Урал¹².

Основными жителями Южного Урала до прихода русских крестьян были башкиры. Кроме башкир, здесь в большом числе проживали татары, мишари, казахи, калмыки. Башкиры вели кочевой и полукочевой образ жизни. Лишь в западной части Башкирии развивалось земледелие. В общественном отношении развитие башкир и других народов Южного Урала задерживалось тем, что они долгое время находились под властью Золотой Орды, а затем — под игом ногайских, сибирских и казанских ханов. Так, с XV в. с распадом Золотой Орды значительная часть населения Башкирии подпала под власть Ногайской Орды. Зауральские башкиры были вынуждены признать свою зависимость от Сибирского ханства; западные районы Башкирии — от Казанского ханства. Башкирия была расчленена. Ногайские башкиры «от своих владельцев, — пишет П. И. Рычков, — совсем были разграблены и разорены и пропитание свое имели с крайнею нуждою от ловли зверей и рыбы»¹³. Грабили башкир также сибирские и казанские ханы. Край приходил в упадок и запустение. Тяжесть гнета усугублялась тем, что башкиры, находясь в составе разных ханств, были разобщены и использовались ханами и феодалами в борьбе друг с другом. Междоусобицы, мешавшие нормальному развитию хозяйственной жизни, были обычным явлением в среде башкир до присоединения края к Русскому государству.

Русские люди появились на Южном Урале после разгрома Казанского ханства в 1552 г., что имело большое значение для всех народов Поволжья, а также для башкир, начавших борьбу за освобождение от власти Ногайской Орды и Сибирского ханства. Эта борьба закончилась к 1557 г. добровольным вхождением значительной части Башкирии в состав Русского государства¹⁴. После 1557 г. лишь небольшая восточная и северо-восточная части Башкирии оставались подвластными Сибирскому ханству до его окончательного падения в конце XVI—начале XVII в.

На первом, начальном этапе освоения Южного Урала во второй половине XVI и начале XVII в. заселялась северо-западная

часть Башкирии. Для закрепления своей власти в крае царское правительство начинает строить здесь города-крепости. В 1574 г. была построена Уфа¹⁵, в 1584 г. — Бирск и Мензелинск, а в 1586 г. — Самара¹⁶. После возведения Уфы край получил название Уфимского уезда и был причислен к ведомству Приказа Казанского двора¹⁷. Уезд был весьма обширен: он включал территорию предреволюционной Уфимской губ., Осинский и часть Красноуфимского у. Пермской губ., части Верхнеуральского, Троицкого и Челябинского у. Оренбургской губ. В 1708 г. уезд был переименован в провинцию Казанской губ., хотя краем продолжали управлять воеводы. Затем вследствие частых волнений башкир Уфимская провинция, исключая Мензелинский у., указом Петра I от 27 июня 1728 г. была изъята из ведения казанских губернаторов и передана непосредственно в ведение Сената. Уфа, Бирск, Мензелинск, Самара составили первую линию русских укреплений в Башкирии. В первой половине XVII в. эта линия крепостей была усилена возведением новых укреплений по р. Черемшане (Тиинск, Билярск, Шешминск и др.), которые в совокупности образовали так называемую Закамскую черту¹⁸, охватившую северную часть Башкирии и вдававшуюся с запада в самый центр ее. Отсюда и началось заселение Башкирии русским населением. Первыми поселенцами в этой части Башкирии (север будущей Оренбургской губ.) были военнотружильные люди: дворяне, казаки, стрельцы, которые в связи с постройкой военных крепостей стали получать в надел башкирские земли, особенно много вблизи Уфы, и селить на них крестьян¹⁹. Причем здесь, как и на юге Русского государства, «дворяне и дети боярские принадлежали обычно к низшему разряду служилого класса и нередко лично «пробовали крестьянской работы»²⁰.

Таким образом, центром служилой колонизации в Башкирии явился г. Уфа и его уезды. В ближайших окрестностях Уфы находились селения, которые названы по фамилиям первых дворян, поселившихся здесь. Все эти селения составляли поместья уфимских дворян, которые постепенно оттесняли прежних землевладельцев из числа башкир на новые земли.

В числе первых в крае обосновались и русские монастыри, появившиеся здесь довольно рано, но впоследствии большей частью разоренные башкирами²¹. Это было заселение Башкирии «сверху», по распоряжению царского правительства. Затем благодатный край начал заселяться «снизу». Появились первые беглецы — русские крестьяне, спасавшиеся от крепостного гнета, преследуемые правительством раскольники, а затем и государственные крестьяне, которым правительство отводило в надел свободные земли в Башкирии, известные под названием «диких полей». Во второй половине XVI и первой половине XVII в. большинство из русских крестьян прибыли в Башкирию из районов, расположенных по Волге и Каме, но большей частью с Русского Севера²². Лишь небольшая их часть были выходцами из коренной России. Помимо русских, в Башкирию направлялось

с северо-востока (из Сибири) много выходцев из перусского населения, главным образом татар.

Систематическая крестьянская колонизация происходила и в Прикамской Башкирии. Одним из древнейших здесь поселений русских была Новоникольская слобода, возникшая в 1591 г. (будущий г. Оса).

На этом этапе колонизации Южного Урала положение русских поселенцев было весьма неустойчивым. Во время башкирских восстаний XVII в. многие русские поселения были уничтожены (Бирск, Кунгур и др.), поэтому колонизация Уфимского у. проходила довольно медленно. По данным 1678 г., в Уфе числилось всего 17 посадских дворов, в Уфимском у. — 431 двор государственных крестьян, 56 дворов монастырских и церковных крестьян, 195 дворов крепостных крестьян²³.

Заселение русскими крестьянами северо-западной части Башкирии (территории, которая впоследствии составила Уфимский, Бирский и Мензелинский у. Оренбургской губ.) имело большое значение для дальнейшего освоения края и создания первого очага земледелия на Южном Урале.

Почти одновременно с заселением русскими северо-западной части Башкирии происходило освоение юго-востока Урала донскими казаками. Обосновавшись на р. Яик, они образовали яицкое, или уральское, казачество. История яицкого (уральского) казачества подробно представлена в источниках и специальных работах²⁴. Из них мы узнаем об основании Яицкого казачьего войска в 1591 г. как боевой единицы, о первых казачьих городках, игравших значительную роль в жизни яицкого войска, о непрерывной борьбе яицких казаков со своими соседями — калмыками и башкирами, о постепенном подчинении, начиная с Петра I, яицких казаков царскому правительству, о стремлении использовать яицких казаков в целях военной колонизации Оренбургского края, об уменьшении казачьих вольностей и т. д.

Значение колонизации казаками территории, прилегающей к р. Яик, огромно: это сильно способствовало ее постепенному присоединению к Русскому государству; борьба яицких казаков с ногайскими татарами и калмыками сдерживала их вторжение в юго-восточные районы страны; из яицких казаков вербовались отряды для походов в Зауралье, Сибирь и далее на Восток; Яицкое казачье войско, как и Донское, являлось очагом вольности, местом, где скрывались беглые крепостные и все недовольные крепостническими порядками в Русском государстве. Яицкие казаки принимали активное участие в крестьянских войнах. На них же легла задача защиты крепостей и русского населения в период массового заселения края начиная со второй половины XVIII в.

Очередной поток колонизационного движения на Южный Урал начался с середины XVII в. и растянулся почти на целое столетие. В результате русскими крестьянами была заселена территория нынешней Челябинской обл. и Шадринского р-на Кур-

ганской обл., или прежней Исетской провинции. Продвижение переселенцев в этот край осуществлялось по р. Исети и ее притоке Миасу. Наиболее ранние русские поселения вдоль берегов Исети появились в середине XVI в., а на Миасе они стали возникать со второй половины XVII в.

Исетский край составлял Зауральскую Башкирию. После покорения Сибирского царства он вошел в состав Русского государства и зауральские башкиры стали платить ясак царю. Первыми поселенцами здесь были крестьяне из северных и северо-восточных районов Русского государства, с Прикамья и р. Белой, Верхнего и Среднего Поволжья²⁵, а также сибирские казаки из отряда Ермака, ставшие потом исетскими казаками²⁶. В колонизации Зауралья Прикамье сыграло роль центра снабжения первых русских поселений продовольствием и снаряжением и «набора „охотчих людей“ для заселения зауральских деревень»²⁷.

Заселению Исетского края (Южного Зауралья) способствовали рано возникшие здесь монастыри, главным образом превратившийся в грозную крепость Далматовский монастырь (1644 г.)²⁸ — крупная феодальная вотчина, административный и хозяйственный центр Исетского края в XVII и XVIII вв.

Рядом с Далматовским монастырем, на оставшихся пустошах были построены крепости и слободы. Первым основателем укреплений на Исети был исетский конный казак Тобольского разряда Давид Андреев²⁹, который, по приказу из Тобольска, заложил Красный Бор. В 1650 г. он же поставил два острога на р. Исети: Усть-Миасский и Исетский³⁰. Прилегающие к острогам земли были отданы Андрееву с правом населять их не только казаками, но и пашенными крестьянами и гулящими людьми из Казанской губ. В том же году на р. Колчеданке (приток Исети) атаманом Балашейкиным был основан Колчеданский острог³¹. Эти четыре укрепления были первыми опорными пунктами исетских казаков при продвижении в глубь региона.

Спустя несколько лет появляется сплошная цепь крепостей по берегам Исети, Миасу, и их притокам. В 1660 г. был построен Мехонский острог, 1662 г. — Шадринский, 1668 г. — Терсюцкий, 1669 г. — Бешкильский, 1671 г. — Красногорский, 1676 г. — Ингалинский, 1677 г. — Арамильский и Средне-Миасский, 1679 г. — Чумляцкий, 1682 г. — Белоярский, 1685 г. — Верхне-Миасский, 1687 г. — Бродо-Калмацкий, 1688 г. — Багаряцкий и Новопесчанский³². Остроги были хорошо укреплены и неоднократно выдерживали осады восстававших казахов, калмыков и башкир. Между острогами стояли форпосты, острожки и маяки для дальней защиты крепостей. Дальнейшее освоение края происходило под прикрытием монастырей и острогов.

Исетский край привлекал крестьян своими земельными богатствами, а также тем, что крестьяне селились здесь на казенных землях на положении свободных. Крестьяне должны были нести ряд повинностей в пользу государства, среди которых весьма распространенной явилась «государева десятинная пашня». Со-

бранный крестьянами с десятинной пашни хлеб поступал в «государевы житницы» и употреблялся на выдачу «хлебного жалования» служилым людям³³.

Первые крестьянские деревни возникли вблизи Далматовского монастыря, и освоение Исетского края шло с севера на юг и юго-запад. От Исети русские переселенцы продвигались в районы по нижнему течению Синары, Течи и Миаса. Полукруг русских поселений обогнул восточные склоны Южного Урала, что создало предпосылки для дальнейшего продвижения русского крестьянства на запад. По данным 1695 г., в Южном Зауралье, или Исетском крае, насчитывалось 1417 дворов с населением 4916 человек мужского пола (м. п.) белопоместных казаков, крестьян и бобылей³⁴.

Из первой переписи вотчин Далматовского монастыря, проведенной в 1680 г., видно, что жители, прибывшие в XVII в. в Исетский край, являлись выходцами из Северного Поморья, Перми, Вятки, Западного Урала, Верхнего и Среднего Поволжья. Лишь немногие прибыли из Центральной России³⁵.

По мере заселения Исетского края начал складываться второй центр земледелия на территории Южного Урала. Характерной его чертой было отсутствие помещиков, без которых сельское хозяйство развивалось здесь более быстрыми темпами, чем в Центральной России.

2. УСИЛЕНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ ОСВОЕНИЯ

Русская крестьянская колонизация Южного Урала (Исетского края и северо-западной части Башкирии) в XVII и первой трети XVIII в. не приобрела широких масштабов. Особенно медленно росло число поселенцев в северо-западной части Башкирии: в 1719 г. в Уфе с пригородами было всего 1198 дворов³⁶. Этому препятствовали набеги степных кочевников на русские земледельческие поселения. Со второй трети XVIII в. на Южном Урале создается целая система военных крепостей, под защитой которых происходит освоение территории Южного Урала, в особенности Южного Зауралья. Начинается новый этап в процессе заселения Южного Урала русскими. Характерным для него было заселение русскими крестьянами территории современной Оренбургской и части Куйбышевской областей в связи с деятельностью Оренбургской экспедиции (1734 г.), возглавлявшейся И. К. Кирилловым.

Участникам экспедиции пришлось прежде всего столкнуться с самими башкирами, которые оказали упорное сопротивление при ее продвижении. Для снабжения экспедиции продовольствием Кириллов осенью 1734 г. приказал построить Верхне-Яицкую крепость (Верхнеуральск), откуда хлеб и другой провиант, полученный из Сибири, должен был сплаваться по Яику на плотах до нового города (имеется в виду Оренбург). П. И. Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» писал: «Верхнеяицкая крепость.

которая иногда и пристанью именуется, потому что сначала было намерение, дабы, получая тут провиант, железо и всякие тягости, отправлять до Оренбурга на судах водою, что и отведывано, и для строения судов на оной пристани находились особливые мастеровые люди»³⁷. 15 августа 1735 г., после того как Оренбургская экспедиция достигла р. Ори, Кириллов заложил здесь город, названный Оренбургом (нынешний Орск). Так возник первый русский город на окраине Европы, в пределах современной Оренбургской области.

Постройка Оренбурга вызвала серию башкирских восстаний (1735—1739 гг.). Для подавления их в край двинулись значительные силы с Дона, Волги, Яика. Одновременно принимаются меры, имевшие целью укрепить положение русских дворян и офицеров в Башкирии. Так, указ 1736 г. разрешил им приобретать башкирские земли на «законном основании». «Хотя по прежним указам в Уфимском уезде земли и угодья у башкирцев покупать и крепить не велено, однако же ныне усмотрено, что запрещение им, башкирцам, весьма не полезно: того ради, для лучшей их впредь пользы, указали мы то запрещение отменить и впредь с сего указа и угодья тамошним жителям, дворянам и офицерам и мещеракам у башкирцев покупать и крепить за себя позволить. . . »³⁸

Для закрепления на территории Башкирии Кириллов в условиях растущего сопротивления местного населения строил новые крепости по рекам Сакмаре, Самаре и Яику. К 27 октября 1736 г. было заложено 21 укрепление, наиболее известные из них Оренбург (нынешний Орск; в 1743 г. Оренбург был перенесен на то место, где находится сейчас), Самарская, Борская, Ольшанская, Бузулукская, Сорочинская, Переволоцкая, Камыш-Самарская (потом Татищевская), Чернореченская, Бердская крепости и укрепления Губерлинское и Озерное³⁹.

В Южном Зауралье в это время также были построены укрепления. В 1736 г. осенью завершается постройка четырех крупных крепостей: Чебаркульской, Еткульской, Челябинской и Миасской⁴⁰. Инициатива в создании этих крепостей принадлежала В. Н. Татищеву. М. И. Альбрут, описывая историю построения этих крепостей, указывал, что, выбирая местность для строительства крепостей, Татищев стремился к расширению земледельческого края⁴¹. Территория, на которой были возведены Чебаркульская, Миасская и Челябинская крепости, изобиловала черноземной почвой, лесом, который давал строевой материал для крестьянских поселений, богатыми рыбой озерами, хмелевыми угодьями, ягодами, грибами. Исетские крестьяне давно стремились заселить эту местность.

Главную роль среди зауральских крепостей стала играть Челябинская, так как она располагалась на р. Миас, которая ближе всех рек из исетской речной системы подходит к верховьям Яика, по ней доставлялся хлеб и весь провиант для оренбургских крепостей.

Долгое время при объяснении названия «Челябинск» было распространено мнение, что это название произошло от башкирского слова «селяк», обозначающего короб. Впервые такое объяснение появилось в печати в очерке о Челябинске В. А. Орлова⁴². На протяжении почти ста лет оно не встретило возражения. Только в наше время, в 60-х годах XX в., М. И. Альбрут высказал мысль, что название города произошло от личного имени «Циля-бей». По его мнению, место города когда-то принадлежало Циля-бею⁴³. И крепость Челябинская получила название от хозяина местности, на которой возникла крепость. Мнение Альбрута заслуживает внимания.

С построением Челябинской и ряда других крепостей была основана Исетская линия крепостей (1736—1738 гг.), и на этой территории в 1737 г. создана Исетская провинция⁴⁴, а по другую сторону Урала еще ранее — Уфимская провинция. Обе провинции находились в зависимости от Оренбургской комиссии, а с образованием в 1744 г. Оренбургской губ. — от ее генерал-губернатора. Просуществовала Исетская провинция до 1781 г., центром ее с 1743 г. стал г. Челябинск. В начале 50-х годов XVIII в. в Южном Зауралье были построены новые крепости: Троицкая, Каракульская, Крутойрская, Усть-Уйская (на р. Уй, приток Тобола) и Звериноголовская (в 1753 г.), составившие Уйскую линию крепостей. Всего на Южном Урале в 30—40-х годах было основано пять главных линий крепостей, центром которых был г. Оренбург — стратегический узел крепостей в крае. Основной стратегической линией была Яицкая линия, тянувшаяся вдоль Яика. К главной линии примыкало несколько второстепенных. Одна из них шла от р. Уй на северо-восток и далее по р. Миасу. От устья р. Миаса протянулась Екатеринбургская линия. Она следовала на запад через Шадринск и Екатеринбург, через Уральские горы на Красноуфимск, Кунгур и Осу, где упиралась в Каму⁴⁵.

Таким образом, получался большой четырехугольник, западную сторону которого составляли Кама и Волга, северную — Екатеринбургская линия от Осы до устья Миаса, восточную — реки Миас и Яик до устья р. Орь и южную — Яик. Башкирия была замкнута со всех сторон в этом четырехугольнике.

Вместе с постройкой укрепленных линий было создано в 1744 г. Оренбургское казачье войско⁴⁶, в состав которого вошли исетские, яицкие, самарские и украинские казаки. Располагались казачьи войска на большом пространстве между Волгой и Яиком, Камой и Тоболом и подчинялись оренбургскому военному губернатору. За свою службу они наделялись правительством земель и угодиями. После образования Оренбургской губ. в 1744 г. казаков насчитывалось 4493 человек⁴⁷. Кроме них здесь находились также ландмилицкие и гарнизонные (Оренбургский и Уфимский) полки⁴⁸. Всего военных по линиям и внутри Оренбургской губ. было в 1760 г. 20 тыс. человек⁴⁹, а к 1850 г. их число возросло до 162 149 человек⁵⁰.

Создание Оренбургской линии крепостей и оренбургского казачества явилось одним из главных условий заселения русскими крестьянами Оренбургского края. Именно с 30—40-х годов XVIII в. развернулась усиленная колонизация Южного Урала русскими крестьянами.

Как уже было сказано ранее, этот процесс шел различными путями. В конце XVI и начале XVII в. русские крестьяне и военно-служилые люди начали заселять северо-западную часть Башкирии, донские казаки во второй половине и в конце XVI в. захватили в свои руки среднее течение Яика. В середине XVII в. с территории Русского Севера (Поморья), Среднего Урала и Сибири поток переселенцев устремился в Южное Зауралье, в результате чего русскими крестьянами были заселены берега Исети, Пышмы, верховья Уфимки и Чусовой, нижнее течение Течи и Миаса. Со второй половины XVII в., особенно с 80-х годов, пришлое население проникает на среднее и верхнее течение Течи, Синары, на реки Багаряк и Караболку, то есть на территорию современной Челябинской области. В 1688 г. застраивается Белоярская (Теченская слобода)⁵¹, в 1689 г. возникла Багаряцкая слобода на р. Багаряке⁵². Слободы постепенно обрастали деревнями и представляли собой довольно значительные по тому времени населенные пункты. Но в верховьях р. Миас никаких русских поселений не было. Исключение представляла лишь Чумляцкая слобода, основанная еще в 1684 г.⁵³ Совершенно иную картину мы наблюдаем с конца 40-х годов XVIII в., с основания Исетской и Уйской линий крепостей. Эти крепости контролировали район среднего и верхнего течения Миаса, а также междуречье Миаса и Уя. В результате сюда начали переселяться крестьяне из разных дистриктов Исетской провинции.

В середине XVIII в. на этой территории возникают первые поселения, число которых все время растет. Они основывались главным образом государственными крестьянами, прибывшими сюда из Среднего Урала, Сибири, а также из старых поселений по нижнему Миасу, в первую очередь из Окуневской слободы. Как шло заселение этой местности с конца 30-х годов по конец XVIII в.? Самой ранней на этой территории была Чумляцкая слобода, но она в конце XVII в. подвергалась неоднократному разорению башкирами, а потому жителей в ней в начале XVIII в. насчитывалось лишь 107 человек обоего пола (об. п.)⁵⁴.

По данным III ревизии, в 1763 г. в районе слободы Чумляцкой было уже 18 населенных пунктов с 872 р. д.⁵⁵ Наиболее крупными были деревни Косулино (92 душ), Белоярская (89 душ), Красноярская (87 душ), в остальных 15 поселениях (Кузнецова, Куликова, Пивкина, Чистовская, Козина, Сухоборская, Нифанка, Колмаково-Камыш, Щучье, Зайкова, Тукмайка, Кинкина, Большая Колмакова, Никитина, Пуктин) жителей было значительно меньше. В самой Чумляцкой слободе значилось тогда 110 душ об. п., а с прилегающими к слободе деревнями 982 души. По

мнению И. В. Дегтярева, все население (с учетом женщин) составляло 2 тыс. человек⁵⁶.

Через 32 года, по данным V ревизии, в 1795 г. в районе Чумляцкой слободы было 22 поселения с 504 дворами. В Чумляцкой слободе — 32 двора и 245 жителей. Население всей этой округи составляло 3895 человек⁵⁷.

Столь же быстро шло заселение района крепости Миасской. По учету 1740 г. в крепости было 292 души об. п.⁵⁸ В 1763 г. (по данным III ревизии) — 565 душ⁵⁹. Следовательно, всех жителей было около 1 тыс. человек. В 1795 г., по материалам V ревизии, здесь насчитывалось уже 28 деревень (Старикова, Ильина, Сафонова, Устьянцева, Худякова, Конашева, Пяткова, Шитонова, Есаульская, Паншина, заимка Малая Паншина, Харина, Лыкова, Адышева, Худякова (вторая), Поздеева, Анфалова, Кириллова, Бухарина, Измайлова, Притчина, Абидулина, Толмачева, Коптяева, Юлманова, Толубьева, Кистякова, Захарова). Дворов в них — 433, жителей — 2466 душ об. п.⁶⁰ В Миасской крепости в 1795 г. — дворов 181, мужчин — 405, женщин — 471, всего 876 человек. А всего в крепости вместе с деревнями было 614 дворов с 3342 жителями. В Еткульской крепости насчитывалось в начале XIX в. 325 дворов с населением в 1144 душ об. п., состоявшим главным образом из казаков и малолетов⁶¹. В селениях, прилегающих к ней (Потаповой, Сухоруковой, Кузнецовой, деревни Батуриной, Ерофеевой, Бентышевской, Коркиной, Головашиной, Ключевой, Барецковой, Карабиевой, Солозань, Аткуль, Шентрапининской, Копытовой, Белоусовой, Шишломянцевой, Журавлевой, Меньшиной, Печеншиной, Саночкина, Устьянцева, Табанском), имелось 325 дворов с населением в 2881 душ об. п.⁶²

Но особенно быстро заселяется район Челябинской крепости. В 1740 г. в самой крепости зарегистрировано 1831 душ об. п.⁶³ В 1763 г. в крепости и прилегающих поселениях — уже 2379 ревизских душ (р. д.), а с учетом женского населения не менее 4500 человек⁶⁴. Наиболее крупными деревнями были Баландина (97 р. д.), Долгая — 62, Полетаева — 59. Остальные 10 деревень имели менее чем по 50 р. д. (Сосновка, Малышева, Кайгородова, Хордусева, Кременкуль, Першина, Казанцева, Каштакская, Шигаева, Прохорова). В 1795 г. в ведомости Челябинской крепости числилась 41 деревня⁶⁵; добавились новые деревни (Щербаковка, Бухарина, Медведская, Костнева, Трифонова, Барышева, Полинова, Пермькова, Челышева, Кисилева, Буданова, Чернякова, Шеринева, Смолина, Исакова, Синеглазова, Сухоменова, Глубокая, Круглая, Медведева, Чупилова, Коновалова, Парфентьева и поселки Ужевский, Заварухинский, Есаульский, Касаргинский, Мысовой). Во всех деревнях в 1795 г. было в наличии 466 дворов казаков с населением 3203 душ об. п., 363 двора государственных крестьян с населением 2328 душ об. п. Вместе с г. Челябинском и деревнями, прилегающими к нему, в 1795 г. было 1100 дворов и 8095 человек жителей⁶⁶. В самом же Челябинске насчитыва-

лось в 1795 г. 2564 душ об. п.⁶⁷ Таким образом, в четырех крепостях (Челябинской, Миасской, Еткульской, а также Чебаркульской с подведомственными им деревнями) в 1795 г. было примерно 17 432 душ об. п.

Росло население и к востоку от названных крепостей. Куртамышская слобода, заведенная в 1745 г. по указу Анны Иоанновны крестьянином Антоном Лосичиковым из Оренбургского острога, вначале имела 66 дворов и 266 жителей⁶⁸. К 1764 г. в ней уже насчитывалось 33 деревни с 568 дворами⁶⁹. В 1781 г. по ревизии в ней числилось 522 двора и 9326 крестьян⁷⁰. Большинство крестьян были государственными, и только 1859 человек являлись помещичьими. Таловская слобода, основанная в 1748 г. крестьянином Тимофеем Пермяковым, имела при своем основании 53 двора. В 1764 г. вокруг нее находилось 38 деревень с 680 дворами⁷¹. В 1781 г. в ней было 510 дворов с 2320 крестьянами⁷². Все они были государственными.

Каминская слобода при своем основании в 1751 г. крестьянином Антоном Локтевым имела 131 двор⁷³. В 1765 г. в ней было 12 деревень с 595 дворами⁷⁴. В 1781 г. в слободе насчитывалось 492 двора и 1944 жителя (помещичьих крестьян среди них не было)⁷⁵. Всего крестьян в Куртамышском комиссариате, или уезде, куда входили Куртамышская, Таловская и Каминская слободы, в 1781 г. оказалось 15 335 человек вместе с населением Куртамышского пригорода⁷⁶. Из них лишь 1745 человек были помещичьими или состояли при Куртамышской канцелярии дворцовыми людьми⁷⁷.

В середине—во второй половине XVIII в. под прикрытием Исетской и Уйской линий крепостей образовались Нижнеуевльская, Верхнеуевльская, Кундравинская, Подгорная, Челябинская (в конце XVIII в. Долгодеревенская вол.), Карачельская, Алабужская, Кочердынская слободы. В источниках называются разные даты основания этих слобод. На мой взгляд, наиболее правильные сведения приводит Г. А. Турбин в работе «Из истории крестьянского заселения Южного Урала в середине XVIII—начале XIX в.»⁷⁸ Его данные основаны на документах ЦГАДА. Он утверждает, что Нижнеуевльская (Ильинская) слобода была заведена в 1751 г. Осипом Ильиным, который перевел сюда 80 семей из Верхнетеченской слободы Шадринского у. Слобода стала разрастаться, и к III ревизии (1763 г.) в ней было 682 р. д. К слободе относились деревни Кочкарская и Хуторская — 78 и 18 р. д. соответственно. Всего в Нижнеуевльской слободе и подведомственных деревнях числилось 778 р. д. В 1795 г. к Нижнеуевльской слободе относилось уже 6 деревень; появились поселения Гагарья, Чистозерская, Кабанская и Луговская.

Верхнеуевльская слобода, согласно расчету Турбина, была заселена в 1752 г., что и подтверждается документами ЦГАДА⁷⁹. В момент заселения в ней имелось до 100 семей государственных крестьян⁸⁰. В 1763 г. в самой Верхнеуевльской слободе и принадлежащих ей деревнях было 586 р. д.⁸¹ К слободе относились

деревни Чюксына — 24 р. д., Котловская — 28, Попова — 42, Шабунина — 26, Кукушкина — 22, Короткова — 10, Большакова — 6, Ключевская — 40. В 1795 г. Верхнеуевельская слобода насчитывала 834 душ об. п., а с окрестными деревнями (добавились Краснокаменная) — 1474, в том числе 704 д. м. п. и 770 женских.

Подгородная Челябинская слобода была основана из части земель Челябинской и Миасской крепостей. В 1763 г. в ней значилось 521 р. д.⁸² (без Челябинска). К этой слободе были приписаны деревни Сосновская — 16 р. д., Полетаева — 59, Малышева — 12, Кайгородова — 10, Харлушина — 14, Кременкульская — 45, Першина — 40, Казанцева — 52, Каштакская — 45, Долгая — 62, Шигаева — 16, Баландина — 97, Прохорова — 53⁸³. В 1795 г. в Челябинской слободе было 1142 р. д., не считая казачьих⁸⁴.

Кундравинская слобода основана в 1755 г.⁸⁵ В 1758 г. в ней вместе с деревнями насчитывалось 242 р. д.⁸⁶ Население слободы особенно сильно выросло к концу XVIII в. В 1795 г. здесь числилось 2295 душ об. п.⁸⁷ К селу было приписано 6 деревень: Темира, Филимонова, Черная, Устинова, Уштаганская, Мельникова.

Во второй половине XVIII в. на востоке Исетской провинции возникла слобода Карагельская, а между слободами Чумляцкой и Бродокалмакской, на берегах озера Алабуга — слобода Алабуга (затем Алабужская слобода). Судя по церковным записям, ее основали переселенцы из окрестных сел и деревень⁸⁸. В 1799 г. к Алабужской слободе относились деревни Тавранкуль и Феклина. В первой осели крестьяне из с. Бродокалмак, а во второй — крестьяне окрестных слобод Пермской губ.⁸⁹ В самой же Алабужской слободе в основном проживали крестьяне из Шиблинской вол. Екатеринбургского у. Они прибыли сюда в 1795 г.⁹⁰

В 1799 г. в Алабужской слободе и приписанных к ней деревнях числилось 966 д. об. п.⁹¹

В 1782 г. была основана Кочердыцкая (Кочердыкская) слобода при оз. Большие Пески. Первые ее жители — крестьяне Чумляцкой слободы, другие переселились из Окуневской слободы и деревень Заозерной, Дюрягиной, Малой, Горшковой, Березовой, Колмаковой и с. Столбового⁹². По окладным книгам, к 1799 г. в слободе считалось 1090 душ об. п. государственных крестьян, в самой слободе проживало по 229 душ м. п., в д. Заманиловке — 127 душ об. п., в д. Кочердыцкой — 217, Кузнецовой — 21, Половинной — 191, Чудиновой — 19⁹³.

С основанием слобод Нижнеуевельской, Кундравинской, Чумляцкой, Бродокалмакской, Карагельской, Алабужской (на востоке Челябинской области), хотя заселение края еще не завершилось, но крестьянское население к концу XVIII в. стабилизировалось и закрепились в административном отношении. Новые слободы возникали на казенной земле. Заселявшие их крестьяне были местными, как показывают источники, выходцами из ранее основанных слобод в Южном Зауралье, в основном из Окуневской сло-

боды. Так, например, жителем названной слободы являлся основатель Верхнеуевельской слободы Варлам Красильников. По приказу Исетской провинциальной канцелярии он записал до 100 семей государственных крестьян в новую слободу, образованную из земель Окуневского и Исетского дистриктов⁹⁴.

По церковным данным, часть жителей Нижнеуевельской слободы при ее основании, а также д. Качкарской были родом из Верхне-Теченской слободы Шадринского у.⁹⁵ Слобода Кундравинская заселялась крестьянами, переведенными из разных слобод Исетской провинции⁹⁶.

Небольшая часть крестьян прибыла в Оренбургский край из ближайших губерний — Симбирской, Казанской, Екатеринбургской, Пермской⁹⁷. Среди переселенцев над другими группами крестьян по-прежнему преобладали государственные крестьяне. Так, по ревизским спискам IV переписи (1782 г.), в Челябинском округе значилось мещан и цеховых 504 душ м. п., экономических крестьян — 3140, государственных — ясашных — 16 069, приписных к частным заводам — 69, помещичьих крестьян — и дворовых людей — 3729⁹⁸. В конце XVIII в. в Окуневской и в новых слободах и прилегающих к ним селах и деревнях жило 29 008 душ об. п. государственных крестьян⁹⁹.

Крестьяне селились, как правило, поблизости от крепостей или заводских центров на пустовавших землях казенного ведомства, а также на башкирских землях, откупленных в вечное владение или арендованных на определенное время. Характерно, что все слободы и деревни были заселены самовольно. В списках слобод и деревень обычно значилось: «поставлена сама собой»¹⁰⁰. Для полного заселения деревень или слобод местные власти действовали согласно указу 1753 г., по которому разрешалось переводить крестьян из старой слободы в новую¹⁰¹. Наряду с возникновением новых слобод и деревень расширялись и старые, происходило слияние малых деревень с большими. Так, например, в Бешкильской слободе в 1766 г. было 115 дворов. В том же году из мелких деревень, лежащих на большой дороге, туда было переселено вначале 12 дворов, затем д. Усова (22 двора), а затем еще 10 дворов из двух других небольших деревень¹⁰². Через некоторое время в Бешкильскую слободу перевели еще 58 дворов из 8 деревень¹⁰³.

Аналогичным образом разрослась и Ингагинская слобода, куда в 1766 г. также стали переселяться крестьяне из мелких деревень. В ней до 1766 г. было 69 дворов, а в 1766 г. — 74¹⁰⁴ за счет переселения крестьян из других деревень. В Терсюцкую слободу в 1766 г. были переселены крестьяне из 11 небольших деревень¹⁰⁵.

Обычно местные власти переселяли крестьян из бедных и небольших деревень. Так, среди десятков деревень, расположенных близ Мехонского острога и переселенных в большую деревню Штанскую были д. Денисовка с 3 дворами, д. Орехова — 4, Панова — 5, Кропачева — 10 и т. д.¹⁰⁶ Надо сказать, что сами кре-

бътыне охотно переселялись в крупные деревни, наделенные лучшими угодьями.

Таким образом, во второй половине XVIII в. «сверху» заметно усилился процесс укрепления деревень в Южном Зауралье. Росло население и монастырских вотчин Исетской провинции. Например, в конце XVII в. (1680 г.) за Далматовским монастырем было 70 дворов и 243 человека мужского пола¹⁰⁷. Во второй половине XVIII в. за монастырем числилось одно село и 14 деревень, в которых по ведомости 1770 г. были 3391 мужчина и 3291 женщина вместе с монастырскими работниками и слугами¹⁰⁸.

К Рафаилову монастырю (близ Исетского острога) в конце XVII в. были приписаны пять деревень с 530 р. д.¹⁰⁹ Во второй половине XVIII в. монастырь имел шесть деревень, в которых насчитывалось 749 р. д.¹¹⁰ Займка Копкого монастыря (20 верст от Рафаилова монастыря) в конце XVII в. насчитывала три деревни с 679 р. д.¹¹¹ Во второй половине XVIII в. в займке было 909 р. д.¹¹² Займка Великоустюжского монастыря (18 верст на юг от Исетского монастыря) в конце XVII в. владела тремя деревнями с 507 р. д.¹¹³ По ведомости 1770 г., к ней было приписано шесть деревень с 722 р. д.¹¹⁴

В конце XVIII и начале XIX в. начали заселяться государственными крестьянами северо-западные окраины Троицкого у. Переселение шло из Кунгурского и Красноуфимского у. Пермской губ. В отличие от поселений новые крестьянские слободы возникли здесь не на казенной, а на земле, принадлежащей башкирам¹¹⁵.

По данным «Экономических примечаний», в Челябинском уезде в 1795 г. насчитывалось 82 808 душ об. п.¹¹⁶, из них 40 506 мужчин и 42 302 женщины¹¹⁷. Основную массу населения составляли русские — 67 843 душ об. п., или 81,9% от всего населения Челябинского у. Нерусских было 14 836 душ об. п., в том числе башкир — 11 598 душ об. п. (13,4%), служилых мурз, татар и мишарей — 3928 (4,7%). По социальному признаку преобладали крестьяне — 51 577 душ об. п. (62,3%), за ними шли служилые люди — 29 474 человек (35,6%), купцы, мещане, духовенство, дворовые люди — 1778 человек (2,1%).

Среди крестьян преобладали государственные — 42 926 душ об. п., или 51,8% от всего населения края и 83,2% крестьянского. Затем шли экономические крестьяне, ранее принадлежавшие тобольскому архиерейскому дому — 7947 душ об. п. (15,14 и 9% соответственно). Помещичьих крестьян насчитывалось 704 души об. п. (0,9 и 1,4% соответственно).

Наиболее многочисленную группу служилого населения составляли башкиры, осуществлявшие охрану Оренбургской и Сибирской укрепленных линий. Их насчитывалось 11 058 душ об. п., или 13,4% по отношению ко всему населению края и 37,5% — к служилому. Значительная часть служилых людей была представлена русскими казаками (гарнизоны крепостей по Миасу и

частично по Оренбургской линии) — 10 109 душ об. п. (12,2 и 34,3% соответственно). В третью группу служилых людей входили штаб-, обер-, унтер-офицеры и солдаты гарнизонов крепостей главным образом Уйской линии. Их было 4379 душ об. п., или 5,3% ко всему населению и 14,9% к служилому. Довольно многочисленную группу служилого населения составляли также татары и мишари, несшие службу на Оренбургской линии — 3928 душ об. п., или 4,7% ко всему населению и 13,3% к служилому. Гражданского населения в г. Челябинске числилось 1778 душ об. п., или 2,1% ко всему населению. Оно состояло из мещан — 1269 душ об. п., или 71,4% ко всему гражданскому населению города; купцов — 206 душ об. п. (11,6%), дворовых людей — 203 д. (11,4%), духовенства — 100 д. (5,6%).

Число дворов в Челябинском у. к концу XVIII в. было 13 250¹¹⁸. Под пашнями было занято более 187 087 дес., сенокосными угодиями — 561 355 дес. 1299 сажень, лесами — 579 644 дес. 1780 сажень¹¹⁹.

Образованный в 1784 г. Троицкий у. географически относился к Южному Зауралью, а поэтому данные по нему также должны быть учтены при установлении численности населения Южного Зауралья в конце XVIII в. В уезде по штату 31 декабря 1796 г. было 21 002 душ м. п.¹²⁰ Таким образом, по приблизительным данным, в Южном Зауралье в конце XVIII в. проживало более 123 тыс. душ об. п.

В других уездах Оренбургского края во второй половине XVIII в. процесс крестьянской колонизации шел не менее интенсивно. Так, для Уфимского уезда это время особенно характерно массовым стихийным наплывом русских крестьян-переселенцев и частично татарских и мордовских. Причем к официальному, полученному от государства наделу русские крестьяне самовольно присоединяли значительные площади земель дворян, приобретенные ими еще в XVII в. Последним спешно приходилось обзаводиться документами, подтверждающими их право на владение¹²¹.

Надо сказать, что при наделении землей русских крестьян, населявших Уфимский у., лишь формально соблюдалась 15% десятинная пропорция, а фактически они завладевали большим количеством земли главным образом за счет самовольного захвата пустующих участков в заводских и дворянских владениях; 50—60% крестьянских поселений в Уфимском у. да и в других уездах Оренбургской губернии были основаны именно во второй половине XVIII в.

К концу XVIII в. в Уфимском у. насчитывалось 9240 крестьянских дворов с населением 61 258 душ об. п. Из них мужчин — 30 716, женщин — 30 542 души. Под пашнями в уезде было занято 164 258 дес., под усадьбами — 4691, под сенокосами — 289 077, лесами — 1 506 040 дес.; степи составляли 110 731 дес., солончаки — 291, неудобной земли было 51 966 дес. Весь уезд располагал 2 127 057 дес. удобной и неудобной земли¹²².

Наиболее крупными из основанных поселений были слобода Никольская и села Богородицкое, Благовещенское (здесь находился медеплавильный завод), Вознесенское, Дмитриевское, Калининники, Казенный Большой Луг, Степановка, а также деревни Александровка, Бабинова, Ветошникова, Елашева, Знаменка, Ивановка, Лосинская, Матвеевка, Новорождественская, Орловка, Первушина, Савельева, Тимкина, Ухтеева, Чистопольская, Ямышева и др.¹²³

Следует также отметить, что в Уфимском у. в XVIII в. наряду с крестьянским землевладением выросло также и дворянское за счет переселения из других районов России на свободные земли крепостных крестьян. Крупнейшими помещиками здесь были Аксаковы, Аничковы, Андреевы, Баженовы, Блудоровы, Булгаковы, Васильевы, Волковы, Гладышевы, Глуховы, Дмитриевы, Демидовы, Дорины, Жилины, Зубовы, Ивановы, Карповы, Каржецкие, Мальковы, Мартыновы, Нагадкины, Овчинниковы, Обресковы, Пановы, Пахомовы, Решетниковы, Романовские, Ростопчины, Серебряковы, Степановы, Тихановские, Третьяковы, Ураковы, Фалкины, Фокины, Хрулевы, Черкасские, Шумские, Яхонтовы и др.¹²⁴

Быстро шло заселение и Стерлитамакского у. В конце XVIII в. здесь насчитывалось 9739 дворов с населением 58 277 душ об. п. К этому времени было распахано пашни около 118 тыс. дес., отведено под усадьбы 15 202 дес., сенокосные угодия в уезде составляли более 600 тыс. дес., лес занимал 935 тыс. дес., степи — 122 тыс., солончаки — около 12 тыс., неудобной земли было 47 тыс. дес. Всего земли в уезде имелось почти 2 млн. дес.¹²⁵ Как и в других уездах, земли Стерлитамакского у. были размежеваны на дачи. Наиболее крупные земельные дачи имели местные заводы (Архангельский, Богоявленский, Верхотурский, Воскресенский — все медеплавильные), а затем слободы, села и крупные деревни: слобода Левашева с деревнями, с. Васильевское с деревнями, сельца Андреевка и Петропавловское с деревнями, пригород Табынск с деревнями, а также деревни: Александровка с деревнями, Бехметова с деревнями, Зилим с заводом и деревней, Кирюшкина с деревнями, Максютова с деревнями, Рамадановка с заводом, Сабаева, Сергеевка, Тимошкина, Федоровка, Чельшева — все с деревнями и многие др.¹²⁶ Помещиками здесь были те же, что и в Уфимском у. Из новых помещиков наиболее видными являлись Воиновы, Дурасовы, Демидовы, Зубовы, Киндяковы, Кандалинцовы, Левашевы, Наумовы, Островские, Пашковы, Романовские, Стрелковы, Яшныевы и др.¹²⁷

Особенно интенсивно в северо-западной части Оренбургской губ. заселялся Мензелинский у. К началу XIX в. там было 13 666 дворов с населением 86 828 душ об. п. Распахано пашни 242 755 дес., сенокосы составляли 136 002 дес., под усадьбами занято 7182, лесами — 665 623 дес. Всего земли в уездах насчитывалось 1 405 182 дес.¹²⁸ Из них степи занимали 39 605 дес., солончаки — 131, неудобная земля — 46 889.

Наиболее населенными пунктами, вокруг которых были разбиты дачи, в уезде являлись Александровская пригородная слобода, Нагайбацкая крепость и села с деревнями — Архангельское (Алексеевка), Архангельское (Левашево), Архангельское (Макарово), Афанасово, Богородское (Бетки), Богородское (Тюменское), Богоявленское, Боровецкое (Вознесенское), Низим Никольское (Бережные Челны), Никольское (Лебяжье), Новотроицкое (Мулловка) и ряд других ¹²⁹.

Как в Уфимском, Стерлитамакском у., здесь было много мелких помещиков: Булатниковы, Воронцовы, Грудины, Демьяновы, Живоглотовы, Жулковские, Заманиловы, Зубовы, Иноземцевы, Мажаровы, Никулины, Обуховы, Пильчиковы, Поповы, Самарцевы, Тарабовские, Филипповичевы, Шкапские, Якушевы и др. ¹³⁰

Население Бирского у. также сильно выросло к концу XVIII в. В это время в уезде имелось 12 837 дворов с 80 009 душ об. п. Под пашнями было занято 216 595 дес., сенокосами — 294 448, усадьбами — 8023, лесами — 165 640, степями — 6142, неудобными землями — 55 517 дес. Все земельное богатство уезда составляло 2 237 267 дес. ¹³¹

Из крупных поселений назовем с. Андреевское с деревнями, Биевашевский и Юлашдинский заводы, крепость Елдацкую с деревнями Бабаева, Воробьева, Гардина, Иванаева, Костина, Качалова, Мишкина, Новоселова, Панкова, Сизова, Суслова, Токарева, Щелканова и др. ¹³²

Из помещиков крупными владениями выделялись Бардовские, Бридинские, Гурьевы, Даниловы, Демидовы, Ездаковы, Зеленцовы, Кондаковы, Осанины, Петрашевичевы, Хоменковы, Чадины, Шевкуновы, Янышевы ¹³³. Очень многие земли принадлежали русским и нерусским крестьянам ¹³⁴.

С 30-х годов XVIII в. начинается колонизация юго-западной части Оренбургской губ. В 1732 г. от пригорода Самары Алексеевки на северо-восток устраивается Новая Закамская линия укреплений до Кичуйского фельдшанца, состоящая из Кинели, Красноярской крепости, Черемшанска и других укреплений. После возведения этой линии начинают заселяться свободными поселенцами и помещичьими крестьянами уезды Бугурусланский, Бугульминский и Бузулукский. Причем переселение идет преимущественно из внутренних губерний: Рязанской, Пензенской, Симбирской, Казанской, Нижегородской.

Наряду с русскими крестьянами переселяется много ясачных, удельных и государственных крестьян нерусского происхождения главным образом из Поволжья, где тяготы крепостнического гнета после присоединения края к Русскому государству все острее стало испытывать и местное население. Народности Поволжья — мишари, татары, мордва, марийцы, удмурты, чуваша — были уравнены в подушном обложении с русскими крестьянами, они широко привлекались к заготовке и вывозу корабельного леса, их приписывали к частным и казенным заводам для производства вспомогательных работ.

Кроме подушной подати, местное население облагалось дополнительными налогами и повинностями: хлебным налогом, специальными денежными сборами (конские пошлыны, куничные деньги со свадеб), рекрутскими наборами, ямской повинностью, нарядами на разнообразные казенные работы.

Пришлое нерусское население из районов Поволжья и небольшая часть из русских переселенцев селились на башкирских землях в качестве припущенников на основе специальных записей на припуск на башкирские земли, на их уголья и леса за определенный оброк башкирам-вотчинникам. Согласно данным Оренбургской казенной палаты, в 1800 г. число припущенников составляло 97 792 душ м. п.¹³⁵ Более половины припущенников по социальному положению составляли тептяри и бобыли — полубедняцкие и бедняцкие прослойки из нерусских крестьян (татары, мишари, чуваша, удмурты, мордва)¹³⁶.

В конце XVIII в. в Бугурусланском у. существовали следующие русские и нерусские деревни и села: Старая Шалта, Архангельские Ключи, Чаплинская Вершина, Яблокова, Ямбаева, Янгужина, Ямиева, Яшина, Верхняя и Нижняя Убвенная, Двух Ключей, Павловка, Старая Ганшина, Нижняя Загладина, Верхняя Оверкина, Ганина, Еришина и др.¹³⁷

По данным «Экономических примечаний» в конце XVIII и начале XIX в. в Бугурусланском у. был 12 381 двор с населением в 78 853 души об. п. Под усадьбами было занято 9485 дес., распахано пашни 375 711, сенокосы составляли 199 349, лес — 197 992, степи — 86 657, солончаки — 3827, неудобная земля — 135 521 дес. Всего в уезде было 1 728 546 дес. земли¹³⁸. Крупными дачами являлись слободы Яманацкая, Кинельская, Черкасская и Новоникольская, Саврунная и Сартанская, крепость Кудручинская, села Аксаково, Архангельское, Богородское, Михайловское, Петропавловское, Покровское, Рождественское, Троицкое и др.¹³⁹ Наиболее крупными землевладельцами из дворян были Аксаковы, Бекетовы, Карамзины, Кротковы, Подбельские, Пашковы, Струнские, Сумароковы, Тургеневы, Ульяновы, Шапошниковы, Юматовы и др. Из купцов — Веригины, Губины, Зубовы, Карповы, Масловы, Марковы, Осоргины, Раковы, Тоузакоры, Твердиловы, Тимашевы, Тархановы и др.¹⁴⁰

В Бугульминском у. в конце XVIII в. имелось 9466 дворов с населением 61 414 душ об. п. Земельные богатства края составляли 1 136 267 дес.¹⁴¹ Под пашнями было занято 256 445 дес., усадьбами — 5634, сенокосами — 249 138; лесами — 384 795, степями — 181 182, солончаками — 118, неудобной землей — 589 973 дес.

Среди переселенцев в пределы Бугульминского у. было много государственных крестьян из нерусских народностей. К концу XVIII в. здесь насчитывалось 124 нерусских крестьянских поселений, с населением около 20 000 душ м. п. Некоторые из них были достаточно крупными. Так, в д. Сапарина насчитывалось 341 душа м. п., Семенова — 314, в Новом Ганькине — 347, Верх-

нем Аверине — 334, Кирсановке — 554, Наурузове — 549, Кирюшина — 307, Захаркина — 311, Пономаревке — 543, Новоспаской — 304, Архангельских Ключах — 425, Дмитриевских (Кандырь) — 1220 душ м. п. По этому времени это были большие поселения ¹⁴².

В Бузулукском у., по ревизским сказкам, в 1799 г. насчитывалось населения 62 132 душ об. п. ¹⁴³ Русских крестьян было 34 719 душ об. п., из них государственных — чуть более 7 тыс. Остальные же крестьяне были помещичьими — 25 968 душ об. п., число удельных крестьян составило 1376, экономических — 337, пахотных — 261.

Крестьян нерусских народностей доходило до 27 413 душ об. п. ¹⁴⁴ Они поселились частично в русских деревнях, возникших до их прибытия (главным образом мордва и чуваша) и частично в нерусских (татары). К числу деревень, особенно пополнившихся нерусским населением, относились Алдаркина, Афонова, Абдулова, Малый Бугуруслан, Григорьевка, Даниловка, Егорова, Захарина, Камыш-Садапу, Леонтьевка, Мартыновка, Наташина, Осиповка, Павлушина, Тепловка, Курманаева, Старая Мансуркина, Усманова, Кутлумбетова, Наурузова, Башулова и ряд других ¹⁴⁵.

Помещиков в уезде было более 100 семейств. Большинство из них являлись владельцами от 100 до 500 душ крепостных крестьян ¹⁴⁶. Среди них Николай Апраксин, Алфимова, Воронцов, Висленев, Куроедов, Степан Кроттао, Андрей Копыта, Борис Начаткин, Иван Обухов и т. д. Но уже в это время наметилась тенденция к росту помещичьего землевладения и крепостных людей. Например, тайный советник Гаврила Романович Державин, поэт, имел в д. Смоленшом-Державине 435 душ об. п., затем он приобрел в д. Гавриловке 221, потом в с. Екатеринине — 120 и, наконец, в д. Феклиной 136 душ об. п. Расширил свои владения и генерал-майор Павел Обухов, который вместе со своими сыновьями, имея в д. Федоровке 156 душ об. п., приобрел еще несколько деревень с 535 душами об. п. ¹⁴⁷

С созданием Оренбургской губ. с 1744 г. начался приток переселенцев в Оренбургский у., масштабы его по сравнению с остальными уездами края были менее значительными. Этот уезд усиленно стал заселяться лишь с 30-х годов XIX в. По штату Оренбургской губ. на 31 декабря 1796 г. в уезде было 15 крепостей, 7 сел, 2 слободы, 108 деревень, в которых проживало 27 437 душ м. п. ¹⁴⁸ Еще менее заселенным был Верхнеуральский у., где на ту же дату были зафиксированы 15 725 душ м. п. и 57 деревень ¹⁴⁹. Всего, по нашим расчетам, в Оренбургской губ. в конце XVIII—начале XIX в. насчитывалось 884 787 душ об. п. Из них в Челябинском у. — 82 808, Троицком — 42 004, Уфимском — 61 258, Стерлитамакском — 58 277, Мензелинском — 86 288, Бирском — 80 009, Бузулукском — 62 132, Бугульминском — 61 414, Бугурусланском — 78 853, Оренбургском — 54 874, Верхнеуральском — 31 450, в упраздненных в 1796 г. двух уездах

(Белебеевском и Сергеевском) — не менее 72 339 душ об. п. Мужского населения в губернии, по V ревизии (1795 г.), было 380 282 души об. п.¹⁵⁰ Из них русских — более 200 000 душ м. п.¹⁵¹ Пришлое русское и нерусское население в конце XVIII в. стало значительно преобладать над башкирами.

Рост русского и нерусского населения на Южном Урале можно иллюстрировать следующими данными: ревизские сказки показывают, что с 1744 по 1781 г. (с III по IV ревизию) в Оренбургскую губ. прибыло 155 тыс. крестьян, из них на долю русских приходилось 71,5 тыс. (30,31%), чувашей — 22 тыс. (14,16%), мордвы — 11,6 тыс. (7,5%), марийцев — 2,6 тыс. (1,67%), удмуртов — 0,5 тыс. (0,30%)¹⁵². В конце XVIII—начале XIX в., по данным «Экономических примечаний», пришлое население, русское и нерусское, в основном крестьянское, достигло 5 773 тыс. душ об. п. Таким образом, территория Южного Урала заселялась в XVIII в. представителями *всех народностей Среднего Поволжья, Среднего Урала. Южный Урал превратился в многонациональный регион.* Поэтому не только русские крестьяне, но и представители других народностей региона внесли свой вклад в устройство хозяйственной и социальной жизни края.

ВЫВОДЫ

1. Начальный этап русской крестьянской колонизации Южного Урала охватывает вторую половину XVI—начало XVII в. На этом этапе происходит заселение северо-западной части Башкирии, создание уральского казачества и первого очага земледелия.

2. Русские крестьяне, стремясь заселить новый край, искали здесь хорошие земли для ведения своего хозяйства. В то же время они пытались на дальней юго-восточной окраине Русского государства спастись от крепостного гнета, рекрутчины, от тяжелых налогов. Селились крестьяне после постройки крепостей, которые возводились на Южном Урале казаками или дворянами. На этом этапе заселения Южного Урала, наряду с крестьянскими поселениями в Уфимском у., в значительном количестве возникли помещичьи хозяйства.

3. Районы выхода крестьян в XVII в. и начале XVIII в. еще довольно узки. На Южный Урал переселяется небольшое количество крестьян из Верхотурского и Тобольского у., с Прикамья и р. Белой, из Севернорусских поморских уездов, Верхнего и Среднего Поволжья. Лишь некоторые из крестьянских семейств прибыли из Центральной России.

4. Второй период крестьянской колонизации охватывает почти целое столетие (середина XVII—30—40-е годы XVIII в.). Это уже время чисто вольной, крестьянской колонизации Южного Зауралья — территории современной Челябинской обл. и Шадринского района Курганской обл. (бывшей Исетской провинции). По мере заселения Исетского края начал складываться второй центр земледелия на территории Южного Урала. Характерной

его чертой было отсутствие помещиков, без которых сельское хозяйство развивалось здесь более быстрыми темпами, чем в Центральной России. Недостаточный поток русских переселенцев можно объяснить постоянной угрозой со стороны кочевников.

5. С 30-х годов XVIII в. начинается третий этап заселения Южного Урала, продолжавшийся до начала XX в. Он характерен усилением крестьянской колонизации; в связи с созданием целой системы военных крепостей, охраняющих русские поселения от набегов степных кочевников. В это время русские крестьяне селятся на территории современной Оренбургской обл. И в то же время происходит почти полное заселение Южного Зауралья, или Исетской провинции.

Наряду с русскими крестьянами в Оренбургскую губ. переселяются из Среднего Поволжья и Среднего Урала много ясаших, удельных, государственных крестьян нерусского происхождения (мишари, татары, мордва, чуваш, марийцы). Приток нерусского населения особенно шел в уезды: Уфимский, Бугульминский, Бугурусланский. Пришлое русское и нерусское население стало значительно преобладать над местным башкирским. Южный Урал в конце XVIII—начале XIX в. превратился в многонациональный регион.

6. Географические источники крестьянской колонизации во второй половине XVIII в. значительно расширяются за счет переселенцев-крестьян из центральных районов России, хотя в это время заселение Южного Урала происходит в значительной степени поселенцами из северных районов Южного Урала. Они или сами спускаются дальше на юг, или переводятся туда правительством из старых, ранее построенных слобод на Южном Урале.

7. Самый большой поток переселенцев, как и в XVII в., дали казенные крестьяне, обладающие большей свободой передвижения, чем другие группы государственных крестьян, но наряду с ними началось переселение и других категорий русского крестьянства (экономических, удельных, помещичьих и частично однодворцев).

8. По-прежнему, как и в XVII в., русские крестьяне селились на казенных землях, и лишь небольшая их часть арендовала башкирские земли. Поэтому больших земельных споров между русскими переселенцами и башкирами не возникало.

9. Переселившиеся в Оренбургский край крестьяне устраивались на свободном положении и лишь частично втягивались в орбиту крепостных отношений.*

¹ *Арсеньев К.* Статистические очерки России. СПб., 1848, с. 137; *Ханыков Я.* Географическое обозрение Оренбургского края: Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1859, т. 5, ч. 2, отд. 2, с. 1—37; *Черемшанский В. М.* Описание Оренбург-

ской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859, с. 44—69.

² ПСЗ-I, т. 4, № 2218.

³ ПСЗ-I, т. 10, № 7318. 7347.

⁴ *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург,

- 1887, с. 359, 364—365.
- ⁵ Арсеньев К. Указ. соч., с. 87.
  - ⁶ ПСЗ-1, т. 21, № 15113, 15307.
  - ⁷ ПСЗ-1, т. 24, № 17634.
  - ⁸ Черемшанский В. М. Указ. соч., с. 9—15.
  - ⁹ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 73.
  - ¹⁰ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946, т. 1, с. 85, 86, 88.
  - ¹¹ Там же.
  - ¹² Там же.
  - ¹³ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 58.
  - ¹⁴ Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955, с. 34; Устюгов Н. В. Башкирия. — В кн.: Очерки истории СССР XVII в. М., 1955, гл. X; Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949.
  - ¹⁵ Рычков П. И. Топография Оренбургская, или Полное географическое описание Оренбургской губернии. СПб., 1762, ч. 2, с. 193—194; Игнатьев Р. Г. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии. — В кн.: Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873, ч. 2; История города Уфы. Уфа, 1974; История Уфы: Краткий очерк. Уфа, 1981.
  - ¹⁶ Стариков Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891, с. 10.
  - ¹⁷ Пекар А. Очерки Уфы. — Вестник Русского географического общества. СПб., 1880, кн. 8.
  - ¹⁸ Стариков Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска, с. 20.
  - ¹⁹ Новилов В. Очерк колонизации Башкирского края: Историческая библиотека. СПб., 1878, с. 195; Он же. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879, с. 25—36.
  - ²⁰ Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916, с. 312.
  - ²¹ Игнатьев Р. Г. О древних монастырях XVII—XVIII вв. Уфимской епархии. — В кн.: Памятная книжка Уфимской губернии, 1872, ч. 2.
  - ²² Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1860, ч. 8, с. 59—61; Материалы к ней, с. 135—140.
  - ²³ Дополнения к «Актам историческим», собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1860, т. 8, № 40/1, с. 131 (далее: ДАИ).
  - ²⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841—1843, т. 1—6 (С указателем); Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии Наук / Дополнены и изданы высоч. учрежденной Комиссией. СПб., 1836—1838. Т. 1—5 (с указателем); Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1896; Он же. Топография Оренбургской губернии; Рябинин А. Уральское казачье войско. СПб., 1866; Костенко Ю. Уральское казачье войско: Исторический очерк и система отбывания воинской повинности. — Военный сборник, 1878, № 9—11; Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890; Бородин Н. А. Статистическое описание казачьего войска / Издание Войскового хозяйственного управления. Оренбург, 1891. Т. 1—2.
  - ²⁵ История Урала. Пермь, 1963, с. 61.
  - ²⁶ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897, т. 3, с. 448—463.
  - ²⁷ История Урала, с. 61.
  - ²⁸ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 355; Дмитриев А. А. Указ. соч., ч. 8, с. 107, 108; Шишонко В. Н. Пермская летопись. Пермь, 1884, с. 1117—1120; Витевский В. Н. Указ. соч., т. 3.
  - ²⁹ Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска, с. 10.
  - ³⁰ Там же.
  - ³¹ Там же; Государственный архив Челябинской области (ГАЧО), ф. 627, оп. 1, п. 7—13.
  - ³² Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска, с. 11.
  - ³³ Дмитриев А. А. Указ. соч., ч. 8, с. 47.
  - ³⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936, ч. 1, с. 95.

- ³⁵ *Дмитриев А. А.* Указ. соч., ч. 8, с. 107.
- ³⁶ *Арсеньев К.* Указ. соч., с. 75.
- ³⁷ *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии, с. 337.
- ³⁸ ПСЗ-1, т. 9, № 6890.
- ³⁹ *Рычков П. И.* Топография Оренбургская..., ч. 1, с. 4, 5, 318—327.
- ⁴⁰ ГАЧО, ф. 874, оп. 1, д. 12, л. 15—18; ф. 63, оп. 1, д. 1, л. 196; ф. 627, оп. 1, д. 60, л. 2—7; ЦГАДА, ф. 248 (Объединенный фонд Сената), Дела Сената по комиссии, кн. 12/1534, 1736 г., п. 54.
- ⁴¹ *Альброт М. И.* Основание Чебаркульской и Миасской крепостей: По архивным материалам. — Краеведческие записки, Челябинск, 1969, вып. 2, с. 3—12.
- ⁴² Оренбургские губернские ведомости, 1863.
- ⁴³ *Альброт М. И.* О происхождении названия «Челябинск». — В кн.: Научная конференция, посвященная 225-летию г. Челябинска. Челябинск, 1961.
- ⁴⁴ ГАЧО, ф. 627, оп. 1, д. 107, л. 21.
- ⁴⁵ Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрон, 1893, т. 3, с. 22; *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска, с. 5—39.
- ⁴⁶ *Стариков Ф. М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска, с. 52.
- ⁴⁷ Там же, с. 62.
- ⁴⁸ *Фирсов Н. А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869, с. 340.
- ⁴⁹ Там же, с. 341.
- ⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 127 об.
- ⁵¹ *Турбин Г. А.* К истории крестьянских переселений на Южный Урал в XVII—первой половине XVIII в. — В кн.: Сборник статей по краеведению и истории географии. Челябинск, 1963, с. 29.
- ⁵² *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Пермь, 1860, ч. 7, с. 32.
- ⁵³ Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, док. 15, с. 87.
- ⁵⁴ ЦГАДА, ф. 214 (Книги Сибирского приказа), № 1526, л. 88, 89 об.
- ⁵⁵ *Дегтярев И. В.* К истории заселения местности по среднему течению реки Миас. — В кн.: Краеведческие записки. Челябинск, 1969, вып. 2, с. 13—24.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1886 (Экономические примечания по Челябинскому у.), л. 68 об.—72 об.
- ⁵⁸ ЦГАДА, ф. 247, оп. 3, кн. 144, л. 853.
- ⁵⁹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 101, оп. 1, д. 426.
- ⁶⁰ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1886, л. 57—61.
- ⁶¹ Там же, л. 60 об.—63 об.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же, ф. 248, оп. 1, кн. 144, л. 854.
- ⁶⁴ ГАСО, ф. 101, д. 426.
- ⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1886.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же, л. 22 об.
- ⁶⁸ ЦГАДА, ф. 612 (Мехонская управительская канцелярия), оп. 1, д. 121, л. 91.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же, ф. 611 (Куртамышская управительская канцелярия), оп. 1, д. 234, л. 5, 5 об.
- ⁷¹ Там же, ф. 612, оп. 1, д. 121, л. 93—96.
- ⁷² Там же, ф. 611, оп. 1, д. 234, л. 7, 7 об.
- ⁷³ Там же, ф. 612, оп. 1, д. 121, л. 96.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же, ф. 611, оп. 1, д. 234, л. 8.
- ⁷⁶ Там же, л. 5—13 об.
- ⁷⁷ Там же, л. 7 об.
- ⁷⁸ Краеведческие записки. Челябинск, 1969, вып. 2, с. 25—37.
- ⁷⁹ ЦГАДА, ф. 613 (Окуневская управительская канцелярия), оп. 1, д. 47, л. 3—4.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ *Турбин Г. А.* Указ. соч., с. 27.
- ⁸² Там же, с. 29.
- ⁸³ Там же, с. 30.
- ⁸⁴ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1886, л. 29—37.
- ⁸⁵ Там же, ф. 614 (Шадринская управительская канцелярия), оп. 1, д. 175, л. 95 об.
- ⁸⁶ *Рычков П. И.* Топография Оренбургская..., ч. 1, с. 366.
- ⁸⁷ ГАЧО, ф. 46 (Межевой архив Оренбургского губернского правления), оп. 1, д. 1125; ф. 113, оп. 1, д. 23, л. 14—19 об.
- ⁸⁸ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 173

- (Оренбургская духовная консистория), оп. 4, д. 5262, л. 325.
- ⁸⁹ Там же, л. 347.
- ⁹⁰ Там же, л. 325.
- ⁹¹ Турбин Г. А. Указ. соч., с. 34.
- ⁹² ГАЧО, ф. 44 (Челябинский уездный земский суд), оп. 2, д. 375, л. 3, 9.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ ГАОО, ф. 173, оп. 4, д. 5262, л. 250.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 366.
- ⁹⁷ ЦГАДА, ф. 1324 (Каталог спорных дел по Оренбургской губернии), оп. 1, д. 1725.
- ⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 1886, л. 56.
- ⁹⁹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 144, л. 113—126, 132—138, 149—152.
- ¹⁰⁰ Там же, ф. 612, оп. 1, д. 121, л. 228.
- ¹⁰¹ Там же, ф. 613, оп. 1, д. 65.
- ¹⁰² Там же, ф. 612, оп. 1, д. 121, л. 376.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же, л. 377.
- ¹⁰⁵ Там же, д. 264, л. 9—10.
- ¹⁰⁶ Там же, л. 5—8.
- ¹⁰⁷ Дмитриев А. А. Пермская летопись, ч. 8, с. 107.
- ¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. 429, оп. 1, д. 872, л. 6, 7.
- ¹⁰⁹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 352.
- ¹¹⁰ ЦГАДА, ф. 429, оп. 1, д. 872, л. 16, 17.
- ¹¹¹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 351.
- ¹¹² ЦГАДА, ф. 429, оп. 1, д. 872, л. 14, 15.
- ¹¹³ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 351.
- ¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 429, оп. 1, д. 121, л. 252, 253.
- ¹¹⁵ Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губернии. Уфа, 1868, т. 6, с. 100 и след.
- ¹¹⁶ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1886, л. 177, 178.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ «Хлеба на них доброта», — отмечалось в «Экономических примечаниях» по Челябинскому у. (ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1886, л. 29).
- ¹²⁰ ЦГАДА, ф. 270, оп. 1, д. 3, л. 222—222 об.
- ¹²¹ Там же, ф. 1324, оп. 1, д. 1991, 3934, 3936, 3939.
- ¹²² Там же, ф. 1355, оп. 1, д. 1884, л. 457.
- ¹²³ Там же, л. 1—12.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Там же, д. 1881, л. 157.
- ¹²⁶ Там же, л. 1—7.
- ¹²⁷ Там же, л. 7—9.
- ¹²⁸ Там же, д. 1879, л. 348.
- ¹²⁹ Там же, л. 4—14.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же, д. 1871 (Экономические примечания по Бирскому у.), л. 280.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Там же, л. 1—9.
- ¹³⁴ Там же. Это заключение делается после просмотра алфавита всех дач, находящихся в Бирском у. Земли, составлявшие эти дачи, принадлежали русским государственным крестьянам, башкирам, татарам, мишарям, марийцам.
- ¹³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1537, оп. 1, д. 81, л. 6.
- ¹³⁶ Там же, д. 90, л. 13—14.
- ¹³⁷ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1876, л. 1—8.
- ¹³⁸ Там же, л. 307.
- ¹³⁹ Там же, л. 1—8.
- ¹⁴⁰ Там же, л. 10—12.
- ¹⁴¹ Там же, д. 1874, л. 386.
- ¹⁴² Там же, л. 1—10.
- ¹⁴³ ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 16, л. 7—197, 200.
- ¹⁴⁴ Там же, д. 18, л. 1а—828.
- ¹⁴⁵ Там же, д. 16, л. 7—197, 200.
- ¹⁴⁶ Там же, л. 1—199.
- ¹⁴⁷ Там же, л. 93—179.
- ¹⁴⁸ ЦГАДА, ф. 270, оп. 1, д. 3, л. 222—222 об.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971, с. 54, 111.
- ¹⁵¹ Суходольский Л. С. Распространение христианства в пределах Оренбургского края. — Оренбургские губернские ведомости, 1859, № 31, с. 185—189.
- ¹⁵² ЦГАДА, ф. 248, оп. 58, л. 58362 л. 203—205; ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 3, д. 1886, л. 1—78 (IV ревизия).

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

1. РОСТ НАСЕЛЕНИЯ

Заселение русскими крестьянами Южного Урала имело глубоко прогрессивное значение: начался быстрый рост населения, появились крупные очаги земледелия, стали развиваться промыслы, ремесла, промышленность. Это оказывало благотворное влияние на местное население Оренбургской губ., главным образом на башкир. Под влиянием русских крестьян значительная часть башкир перешла от кочевого хозяйства к земледелию, прочно осела на земле. Особенно явственно все эти первые результаты проявились во второй половине XVIII в. в период усиления темпов заселения края.

Все без исключения историки признают, что в это время шел быстрый рост населения Оренбургской губ.¹ и что именно в это время были основаны главнейшие поселения на Южном Урале. Это подтверждается источниками².

Рост населения объяснялся природными богатствами края (обширные и плодородные земли, изобилие природных ископаемых, в особенности железа и меди) и развитием заводского строительства в XVIII в. на территории Южного Урала.

О том, как росло население, мы можем судить по результатам ревизий, проведенных в крае в XVIII в. Но точные цифры установить трудно, так как имеющиеся материалы ревизий либо не охватывали всей территории Оренбургской губ., либо содержали данные не о всех группах населения. Наиболее полную обработку материалов ревизий провел в наше время В. М. Кабузан.

По I ревизии 1719 г., по исчислениям Кабузана, на Южном Урале насчитывалось 108 518 душ м. п.³ II ревизия, по Кабузану, дала 140 662 душ. м. п.⁴ По III ревизии 1762 г., по его же данным, население выросло до 236 040 душ м. п.⁵ По расчетам К. Арсеньева, в 1766 г. по всей Оренбургской губ. числилось лишь 150 329 душ м. п.⁶ По данным «Материалов по истории Башкирской АССР», общая численность населения Оренбургской губ. в 1767 г. доходила до 421 119 душ об. п.⁷

Итог IV ревизии 1782 г., по Кабузану, составил 300 096 душ м. п.⁸, по В. С. Суходольскому и В. М. Черемшанскому, — 289 155 душ м. п.⁹ Авторы «Очерков по истории Башкирской АССР» исчисляют количество населения в 1781 г. в 259 688 душ м. п.¹⁰

По V ревизии 1795 г., по Кабузану, насчитывалось 380 282 души м. п.¹¹ По Суходольскому, Черемшанскому и Я. Ханыкову, —

374 669¹². По В. Э. Дену — 313 576 душ м. п. и 407 126 ж. д.¹³ По материалам ревизии сенаторов М. Г. Спиридова и И. В. Лопухина, основанных на пятой ревизии, — 368 360 душ м. п.¹⁴ По «Материалам по истории Башкирской АССР» — 691 816 душ об. п.¹⁵

К началу XIX в. (1800 г.) население Оренбургской губ. составило, по нашим данным, 884 787 душ м. п.¹⁶ Если сравнить (по Кабузану) количество населения Южного Урала в 1719 г. (немногим более 200 тыс. душ об. п.) с населением в 1800 г., то оно выросло к началу XIX в. в 4 раза.

Такой прирост населения был возможен лишь благодаря переселенцам. И действительно, переселение русских и нерусских крестьян в Оренбургскую губ. все время возрастало в XVIII в. Так, по данным Кабузана, только в 1741 г. число самовольных переселенцев составило 5541 душу м. п.¹⁷ В другие же годы «приток переселенцев, видимо, был примерно таким же»¹⁸.

По уездам население Оренбургской губ. по штату на 31 декабря 1796 г. распределялось следующим образом: в Оренбургском у. — 2743 души м. п. (15 крепостей, 7 сел, 2 слободы, 108 деревень), в Уфимском — 47 662 (10 сел, 280 деревень), Бирском — 43 252 (4 села, 3 слободы, 489 деревень), Мензелинском — 52 795 (2 крепости, 11 сел, 5 слобод, 593 деревни), Бугульминском — 45 114 (1 крепость, 12 сел, 3 слободы, 394 деревни), Челябинском — 32 493 (6 крепостей, 7 сел, 10 слобод, 223 деревни), Троицком — 21 002 (7 крепостей, 1 село, 2 слободы, 82 деревни), Верхнеуральском — 15 725 (3 крепости, 57 деревень), Стерлитамакском — 33 173 (1 крепость, 1 село, 1 слобода, 225 деревень), Бузулукском — 29 291 (6 крепостей, 28 сел, 4 слободы, 166 деревень)¹⁹.

Таким образом, густонаселенными уездами были уезды, расположенные в западной, центральной и северо-западной частях Оренбургской губ. Слабозаселенными оказались уезды южной и юго-восточной частей края. Промежуточное положение между ними по количеству жителей и населенных пунктов занимали Стерлитамакский и Челябинский у.

Население губернии делилось на податное и неподатное²⁰. К первой группе относились: купцы, мещане, однодворцы, государственные, удельные, экономические крестьяне, выморочные помещичьи крестьяне, ясажные, казенные, заводские, частные заводские, пахотные крестьяне, солдаты, башкиры, татары, мишари, мордва, чуваша, телтяри и бобыли, платящие подати государству. Неподатное население составляли: церковнослужители, отставные солдаты и казаки с их детьми, мишари, башкиры, татары, записанные в нерегулярное войско, калмыки, казахи, каракалпаки и другие народы, освобожденные от податей. Податное население все время росло: по I ревизии 1719 г., оно исчислялось в 16 380 душ м. п.²¹ и было в основном из русских.

Неподатное население было велико — 92 138 душ м. п.²² IV ревизия (1795 г.) свидетельствовала о большом росте подат-

ного населения. Оно увеличилось до 245 467 душ м. п.²³, неподатное — до 134 815 душ м. п. за счет высокой рождаемости среди нерусского населения. Увеличение податного населения было связано с ростом русского населения, а также все бóльшим закабалением нерусского населения края.

Что касается национального состава населения, то преобладающим в крае к концу XVIII—началу XIX в. стало русское. В течение XVIII в. оно все время росло. Об этом мы можем судить лишь косвенно — по росту податного населения Оренбургской губ., так как самую значительную часть податного населения составляли русские (главным образом крестьяне). По нашим подсчетам, в 1719 г. русских было примерно около 35 тыс. душ об. п., в 1744 г. — около 120 тыс., в 1762 г. — более 250 тыс., в 1782 г. — более 340 тыс., в 1795 г. — около 430 душ об. п.²⁴ За столетие русское население выросло в 12 раз.

Вторым по численности народом были башкиры — коренное население края. Сведения о них в XVIII в. самые разноречивые. Согласно «Топографии...» П. И. Рычкова, башкир в 50-х годах XVIII в. было 106 176 душ об. п.²⁵ По III ревизии (1761—1767 гг.) — 105 938²⁶. В 1782—1784 гг. (по IV ревизии) башкир стало 137 407 душ об. п.²⁷ Они распределялись в это время в Уфимском наместничестве по следующим округам: Уфимский — 15 205 душ об. п. (7803 душ м. п. и 7402 душ ж. п.), Бирский — 31 392 (15 796 и 15 596), Белебеевский — 13 653 (6750 и 6903), Стерлитамакский — 19 217 (9893 и 9324), Бугульминский — 3135 (1543 и 1592), Челябинский — 16 953 (9058 и 7895), Оренбургский — 16 090 (8248 и 7842), Верхнеуральский — 20 625 (10 938 и 9687)²⁸.

Согласно вычислениям В. Э. Дена, башкирское население в Оренбургской губ., по итогам V ревизии и данным государственных окладных книг, исчислялось в 77 329 душ м. п. (примерно 153—154 тыс. душ об. п.)²⁹.

Р. Г. Кузеев считает данные Дена о башкирах заниженными³⁰. По его мнению, ближе к истине вычисления Ф. А. Фиельструп, сделанные им в работе «Этнический состав населения Приуралья»³¹. По расчетам Фиельструпа, в 1796 г. в Уфимской и Оренбургской губ. было башкир 106 тыс. душ м. п. или 212 тыс. душ об. п.

После башкир по численности шло тептяро-бобыльское население края. Тептяри и бобыли по своему этническому происхождению не являлись отдельным народом, а произошли от смешения представителей различных народностей, связанных между собой единством социально-экономического быта. После издания указа 1736 г., согласно которому тептяри стали наделяться землей за счет башкир, к ним стали приписываться разные выходцы и число тептярей и бобылей стало быстро возрастать. Р. Г. Кузеев утверждает, что хотя тептяри и многонациональная группа, «но подавляющую часть тептярей (не менее 90%) составляли татары. Угро-финский элемент был незначительным»³². Более

умеренных взглядов придерживается У. Х. Рахматуллин. По его расчетам, в 1798 г. 40% тептяро-бобыльского населения составляли татары, 30 — марийцы, 18 — чуваша, 4% — удмурты, мордва, башкиры³³.

В. Э. Ден подробно характеризует рост тептяро-бобыльского населения на Южном Урале в XVIII в.³⁴ По I ревизии, по Дену, их было 11 294 душ м. п., по II — 28 637 по одним данным, 28 856 — по другим, по III — 33 656, по IV — 41 921, по V — 52 193, по Окладной книге 1797 г. — 52 438 душ м. п. (по указу от 11 октября 1798 г.). Таким образом, в конце XVIII в. тептяро-бобыльское население составило более 100 тыс. душ об. п. В. Э. Ден приводит также данные по Окладной книге 1797 г. о расселении тептярей и бобылей по уездам Оренбургской губ. В Белебеевском у. в 1797 г. тептярей насчитывалось 10 539 душ м. п., в Бирском — 19 091, Бугульминском — 4500, Бугурусланском — 1069, Бузулукском — 6, Верхнеуральском — 1449, Мензелинском — 5597, Оренбургском — 263, Стерлитамакском — 2358, Троицком — 263, Уфимском — 5011³⁵.

Значительную группу переселенцев составляли мишари. Они являлись выходцами из Симбирской и Казанской губ. и были одними из самых ранних переселенцев в Башкирию. Мишари, поселившись на башкирских землях, платили вначале им оброк, но после башкирских восстаний 1735—1740 гг. они были освобождены от уплаты оброка и получили в собственные наделы земли башкир, принимавших участие в восстании.

Если в 1767 г., согласно Генеральному табелю о количестве населения в Оренбургской губ., мишарей насчитывалось 15 517 м. п.³⁶, примерно около 32 тыс. душ об. п., то в 1797 г., по вычислению В. Э. Дена (данные окладных книг), число мишарей выросло до 17 045³⁷, около 35 тыс. душ об. п. По уездам, по Дену, они распределялись следующим образом: в Белебеевском у. — 2924 душ м. п., в Бирском — 4765, Бугульминском — нет, Бугурусланском — нет, Верхнеуральском — нет, Мензелинском — 81, Оренбургском — нет, Стерлитамакском — 1707, Троицком — 482, Уфимском — 6226, Челябинском — 861³⁸. Примерно такое же количество мишарей указано в ведомости, составленной в июле 1800 г. Оренбургской казенной палатой (17 799 м. п.)³⁹, около 36 душ об. п.

О социальном составе населения подробные сведения мы получаем лишь по данным IV ревизии (1782 г.)⁴⁰:

	душ м. п.	душ ж. п.		душ м. п.	душ ж. п.
Духовенство	1297	1422	Приписные и заводские	1472	1515
Купцы	2026	1842	Частные и государственные крестьяне	1472	1515
Менцале и цеховые	2975	2321			
Дворцовые крестьяне	9920	9344	Помещичьи крестьяне	23 662	23 330
Экономические	5427	5401			
Ясатные	30 442	26 283			
Заводские	13 166	12 832			

	душ м. п.	душ ж. п.		душ м. п.	душ ж. п.
Однодворцы	191	157	Отставные казаки	5104	5573
Пахотные солдаты	701	549	и их дети		
Отставные от во- инской службы	1618	2924			

Эти данные говорят о том, что в конце XVIII в. в Оренбургской губ. преобладало крестьянство русское и нерусское.

2. РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Оренбургская губ. в XVIII в. являлась сельскохозяйственным районом России. По V ревизии (1795 г.), городское население составляло в ней 1,01%, а сельское — 98,99%⁴¹. Русских и нерусских крестьян, по V ревизии, было 375 449 душ м. п.⁴² Более половины крестьянского населения представляли государственные крестьяне (73,36% ко всем крестьянам)⁴³. По сведениям канцелярии Оренбургского губернатора, в 1800 г. русских государственных крестьян насчитывалось 107 421 душ м. п.⁴⁴ Они проживали в 1323 селениях и по уездам распределялись следующим образом: в Бугульминском — 255 селений, 28 255 душ м. п.; Челябинском — соответственно 243 и 23 620; Мензелинском — 360 и 22 157; Бузулукском — 110 и 14 248; Стерлитамакском — 122 и 7053; Уфимском — 87 и 3573; Троицком — 23 и 3367; Оренбургском — 29 и 2758; Бирском — 89 и 2376⁴⁵.

Крепостных крестьян, по V ревизии (1795 г.), в Оренбургской губ. имелось 64 375 душ м. п. (16,93% ко всему населению и 26,64% ко всем крестьянам)⁴⁶.

Русские государственные крестьяне в Оренбургской губ. были обременены многочисленными денежными и натуральными повинностями. Они платили подушный денежный оброк по 70 коп. с души⁴⁷. Это называлось «уплачивать подушные деньги»⁴⁸. С 1794 г. подушная подать возросла до 1 руб.⁴⁹ Существовали и конские денежные пошлины⁵⁰, и «двойной раскольниковый оклад»⁵¹ на крестьян-раскольников. Кроме того, крестьяне выплачивали оброчный сбор: до 1790 г. — по 40 коп. с души, с 1760 г. — по 1 руб., с 1768 г. — по 2 руб., а с 1783 г. — по 3 руб. Всего в конце XVIII в. общая сумма повинностей с русских государственных крестьян составляла 4 руб. с души⁵².

В Исетской провинции до 1783 г. вместо денежного оброчного сбора с русских государственных крестьян взимался оброк натурой (оброчный провиант) — рожью, а иногда овсом. До 1743 г. самой распространенной формой обложения была «государева десятинная пашня». В 1743 г. по прошению крестьян она была заменена натуральным оброком по 3 четверти и 6 четвериков ржи и такого же количества овса с каждого двора. В общей сумме казна получала в год 13 707 четв. ржи и овса⁵³. Разверстка хлебного сбора между отдельными крестьянскими хозяйствами производилась самими крестьянами «по животам и тяглам», т. е. в зависимости от их экономического положения. Собирал оброч-

ный хлеб староста с драгунами⁵⁴. Помещался он в хлебные магазины, а оттуда шел по назначению в уральские крепости для гарнизонов.

Кроме выплаты подушной подати, натурального оброка, работы на «государевой пашне», исетские крестьяне выполняли и ряд других тяжелых повинностей. Самой обременительной из них являлась повинность по доставке оброчного провианта. Дело в том, что хлеб из особых магазинов должны были доставлять «охочие люди» за определенную плату, но найти таких людей было трудно. Вследствие этого самим крестьянам приходилось выполнять эту повинность. Она была ликвидирована лишь в январе 1783 г., когда крестьяне Исетской провинции стали выплачивать оброчную подать в денежной форме, как и все государственные крестьяне, — по 3 руб. с души⁵⁵. С уничтожением этой тяжелой повинности (оброчного провианта) все же осталось много других, тоже нелегких повинностей (строительство и ремонт мостов и крепостей, изготовление барок для сплава хлеба, наряды на «Сибирскую линию»⁵⁶ и др.).

Крепостные крестьяне Оренбургской губ. обязаны были, начиная с 18 и до 50 лет, работать на помещика 3 дня в неделю. Причем каждое тягло должно было обработать по две десятины пашни под озимые и яровые хлеба, а также убрать господский хлеб и вывезти его с поля и накосить сено⁵⁷. Многие помещики, по свидетельству оренбургского предводителя дворянства Н. М. Булгакова (1800 г.), заставляли своих крестьян работать «брат за брата», «переменяя работников через три дня одну половину другою»⁵⁸. На себя крестьяне работали остальные 3 дня в неделю и имели право засеивать 3 дес. пашни. В зимнее время крестьяне мололи господский хлеб, возили дрова и сено; каждое тягло выставляло по две подводы⁵⁹.

Все государственные крестьяне (русские и нерусские) были обеспечены достаточным количеством земли. Официально каждая семья получила по 15 дес. на 1 душу м. п. Однако многие крестьянские хозяйства, обеспеченные рабочей силой, в действительности имели больше земли (по 20—25 дес. на 1 душу м. п.). В донесении Оренбургской казенной палаты сенаторам М. Г. Спиридову и И. В. Лопухину (1800 г.) отмечалось, что в губернии «как на казенных, так и на помещичьих и башкирских землях, у живущих государственных крестьян вообще недостатка в земле поныне не только не видно, но и, сверх высочайше опробованной 15 десятинной пропорции, показывается важный излишек»⁶⁰.

Что касается системы земледелия, то в крае преобладал передел, хотя земледельцы знали и трехполье. Так, в рапорте сенаторов М. Г. Спиридова и И. В. Лопухина Сенату о состоянии земледелия в Оренбургской губ. (1800 г.) говорилось: «Земли здесь хотя и хлебородны, но через 12 и 15 лет выпаживаются, и для сего помещики здешние, имея большое количество земель, ежегодно по несколько десятин распахивают новой... Оставлен-

ная земля через 10—12 лет приходит в силу и равняется новой и среднего времени пахотной»⁶¹.

Даже в Исетской провинции, особенно богатой плодородными землями, господствовал перелог. Внутренняя миграция населения, переход крестьян из одной слободы в другую (что было распространено в XVIII в.) объяснялся именно этой системой земледелия. Вследствие истощения почвы в одной слободе население переселялось в другую, новую слободу, обладавшую более мощными запасами плодородной земли. Качество пахотных земель в губернии было не везде одинаковым, преобладал чернозем⁶². По обобщенным выводам упомянутых сенаторов Спиридова и Лопухина, «общее земель здешних качество есть то, что они весьма плодородны, удобны к хлебопашеству и сенокосам»⁶³.

Самыми лучшими землями располагала Исетская провинция. В «Ответах» Исетской провинциальной канцелярии на Академическую анкету 1761 г. читаем: «Возле города Мехонта и Шадринска для хлебопашества земли во всех местах тучные и плодородные. Болотистые места хотя и есть, но мало, песчаных и иловатых нет»⁶⁴. Такие же плодородные земли были и в Уфимской провинции. Крестьянские земли в Оренбургской губ. вообще не удобрялись, а помещики для удобрения своих полей выгоняли скот или сеяли гречиху. В «Ответах» на анкету по Мехонскому воеводству записано: «Здешних мест навоз на пашенные земли не возят, и земли по своей доброте не требуют»⁶⁵.

Сеяли в Оренбургской губ. в XVIII в. главным образом рожь, затем овес и полбу, меньше пшеницу, ячмень, горох, мак, просо, коноплю, лен и гречиху⁶⁶. В тех же «Ответах» на «Экономические вопросы» Исетской провинциальной канцелярии по Мехонскому воеводству в 1766 г. читаем: «Больше прибыли дает хлеб (рожь. — Ю. Т.), а горох и пшеница меньше... Из яровых в достатке имеется: пшеница, ячмень, овес, ярица, горох, конопля. Больше имеется ярицы, так как она дает урожай сам-шесть»⁶⁷.

Содержащиеся в «Ответах» сведения о посевах хлебов относятся к хозяйствам государственных крестьян. О том, что сеяли в помещичьих хозяйствах, сообщает оренбургский предводитель дворянства Н. М. Булгаков: «В посеве ярового хлеба во всей губернии почти одинаковая пропорция наблюдается, т. е. овсом и полбою, как нужным для хозяйства хлебом, а притом и урожай одного лучше перед прочим бывает, засевают большую половину своих полей, пшеницы небольшую часть и то оной редко хороший урожай бывает, а почти всегда еще несозревшую побивает или ржа, или мороз, отчего мукою бывает и черна и солодена; ячменю весьма немногие помещики сеют и то только для своего продовольствия; горох, мак и просо, хотя каждый помещик сеют, но так мало, что на продажу одного за своим употреблением никогда почти не остается, поелику едва не ежегодно продолжают иногда до первых чисел июня морозами, а иногда ранними осенними, как всегда августа с 1-го числа начинаются, убивает. Озимая пшеница здесь не употребляется, ибо она весьма

скоро перерождается в рожь, и по малому урожаю не награждает трудов. Льну равно по малу числу сеют... конопля, сеют разно... а употребляют на свои домашние потребности, как то: семя на масло, посконь на прядева, а конопля на витые веревки»⁶⁸.

О том, какие культуры засевали в Оренбургской губ., на каких площадях и каков был урожай на них, дает яркое представление ведомость Оренбургской губернской канцелярии об урожае 1767 г. (табл. 1).

Таблица 1. Данные о посеве и урожае 1767 г. в Оренбургской губ.*

Сельско-хозяйственная культура	Посеяно		Собрано	Прибыль
	дес.	четв.	четв.	четв.
Рожь	67260 ¹ / ₃	111 133	232 596	126 896
Пшеница	26816 ¹ / ₂	46 001	117 914	71 913
Ячмень	20361 ¹ / ₂	49 937	115 784	65 846
Овес	39183 ³ / ₄	130 247	380 074	249 826
Просо	39241 ¹ / ₂	1269	6488	5219
Гречиха	3121 ¹ / ₂	270	1229	958
Полба	10947 ³ / ₄	30 304	76 531	46 226
Ядрица	80781 ¹ / ₂	11 615	31 920	20 304
Чечевича	2	2	6	4
Конопля	19911 ¹ / ₄	4136	8096	3950
Лен	12383 ³ / ₄	1552	2642	1089
Горох	27391 ¹ / ₂	3005	6595	3590
Мак	18	3	12	9

* Составлена по материалам: ЦГИА СССР, ф. 248 (Объединенный фонд Сената), кн. 174/3745, л. 60, л. 1059.

Таблица 2. Данные о посеве и урожае 1794 г. в Оренбургской губ.*

Сельско-хозяйственная культура	Посеяно		Собрано	Прибыль
	дес.	четв.	четв.	четв.
Рожь	243445 ¹ / ₂	343 981	692 580	348 599
Пшеница	147163 ¹ / ₂	205 815	456 485	250 671
Ячмень	39492 ³ / ₄	163 230	182 305	111 992
Полба	81250 ¹ / ₄	97 268	193 084	109 612
Овес	124248	337 459	1 217 394	879 935
Просо	43230 ¹ / ₂	11 453	28 691	17 404
Ядрица	17833 ¹ / ₂	11 830	40 106	28 275
Гречиха	31	41	30	—
Конопля	38878	39 318	46 693	27 730
Лен	43362	11 211	19 520	8 348
Горох	15291 ¹ / ₂	10 534	25 067	14 543
Мак	17 ¹ / ₂	1	38	36

* ЦГАДА, ф. 1244, оп. 1, л. 59029, л. 12 об.

Посевы ржи в губернии в 1767 г., по данным ведомости, намного превышали посевы пшеницы. Из другой подобной ведомости, составленной в 1794 г., мы можем заключить, что рожь являлась основной зерновой культурой на Южном Урале на протяжении всего XVIII в. (табл. 2—4)⁶⁹⁻⁷⁴.

Всего в Оренбургской губ. под всеми хлебами в 1767 г. было занято 183 000 дес. пашни (табл. 1). В 1794 г. — уже 895 277 дес. пахотной земли (табл. 2). Количество десятин освоенной земли увеличилось с 60-х годов до конца XVIII в. почти в 5 раз.

Посевы хлебов производились главным образом на землях государственных крестьян. Посевы на помещичьих землях были незначительными. Больше всего засевалось хлебных и технических культур на землях государственных крестьян в Мензелинском, Бирском, Белебеевском, Уфимском, Бугурусланском и Бугульминском у. (табл. 3).

Общее количество получаемого от урожая хлеба в конце XVIII в. превосходило ежегодную потребность населения. По данным 1791 г., весь собранный хлеб (рожь, пшеница, ячмень, полба, овес и другие хлебные культуры) составлял 3 237 914 четв.⁷⁵ По расчетам местной администрации, на годовое потребление населению было необходимо 767 656 четв.⁷⁶ Осталь-

Таблица 3. Данные о посевах и урожае 1794 г. в уездах Оренбургской губ. на землях государственных крестьян *

Уезд	Посеяно		Собрано	Прибыль
	дес.	четв.	четв.	четв.
Мензелинский	279509 ^{1/2}	343 659	391 565	173 383
Бирский	124784	194 902	249 636	54 734
Белебеевский	94164 ^{1/2}	119 392	730 063	61 691
Уфимский	72768	143 186	370 536	227 350
Бугурусланский	55419 *	129 978	213 917	92 722

Таблица 3. (окончание)

Уезд	Посеяно		Собрано	Прибыль
	дес.	четв.	четв.	четв.
Бугульминский	45403	113 388	145 897	32 509
Челябинский	48833 ^{1/4}	51 997	149 302	97 304
Оренбургский	18924	21 783	102 504	80 741
Стерлитамакский	16683	40 086	183 316	143 230
Сергиевский	15929	41 911	241 283	199 937
Троицкий	11084	13 930	31 715	17 785
Бузулукский	5455	9862	35 559	25 696
Верхнеуральский	297	417	1026	609

* ЦГАДА, ф. 1224, оп. 1, л. 59029, л. 7—12.

Таблица 4. Данные о посевах и урожае 1790 г. в уездах Оренбургской губ. на землях помещиков *

Уезд	Посеяно		Собрано	Прибыль
	пес.	четв.	четв.	четв.
Бугурусланский	13171 ¹ / ₂	25 337	103 006	82 059
Бузулукский	12178	19 651	91 503	71 851
Бугульминский	5300	14 214	19 230	5016
Уфимский	4721	33 735	78 429	44 692
Белебеевский	4240	7826	25 133	17 307
Стерлитамакский	3144	8463	19 371	10 930
Оренбургский	2963	4284	8703	4419
Челябинский	419 ¹ / ₂	576	1238	662
Троицкий	399 ¹ / ₂	470	1465	995
Сергиевский	1220 ¹ / ₄	30 004	209 486	179 481
Верхнеуральский	770	1347	6223	4876

* ЦГАДА, Госархив, разряд XVI, л. 991, ч. 1, л. 140—145.

Таблица 5. Посевы и сбор главнейших зерновых культур на землях государственных крестьян и в имениях помещиков Оренбургской губ. в 1794 г., четв.*

Сельско-хозяйственная культура	Посеяно		Собрано	
	государственными крестьянами	в имениях помещиков	государственными крестьянами	в имениях помещиков
Рожь	343 981	55 293	692 580	154 049
Пшеница	205 815	24 395	456 485	108 917
Ячмень	103 230	12 765	182 305	34 754
Полба	97 268	14 759	193 084	57 760
Овес	337 459	22 554	1 217 394	357 423
Просо	11 453	1288	28 691	9487
Ядрица	11 830	598	40 106	1906
Гречиха	41	262,5	30	1315

* ЦГАДА, ф. 1224, оп. 1, д. 59029, л. 12 об., 16 об.

ной хлеб за вычетом фуража и на посевы (1 418 957 четв.) в количестве 1 047 311 четв. являлся товарным и шел на продажу в Курган и по Тоболу в Сибирь, Тюмень, на некоторые заводы Пермской губ. Хлеб продавался также казакам на меновом дворе в Оренбурге, но в малом количестве. Так, в 1751 г. на Оренбургском меновом дворе было продано хлеба 39 539 пудов, в 1752 г. — 34 670, в 1753 г. — 17 830⁷⁷.

Цены на продукты питания в городах и уездах края были разные в зависимости от местности, по все время замечался подъем этих цен. Самые низкие цены были в Исетской провинции — главной житнице Южного Урала. В 1758 г. за время хорошего урожая крестьяне продавали пшеницу и горох по 50 коп. за четверть (9—10 пудов), ячмень — по 18 коп., овес — по 17 коп.⁷⁸ Но к 1799 г. цены значительно повысились. В Челя-

бинском у, мука пшеничная (четверть) стоила от 4 руб. до 4 руб. 80 коп., крупа пшеничная — от 4 руб. 80 коп. до 5 руб. 60 коп., пшеница — 4 руб., ямень — 2 руб. 40 коп., овес — 1 руб. 92 коп.⁷⁹

В связи с тем что спрос на хлеб все время возрастал (открывались заводы, увеличивалась численность гарнизонов крепостей, усиливались торговые связи с казахами), в Оренбургской губ. появились многочисленные скупщики хлеба, наживавшиеся на перепродаже крестьянского хлеба. Их деятельность вызвала негативную реакцию оренбургского генерал-губернатора Н. А. Рейнсдорпа: в докладе Екатерине II от 11 января 1770 г. он предложил «истреблять притеснение, кое от перекупщиков земледельцам случается и оных закупщиков, так как прямых пиявцев до этого не допускать. А к сему, по моему мнению, единственным и надежным способом служит: закупка хлеба в публичные магазины по ценам умеренным»⁸⁰.

Кроме того, среди основной массы крестьян появляется немало зажиточных. Главной причиной тому была концентрация в руках отдельных крестьян значительного количества земельных участков, о чем свидетельствуют многочисленные документы⁸¹. Причем в Уфимском у. крестьянское землевладение расширилось не только за счет земель, конфискуемых у башкир царским правительством, но и других земель — казенно-покупных, церковных и монастырских, пустошей, помещичьих и др.⁸² Из этого фонда земель и пополнялось крестьянское землевладение. В качестве иллюстрации этого положения можно привести следующие примеры: 16 февраля 1781 г. «уволненный от службы поручик Николай Андреев сын Каловский, в роде своем не последней, от Уфимских крепостных дел дал сию запись Уфимского уезда, Сибирской дороги, села Юрмашского Поминку дворцовым крестьянам Семену Алексееву сыну Пегову, Григорию Дементьеву сыну Ерикалину, Ивану Фадееву, Дмитрию Алексееву, Пеговым же, Василию Дементьеву сыну Ерыкалину в том, что отдал я, Каловский, им, дворцовым крестьянам Семену Алексееву с товарищи, собственную свою родовую, доставшуюся мне по наследству после покойного отца моего отставного вахмистра Андрея Алексеева сына Каловского, именуемую Суходольскую землю, состоящую за Уфою рекою... А взял я, Каловский, от них, крестьян за тое землю на то время денег 50 руб. и более того...»⁸³.

23 ноября 1783 г. «отставной подпоручик Иван Петров сын Кротков, в роде своем не последней, Уфимского наместничества гражданской палаты от крепостных дел сию купчую одного же наместничества и округа дворцовым крестьянам Михайле и Семену Никифоровым с товарищи в том, что продал я, Кротков, им крестьянам... в вечное и бесповоротное владение покупную мною, состоящую в Уфимской округе по Юрмашу реке по написанным в той купчей урочищам землю, лесы, с санным покосы, рыбными ловлями и со всеми угодья. А взял я, Кротков, у них, крестьян, за тое землю и лесы с санным покосы и со всеми к оной земле принадлежащими угодья, денег 180 руб.»⁸⁴

Зажиточные крестьяне арендовали также казенно-оброчные земли, которых было немало в Оренбургской губ. Плата за землю была небольшая (от 30 коп. до 1 руб. за десятину за несколько лет), а доходы с земли приносили определенный капитал. С оброчно-казенных земель снимался урожай пшеницы, овса, производились покосы. Обработка земель шла наемным трудом⁸⁵. Свое состояние зажиточные крестьяне еще более увеличивали и за счет откупа оброчных статей. Например, в Исетской провинции местные власти в XVIII в. с большой охотой сдавали в откупа винные⁸⁶, овчинные⁸⁷, рыбные⁸⁸, хмелевые⁸⁹ и другие промыслы. Все это вело к усилению процесса расслоения крестьян в Оренбургской губ.

3. ПРОМЫСЛЫ. РЕМЕСЛА

Еще в XVII в. на территории изучаемого региона получили развитие различные промыслы и ремесла. Почти все они были связаны с сельским хозяйством и обслуживали его потребности. В не раз уже упоминавшихся нами «Ответах» на «Экономические вопросы Исетской провинциальной канцелярии» 1766 г. сообщалось: «Имеются промыслы: кожевенный, овчинный, плотничий, портняжный, мельничный, шерстобитный, а для рыбной ловли ходят на оброчные места»⁹⁰.

Из числа перечисленных промыслов на первом месте стояло мельничное дело. Объяснялось это не только потребностью в помоле, но и тем, что мельницы давали значительный доход. Мельницы держали купцы и казаки, дворяне, государственные крестьяне и само государство. В Оренбургской провинции водяные колесчатые мельницы принадлежали главным образом отставным казакам и дворянам из военных. По ведомости Оренбургской губернской канцелярии, в 1764 г. их насчитывалось 53. Некоторыми из них владели государственные крестьяне. Так, в Кадымской слободе три мельницы держали на р. Малый Кандыз Степан Яковлев, Егор Предков, Алексей Новоселов с Сидором Юрьевым⁹¹. Мельницы-мутовки в этом уезде держались сплошь татарами, чувашами, башкирами. Всего мельниц в Оренбургской провинции в 1764 г. было 127⁹².

В Исетской провинции государственным крестьянам принадлежало большинство мельниц. В 1768 г. в Теченской слободе все 17 мельниц находились в руках государственных крестьян⁹³. Их держали Алексей Кузнецов, Алексей Попов, Тимофей Кубатов и Данила Вишняков, Федор Жданов, Тихон Усольцев, Илья Овсянников и др. В Шумлянкой слободе также все 7 мельниц были заведены государственными крестьянами. Их владельцами являлись Гаврила Козин, Никифор Болотов, Аписим Карандашев, Иван Бахарев, Фома Шипунов, Степан Брюхов, Евсей Сорокин. Им же, государственным крестьянам, принадлежали все 18 мельниц Карачельского форпоста. В Лещанской слободе все 5 мельниц держали государственные крестьяне Матвей Цыулин в д. Утичский, Юда Цыулин в д. Убенной, Яков Замятин в д. За-

озерной, Павел Блюденев в д. Прошиной, Ефим Чигвинцов в Пещанской слободе. В Верхнеуевельской, Нижнеуевельской и Кундравинской слободах все мельницы были крестьянские. В Верхнеуевельской слободе их держали Ефтимей Шабунин, Видула Большаков, Иван Вяткин, Иван и Трофим Коломовкины, Михаил Притчина, Тимофей Усольцев и Пимен Кучин, Степан и Никита Большаковы, Василий и Тимофей Ушаковы, Федот Попов и Канашов, Леонтий Кокушкин и Степан Тетюев. В Нижнеуевельской слободе — Никифор Бобылев, Алексей и Митрофан Бобылевы, Архип Минев и Михаил Соловьев, Аптон Уфимцев, Матвей Бурматов. В Кундравинской — Василий Ушаков, Никита Менаков, Иван Менаков и Алексей Подкорытов, Степан Большаков и Петр Моклаков, Степан Пантюшев.

В г. Челябинске и его пригородных селах из 18 мельниц 17 принадлежали казакам. И только одна мельница в устье Миаса — государственному крестьянину Семену Смолину⁹⁴. В Еткульской слободе имелось 6 казачьих мельниц⁹⁵. В Кичигинской крепости — 5, в Коельской крепости — 2, в Уйской крепости — 5⁹⁶, в Миасской крепости — 1 казачья мельница, в Челябинской крепости — 15 казачьих мельниц и 4 крестьянских⁹⁷. По Уйской линии имелось 4 мельницы, которые принадлежали офицерам и казакам⁹⁸. Всех мельниц в Исетской провинции, по данным 1768 г., насчитывалось 357⁹⁹.

Значительно больше мельниц было в Уфимской провинции. По ведомости 1764 г. Уфимской провинциальной канцелярии — 796¹⁰⁰. Большая часть их обслуживала население Казанской, Ногайской, Осинской и частично Сибирской дорог. На Казанской дороге находились 402 мельницы, 72 — на Ногайской, 143 — на Осинской, 115 — на Сибирской.

Другим широко распространенным промыслом продолжало оставаться, как и в XVII в., рыболовство.

Рыбные ловли представляли собой государственные оброчные статьи, в оброк их сдавали (обычно русским крестьянам) также башкирские общины и отдельные башкирские владельцы. Документы середины XVIII в. пестрят подобными пичепприводимой записями башкир об отдаче в оброчное владение своих рыбных ловель русским дворцовым крестьянам. В записи 12 января 1751 г. башкир Казанской дороги, Елдятской, Киргизской и Гирейской волостей сотника Кильмета Нурмешева с товарищами дворцовым крестьянам Каракулинской волости М. Н. Каргопольцеву с товарищами об отдаче им в оброчное владение на 20 лет половины рыбных ловель в Курье Костоватой (Иргыныш), «что отдали мы, 3-х волостей башкиры, им Михаилу, Петру, Матвею в вотчине своей рыбные ловли Курью Иргыныш, а по русски Костовую, с истоком и с судоходы и с великими заливы и сетевыми метищамп. впрядь на 20 лет. А оброку рядили им. Кильметь с вышеописанными товарищами, у них Михаила с товарищами, за оные наших рыбные ловли за свою половину по 20 руб. за год. и во оных наших водах им, Михаилу, Петру, Матвею, рыба

ловить всякими ловецкими рыбными снастями, неводами и сетями и духовую рыбу ловить же»¹⁰¹.

Только за время с 1751 по 1764 г. таких записей в Уфимской провинциальной канцелярии было сделано более сотни¹⁰². Сдавал в оброк крестьянам рыбные ловли и промыслы и Далматовский монастырь на принадлежавших ему озерах — Хомутинском, Богородицком, Метевом, Долгом, Луговом, Духовом и др.¹⁰³ Выловленная рыба в основном шла на продажу. Поскольку оброк, уплачиваемый государственными крестьянами башкирским общинам за право пользования ловлями, был небольшой, то от продажи рыбы многие государственные крестьяне имели существенную выгоду. Обычно рыбные ловли отдавались башкирами владельцам в вечное содержание за 8—10 руб.¹⁰⁴

Довольно развитым в крае было кузнечное дело. Только в Уфимской провинции в 1764 г. имелось 85 кузниц¹⁰⁵, в Исетской — около 300¹⁰⁶. Все они, за некоторым исключением, принадлежали государственным крестьянам. Так, в г. Шадринске и его пригородных селах и деревнях государственные крестьяне имели 35 кузниц, в Барневской слободе — 12, Красномысской — 23, в Терсютской — 21, Миасской — 34, Бешкильской — 5, Ингалинской — 3, Буткинской — 11, Крутихинской — 8, Ольховской — 10, Куртамышской — 18, Таловской — 6, Каминской — 6, Масленском остроге — 20, Исетском — 44, Мехонском — 16, Красногорском — 3, Окуневском — 22, в селе Воскресенском — 12¹⁰⁷.

Доход с каждой кузницы составлял в Исетской провинции в среднем от 1 до 6 руб. в год, в Куртамышской, Таловской и Каминской слободах — 3 руб., в селе Воскресенском — 2 руб.¹⁰⁸

На Южном Урале было много в это время кожевников, сапожников, шерстобитов, каменщиков, гончаров, плавильщиков и других ремесленников, многие из которых являлись государственными крестьянами. В «Экономических примечаниях» по Челябинскому у. говорится, что некоторые крестьяне «имеют при домах кожевенные избы в коих выделывают кожи и продают их в городах Челябинске, Троицке»¹⁰⁹.

По данным 1764 г.¹¹⁰, в г. Шадринске числилось 8 кожевенных предприятий государственных крестьян. В пригородных селах и деревнях Шадринска: в с. Кошанском — 33, Замараевом — 1, Кривском — 6, в д. Беркутовой — 1, Дрянной — 6, Иванишевской — 1; в Масленском остроге, в д. Масленской — 3; в Барневской слободе: в д. Боровой — 1, в с. Кабанской — 2; в Красномысской слободе: в д. Тюриковой — 5, Никитиной — 5; в Исетском остроге: в д. Савиной — 3 (одно кожевенное заведение принадлежало крестьянину Семену Шилкову и давало годовой доход в 20 руб., в то время как средний годовой доход кожевни в Исетской провинции в 1764 г. составлял от 2 до 5 руб. В Куртамышской, Таловской и Каминской слободах он был больше — 4 руб. в год), Духовской — 2, Захаровой — 3, Ершовой — 4, Турушевой — 3 (одна из кожевен принадлежала крестьянину Ивану Пазарову и давала годовой доход в 26 руб.); в Терсютской сло-

бode — 1, в Красногорском остроге — 1; в Миасской слободе, в Рафаиловской заимке — 4; в Окуневском остроге — 3; в Бутинской слободе — 4; в Крутихинской слободе, в д. Любимовой, — 2; в Ольховской слободе — 3, Куртамышской — 2, Таловской — 4, в с. Воскресенском — 2.

Овчинный промысел в Исетской провинции целиком сосредоточивался в руках государственных крестьян. В Шадринске с пригородными селами и деревнями находилось 7 мастерских по выделке овчины. В Масленском остроге — 1, Исетском — 20, Мехонском — 5, Окдиевском — 5, Бирневской слободе — 2, Красномысской — 9, Ольховской — 3, Терсютской — 4, Миасской — 12, Бешкильской — 1, Буткинской — 6. Годовой доход с каждого овчинного производства составлял 1 руб., а в с. Кривское и Кондинское, в д. Спицыной и Долгой, Архангельской и Рафаиловской заимках — по 2 руб.

Многие государственные крестьяне имели также красильни и мыловарни. Средний доход в Исетской провинции в 1764 г. с каждой красильни составлял от 1 до 3 руб., мыловарни — от 1 до 5 руб. В Шадринске и подгородних селах и деревнях находилось 10 мыловарен, принадлежащих крестьянам, в Исетском остроге — 2, в Мехонском — 3, Окуневском — 2, Красномысской слободе — 1.

Мыловарен было больше всего в Исетском остроге — 32, затем в Шадринске — 7, Буткинской слободе — 3, Терсютской — 2, Каминской — 2, Таловской — 1, в Окуневском остроге — 1, Карачельском форпосте — 1. Все они принадлежали государственным крестьянам.

Доходы, получаемые с каждого промысла, свидетельствовали о соединении патриархального земледелия с мелким производством промышленных продуктов на рынок, т. е. товарным производством.

4. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Развитие промышленности на Урале, в том числе и на Южном Урале, подробно освещено в трудах дореволюционных и советских историков¹¹¹.

Роль русского крестьянства в развитии промышленности на Южном Урале велика. Прибывшие сюда крестьяне явились основной производительной силой на железных и медных заводах, построенных на Южном Урале в основном в 40—50-х годах и во второй половине XVIII в.

Первыми заводчиками и основателями промышленности на Южном Урале были также выходцы из крестьян — симбирские купцы И. Б. Твердышев, И. Мясников, тульские братья Красильниковы и Мосолов и балахнинский И. Осокин, а за ними граф Сиверс, Шувалов, Демидов и др. Открытие заводов особенно усилилось после того, как было дано разрешение покупать земли у башкир¹¹², продававших ее очень дешево. Так, например, 300 тыс. дес. для Белорецких заводов были приобретены за

300 руб.¹¹³ Развитию горнозаводской промышленности способствовало также разрешение правительства на открытие частных заводов на Урале. Сенатским Указом от 13 октября 1753 г. было постановлено: «Во всей Оренбургской губернии казенных и медных заводов Берг-коллегии не заводить, а велеть их размножить одним партикулярным людям»¹¹⁴. Каждому заводчику отводилось для завода определенное количество леса, необходимого для топлива, и земли под заводские строения и поселения рабочих. Заводчик был обязан иметь на заводе своих рабочих, принимая и нанимая их по договорам и паспортам или же покупая по указам. Для охраны рудников и заводов он содержал на свой счет небольшой гарнизон из регулярных и нерегулярных войск. Кроме того, для заводских людей ему разрешалось иметь собственное оружие и порох от 10 до 25 пудов. В пользу казны с заводчика бралась $\frac{1}{10}$ его производства меди или железа (десятина). Десятинную медь или железо он должен был ежегодно привозить в Оренбург на своих подводах¹¹⁵. Если заводчик вел свое предприятие невыгодно для казны, то его предприятие конфисковывалось и передавалось другим¹¹⁶.

До начала 50-х годов XVIII в. на территории Оренбургской губ. находилось семь медеплавильных и железоделательных заводов. Медеплавильные: Ильдякский, основанный в 1718 г. и принадлежавший Красильникову¹¹⁷, Шильвинский в Мензелинском у. на притоке Камы Шильве¹¹⁸, построенный в 1731 г. И. Небогатовым и пущенный в действие в 1734 г.; Воскресенский медеплавильный завод вблизи Табынска, основанный И. К. Кирилловым в 1737 г. и разрушенный в конце 30-х годов во время башкирского восстания (по указу Оренбургской канцелярии был восстановлен в 1754 г. И. Б. Твердышевым и И. С. Мясниковым, но на новом месте — на р. Торе)¹¹⁹. Железоделательные: Сергинский Верхний на р. Серге, построенный Акинфием Демидовым в 1742—1743 гг.¹²⁰, Сергинский Нижний в 15 верстах от Верхне-Сергинского завода, построенный также Акинфием Демидовым в 1743—1744 гг.¹²¹, Назе-Петровский (Уфимский), построенный в 1746—1747 гг. П. И. Осокиным на р. Назе¹²², Каслинский, построенный в 1747 г. Я. Коробковым, а затем переданный в 1752 г. Н. Н. Демидову¹²³, Иштеряковский в Ирехтинской волости на р. Байраше, построенный С. Е. Иноземцевым в 1749—1751 гг.¹²⁴

Затем, с начала 50-х годов, начался быстрый рост заводской промышленности на Южном Урале. В 1750 г. на Урман-Зелаире И. С. Мясниковым и И. Б. Твердышевым был основан Преображенский медеплавильный завод¹²⁵, в 1751 г. — Кано-Никольский на р. Кане, впадающей в р. Белую¹²⁶, в 1751—1752 гг. — Богоявленский медеплавильный завод на р. Барамте, основанный опять-таки Мясниковым и Твердышевым¹²⁷, в 1752—1754 гг. Архангельский медеплавильный завод в Кыр-Иланской волости, основанный Г. С. Красильниковым¹²⁸, и Троицкий Верхний медеплавильный завод на р. Кидаше¹²⁹, в 1753—1754 гг. — Ар-

хангельский медеплавильный завод на р. Аксын, основанный Твердышевым и Мясниковым¹³⁰, в 1753—1755 гг. — Авзяно-Петровский Верхний железоделательный завод на р. Авзяне, основанный П. И. Шуваловым и К. Матвеевым¹³¹, в 1753 г. — Покровский медеплавильный завод на реках Большом и Малом Ике и Сюрене, основанный гр. А. И. Шуваловым в 1757 г. (был разрушен во время башкирского восстания, а в 1857—1859 гг. возобновлен на новом месте)¹³², в 1755—1756 гг. — Вознесенский медеплавильный завод на р. Иргизе, основанный К. Е. Сиверсом¹³³, в 1755—1757 гг. — Катав-Ивановский на р. Катав, основанный И. С. Мясниковым¹³⁴, в 1755—1757 гг. — Благовещенский медеплавильный завод на р. Ушакле, основанный также Мясниковым¹³⁵, в 1756 г. — Авзяно-Петровский Нижний железоделательный завод (молотовой), основанный гр. В. И. Шуваловым и К. Матвеевым¹³⁶, в 1756—1759 гг. — Троицко-Саткинский на р. Сатке, основанный А. А. Строгановым¹³⁷, в 1757 — Кыштымский железоделательный завод на р. Кыштыме, основанный Н. Демидовым¹³⁸, в 1758 г. — Богословский медеплавильный завод на р. Кичуе, основанный Г. И. Глазуновым¹³⁹, в 1758 г. — Усть-Катавский железоделательный завод на р. Катав, основанный И. Б. Твердышевым и И. С. Мясниковым как вспомогательный к Катав-Ивановскому заводу¹⁴⁰, в 1758 г. — Юрюзань-Ивановский (Юрюзанский) железоделательный на р. Юрюзани, основанный Твердышевым и Мясниковым¹⁴¹, в 1759—1762 гг. — Белорецкий железоделательный на р. Тирляне в Кудейской вол. (в 1762 г. незаконченный завод был перенесен на новое место у р. Белой И. Б. Твердышевым и И. С. Мясниковым¹⁴²), в 1769 г. — Верхотровский медеплавильный завод на р. Тор, основанный Твердышевым и Мясниковым¹⁴³, в 1759—1760 гг. — Шермятинский медеплавильный завод на реках Тулве, Шермянке, Еркули и Симу, основанный А. И. Глебовым¹⁴⁴, в 1759 г. — Симский железоделательный завод в Шайтан-Кудейской волости, основанный Твердышевым и Мясниковым¹⁴⁵, в 1759—1760 гг. — Авзяно-Уфимский (Уфимский) железоделательный завод на р. Азяш, основанный Н. Н. Демидовым, но не достроенный¹⁴⁶, в 1759 г. — Усень-Ивановский на р. Усень, основанный И. Г. Осокиным¹⁴⁷, в 1759 г. — Саранинский железоделательный завод на р. Саране, основанный П. И. Осокиным¹⁴⁸, в 1760—1761 гг. — Троицкий Нижний медеплавильный завод на р. Кидаше, основанный П. И. Осокиным¹⁴⁹, в 1760—1761 гг. — Златоустовский (Косотурский) железоделательный и медеплавильный завод на р. Ай, построенный Мосоловым¹⁵⁰, в 1760 г. — Кыштымский Нижний (Кеолимский) железоделательный (молотовой) завод на р. Кеолиме, построенный Н. Н. Демидовым¹⁵¹. По данным П. И. Рычкова, в Оренбургской губ. за 1744—1760 гг. было основано 28 заводов, из них 15 медеплавильных и 13 железоделательных¹⁵².

После 60-х годов XVIII в. развитие горнозаводской промышленности на Южном Урале заметно замедляется. Это объясня-

лось тем, что феодально-крепостнические отношения, господствующие в стране, задерживали развитие производительных сил.

В 1761—1766 гг. был основан Ильдианский железодельный завод на р. Ильдиане и Калтее¹⁵³, в 1761—1762 гг. — Ирлянский медеплавильный завод на р. Ирляне, основанный П. И. Рычковым¹⁵⁴, в 1761 г. — Курганский медеплавильный завод на р. Курган, основанный С. П. Ягужинским и И. Павловым¹⁵⁵, в 1761 г. — Уфалейский железодельный завод, построенный И. П. Мосоловым¹⁵⁶, в 1761 г. — Спасский медеплавильный завод в с. Спасском, основанный П. И. Рычковым¹⁵⁷, в 1769 г. — Кагинский железодельный (молотовой) завод на р. Каге, построенный Е. Н. Демидовым¹⁵⁸.

После Крестьянской войны 1773—1775 гг. количество заводов на Южном Урале значительно сократилось (они были сожжены башкирами). В 1781 г. в Оренбургской губ. было 30 действующих заводов (15 медеплавильных и 15 железодельных)¹⁵⁹. В дальнейшем число заводов и их географическое размещение остались почти неизменными вплоть до XIX в.¹⁶⁰ Таким образом, можно сказать, что к концу XVIII в. окончательно сформировался район южноуральской горнозаводской промышленности.

Все построенные заводы работали на крестьянском труде — крепостном и свободном. К 34 медеплавильным и железодельным заводам, расположенным на территории Оренбургской губ., было приписано 18548 государственных и крепостных крестьян¹⁶¹. Наибольшее количество приписных крестьян имели Демидовы, Строгановы, Мосоловы, Мясниковы. В 1765 г. к двум заводам Никиты Демидова (Кыштымскому и Каслинскому) было приписано 4204 крестьян¹⁶², к Троицко-Саткинскому заводу А. С. Строганова — 1827¹⁶³, к заводам Ивана Твердышева и Ивана Мясникова (Воскресенскому, Верхоторскому, Преображенскому, Богоявленскому, Катав-Ивановскому, Юрюзанскому, Симскому, Белорецкому, расположенным в Уфимской провинции) — 7286¹⁶⁴.

Многие из заводчиков использовали и труд приписных крестьян и труд вольнонаемных¹⁶⁵. Пожалуй, такая практика имела место у большинства уральских заводчиков.

Правда, на некоторых уральских заводах применялся исключительно труд вольнонаемных рабочих, например на Покровском заводе А. И. Шувалова (Уфимская провинция)¹⁶⁶, Спасском медеплавильном заводе С. П. Шувалова¹⁶⁷ и Варзино-Алексеевском генерал-майора Тевкелева¹⁶⁸. То же самое наблюдаем на винокуренном заводе И. Л. Тимашева, где, по данным 1774 г., было 149 вольнонаемных рабочих и 7 заводских служащих¹⁶⁹. В 1768 г. на Архангельском (Шарапском) медеплавильном заводе Г. К. Красильникова «государственных, ясашных и чернососных крестьян к этому заводу несколько не приписано. в готовой и месячной плате имеются паспорта вольные из разных мест»¹⁷⁰.

В Ведомости 1761 г. об Ирлянском и Насоковском медеплавильных заводах П. И. Рычкова говорится: «К тем заводам покупки крестьян не бывало и не имеется. А те крестьяне, которые в селе во Спасском находятся, к строящемуся в версте от того села пробному и ни к которому заводу от него не причисляются. А строил он этот завод по большей части наемными людьми»¹⁷¹.

В ведомости 1761 г. о Курганском медеплавильном заводе С. П. Ягужинского сообщается, что «при построении оного Курганского завода мастеровые и работные люди находятся наемные. . . А государственных, ясашных и черносотенных крестьян по последней ревизии и по последней оной по упомянутому заводу не приписано и которых не было»¹⁷². И все же, как писал В. Я. Кривоногов, «на грани XVIII—XIX вв. из 176 уральских горных заводов немногим более 30 заводов пользовались преимущественно вольнонаемным трудом. 82,3% всех заводов Урала работали в основном на принудительном труде»¹⁷³.

Кроме металлургии, которая являлась основной отраслью промышленности на Южном Урале, развивались и другие виды промышленности. Раньше всего здесь появилось винокурение. Уже в 1737 г. существовал Миасский казенный винокуренный завод. К началу 70-х годов стало уже 5, притом довольно крупных; на 3-х из них было занято до 1 тыс. вольнонаемных рабочих. Продукция этих заводов распространялась далеко за пределами Южного Урала, достигая на востоке городов Томска и Кузнецка. Сравнительно большое развитие получила кожевенная и салотопенная промышленность. Появились и другие заводы. К 70-м годам XVIII в. в Исетской провинции имелись два стекольных завода, шляпная фабрика (Челябинского купца Битюкова), казенный лесопильный завод на р. Большая Каргала. Причем один из этих стекольных заводов принадлежал крестьянам. Об этом в рапорте Исетской провинциальной канцелярии сообщалось следующее: «Стеклодных фабрик содержатели крестьян Яков и Иван, да челябинский мещанин Егор Токарев. . . имеют у себя по фабрике и каждая в исправности к делу»¹⁷⁴. Большое развитие получила добыча соли. Вначале Исетская провинция довольствовалась солью, доставляемой из Тобольска. Затем соль стала добываться в озерах, находящихся в степной полосе Южного Урала. Особенно славилась соль из оз. Белай, или Эбелей (в 200 верстах от Троицка). Соль не только обеспечивала всю Исетскую провинцию, но и вывозилась в Екатеринбург. В 1752 г. была организована добыча и обработка глины для изготовления посуды и других изделий. Самой лучшей считалась глина, добываемая в пяти верстах от Чебаркуля и у Верхнеузеловской слободы. После промывки она отправлялась на фабрики в Петербург для изготовления посуды и других изделий. Эти отрасли промышленности были основаны исключительно на вольнонаемном труде и работали на местном сырье.

Развитие промышленности представляло собой исключительное явление во всей социально-экономической жизни Южного

Урала. Южный Урал вошел в орбиту всероссийских экономических связей, превратился в важнейший промышленный район страны.

5. ТОРГОВЛЯ

Во второй половине XVIII в. развитие товарно-денежных отношений в Оренбургской губ. продолжалось. Шел рост внутреннего и внешнего рынка. Внутренний рынок обслуживался ярмарками и крупными торговыми центрами, которыми являлись почти все города Оренбургской губ., внешний рынок — меновыми дворами, построенными в Оренбурге и Троицке. На внутреннем рынке шла торговля продуктами сельского хозяйства и местной промышленности, и он обслуживался местными купцами и крестьянами. На меновых дворах велась крупная торговля с казахами и среднеазиатскими купцами. Торговлю здесь вели приезжие купцы из внутренних губерний России, а также казанские татары, поселившиеся в середине XVIII в. под Оренбургом в Сейтовской слободе или Каргале, и крупные челябинские купцы. Русские купцы производили обмен сельскохозяйственных продуктов (хлеба и сала) и изделий русской промышленности (различных материй и кож) на казахский скот и среднеазиатские шелковые и хлопчатобумажные ткани, а также изюм, рис, хлопок. Причем и русский хлеб, и сало, и пушные и промышленные товары довольно высоко оценивались на Оренбургском и Троицком меновых дворах. О характере и выгоды этой торговли для русских купцов оренбургский губернатор А. И. Рейнсдорп в 1770 г. доносил Екатерине II следующее: «Баланс оренбургского торгу всегда в пользу российских подданных склоняется. Бухарский и хивинский купец выменивает у них на свои продукты английские сукна, кошениль или канцелярное семя, медь, железо и тому подобное. Киргизец, который караваны их провожает до Оренбурга, берет от них же товары и еще всякие сукна, камки, штофы, галуны и множество разных мелочей, отдавая им за оное лошадей, рогатую скотину, овец и разной пушной товар... Итак каждой национальной, то есть русской, купец отъезжает в свой дом всегда с тройной прибылью и с потребным ему остатком суровых бухарских продуктов и таких товаров, как в России почитаются надобными»¹⁷⁵.

Товарность хлеба в середине XVIII в. была еще низкая¹⁷⁶. Лишь в случае урожая хлеб вывозился из Исетской провинции в Сибирь и на заводы Урала. Вообще-то он принудительно поставлялся из Исетской провинции в крепости Оренбургской линии. Правда, русский хлеб шел в это время и на внешний рынок, он продавался казахам на меновом дворе в Оренбурге и Троицке. Но доля оренбургского хлеба на этих меновых дворах была небольшая. Значительная часть хлеба туда поставлялась из внутренних губерний России. Так, в 1751 г. на Оренбургском меновом дворе было продано хлеба 39 539 пудов, в 1752 г. — 34 670, в 1753 г. — 17 830, в 1754 г. — 3599, в 1755 г. — 3155, в 1756 г. —

1099, в 1757 г. — 2072, в 1758 г. — 7327, в 1759 г. — 9089, в 1760 г. — 834, в 1761 г. — 8404, в 1762 г. — 14 776 пудов¹⁷⁷.

К концу XVIII в. товарность хлеба резко повысилась. Сказался приток русского крестьянского населения в край. Все больше и больше выбрасывалось на рынок товарного хлеба. По нашим исчислениям, в 1791 г. количество товарного хлеба составило 1 047 311 четв.¹⁷⁸

На внутреннем, как и на внешнем, рынке постепенно главное значение приобретали продукты сельского хозяйства — рожь и пшеница. Производителями этого хлеба являлись крестьяне Челябинского, Бузулукского, Бугульминского, Мензелинского у. Так, бугульминские крестьяне, проживающие близ границ Симбирской и Казанской губ., продавали свой хлеб на пристанях по р. Каме¹⁷⁹, мензелинские крестьяне — также на пристанях р. Камы, в г. Елабуге¹⁸⁰. Бирские крестьяне возили свой хлеб на ближайшие медеплавильные и железоделательные заводы, а также на винокуренный завод, находящийся в их уезде¹⁸¹. Уфимские крестьяне сбывали свой хлеб в Уфе¹⁸². Тем самым крестьянские хозяйства Оренбургской губ. втягивались в товарно-денежные отношения. Помещики поставляли свой хлеб преимущественно в Оренбург для продовольствия войск. Немало хлеба они привозили также в Уфу¹⁸³. Товарность помещичьих хозяйств Оренбургской губ. все время росла, но все же до конца XVIII в. крестьянского хлеба было намного больше, чем помещичьего. Основу экономической жизни Оренбургской губ. представляли собой в XVIII в. свободные крестьянские хозяйства, а не помещичьи. По данным Уфимского наместничества, в 1794 г. на землях государственных крестьян было собрано 2 499 293 четв. хлебных культур, а на помещичьих землях — всего 735 621 четв.¹⁸⁴

Обычно крестьяне не сами продавали свой хлеб, а через скупщиков и перекупщиков. Вследствие этого хлеб был относительно дешевым только в Исетской провинции, главной житнице Южного Урала. В оренбургских крепостях, куда хлеб подвозился из Исетской провинции, он уже существенно дорожал. Хлеб высоко ценился и на внешнем рынке. В 1763 г. цена на хлеб при продаже за границу по указам Оренбургской канцелярии была определена: мука пшеничная — 40 коп. за пуд, ржаная — 20 коп., крупа всякая — 40 коп.¹⁸⁵

Развитие внутренней и внешней торговли способствовало росту купечества, которое формировалось из государственных крестьян, мещан и казаков, занятых скупкой и перекупкой хлеба и мяса. Но главная масса купечества Оренбурга состояла из торгующих крестьян, о чем свидетельствуют слова Н. А. Рейсдорпа, произнесенные им в адрес оренбургского купечества в 1770 г.: «Самой Оренбург, которой около осьмидесяти тысяч рублей приносит казенного дохода и во время арманки немало-важную коммерцию производит, не имеет больше 4-х или 5 чело-век купцов капиталных, прочие же все люди бедные»¹⁸⁶ Ис-ключение составляло уфимское купечество. Многие из уфимских

купцов не только вели большую торговлю, но и отдавали значительные суммы в рост мелким купцам из башкир¹⁸⁷.

Развитие сельского хозяйства вызвало рост товарно-денежных отношений в Оренбургской губ. и способствовало постепенному расслоению крестьянства.

6. ВЛИЯНИЕ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Русская крестьянская колонизация XVIII в. имела глубокие социально-экономические последствия для местных народов Южного Урала, главным образом для башкир и калмыков. Русские крестьяне оказали большое влияние на эти народы. Прежде всего следует отметить значительный подъем производительных сил в хозяйстве башкир. До русской колонизации большинство башкир являлось кочевниками-скотоводами, сельское хозяйство было развито у них слабо. Об этом прямо говорит нам письмо башкир Ногайской дороги Сельтяша Нуркеева с товарищами от 25 июня 1763 г. оренбургскому губернатору Д. В. Волкову по поводу его обращения о расширении хлебопашества среди башкир. Они пишут, что «только мы пашни пахать много не навыкли. Из нас же у многих по 200 и по 300 лошадей и по 100 коров, также по немалому числу овец имеется»¹⁸⁸. Другой документ — Ведомость об урожае 1763 г. в Уфимском уезде — также указывает на очень слабое развитие земледелия в Ногайбаке, где «в окрестности по большей части башкиры, которые в такой обычай, как внутренние народы в хлебопашестве довольствуются, еще не пришли, не сеют»¹⁸⁹. Появление русских крестьян ускорило процесс перехода башкир к земледелию. С 30-х годов XVIII в. с притоком русских переселенцев земледелие в северной части Башкирии становится главным занятием населения. Башкиры заимствуют у русских крестьян сельскохозяйственные орудия, учатся обработке почвы, как сеять хлеб и убирать урожай.

Успехи башкир в земледелии в конце 60-х годов XVIII в. П. И. Рычков отметил следующими словами: «Есть уже между ими [башкирами] и такие, которые сами собою к пашне охотятся и для собственной потребности небольшой хлеб заводят, а особенно те, кои живут ближе к Уфе и тем жителям, где издавна было и есть земледелие»¹⁹⁰.

В результате развития земледелия началось массовое оседание кочевников-башкир на землю, а вместе с этим и рост материальной обеспеченности, что сказалось на естественном приросте башкирского населения края. Так, по IV ревизии (1782 г.), башкир насчитывалось 71 448 душ м. п.¹⁹¹, а по вычислениям Ф. А. Фиеельсрупа, в 1796 г. в Уфимском паместничестве их было 106 000 душ м. п.¹⁹² Тем самым за 14 лет число башкир увеличилось на 34 552 души м. п., что дает годовой прирост населения на 2468 душ м. п. (более чем на 3%). Все это особенно важно, если, по словам П. И. Рычкова, до вхождения их

в состав Русского государства: «Будучи еще малолюдными и в крайнем убожестве жили»¹⁹³. Но основная часть башкирского населения переходила к земледелию очень медленно. Товарного хлеба в XVIII в., по существу, не было. Земледелие развивалось быстро и окончательно утвердилось в ряде районов Башкирии к середине XIX в.¹⁹⁴

Земледелие у калмыков также развивалось под влиянием русского крестьянского населения. В 1738 г. из числа калмыков была создана крепость Ставропольская, которая стала отдельной военной калмыцкой колонией, состоящей на службе у русского правительства¹⁹⁵. Но средства к жизни калмыки добывали не военной службой, а земледелием и ремеслом, развитие которых происходило целиком под влиянием русских крестьян. На особые участки, созданные в новых русских слободах, со всех калмыцких улусов посылались калмыков по несколько человек с лошадьми, и они должны были там под руководством русских крестьян учиться пахать землю, сеять, снимать и убирать хлеб¹⁹⁶. Весь урожай делился на две части: одна откладывалась на семена для будущего посева, а другая раздавалась в те улусы, из которых были работники на этой пашне. От работы на общественной пашне освобождались лишь те, которые у себя в улусах заводили пашни. Это мероприятие — создание общественной запашки у калмыков — имело успех. К концу XVIII в. многие из ставропольских калмыков стали земледельцами.

Кроме земледелия, у башкир и калмыков продолжало развиваться скотоводство, бортничество, охота, рыболовство. Особенно большого развития кочевое скотоводство достигло в пределах Ногайской и Сибирской дорог.

О развитии скотоводства у башкир Сибирской дороги известный исследователь П. С. Паллас писал следующее: «Некоторые башкиры имеют по несколько сот лошадей... а есть такие, кои богатство в сем от 2-х до 4-х тысяч лошадей простирается»¹⁹⁷. Скотоводство имело большое значение и в оседлых и полуоседлых районах Башкирии. Значительную роль скотоводства среди всех башкир Оренбургской губ. отмечали и сенаторы М. Г. Спиридов и И. В. Лопухин в своем рапорте Сенату (1800 г.): «Башкиры, в Оренбургской губернии населившиеся, имеют собственные свои земли и упражняются в скотоводстве, все же их питание летом состоит в кислом молоке и в кумызе, а зимою — в сыре, круто называемом и из кислого молока приготовляемом, хлеба употребляют оные весьма мало, а другие ничего, и приобывшие к хлебу занимаются несколько хлебопашеством»¹⁹⁸.

О скотоводстве у башкир особенно ярко сообщал П. И. Рычков в своей работе «Ответы на экономические вопросы... в рассуждении Оренбургской губернии». Он отмечал, что во время башкирских восстаний у башкир произошло «великое оскудение в лошадях, но по успокоению оного в короткое время так они снова у них расплодись, что оные из них многие имеют сот по

5-ти лошадей и больше и все вообще стали быть оными опять достаточны»¹⁹⁹.

Развитие металлургической промышленности на Урале внесло в жизнь башкирского народа большие изменения. Железодельные и медеплавильные заводы строились на башкирской территории, и на этих заводах на подсобных работах использовался труд нерусского населения, главным образом башкир. Тем самым население Башкирии приобщалось и к промышленному труду, как и русские государственные и крепостные крестьяне. Общность положения русских и нерусских рабочих людей способствовала их сближению. В начале XIX в. Н. Попов отмечал, что башкиры «дружелюбно принимают русских и даже с радостью знакомых друзьями таковых называют»²⁰⁰.

В процессе освоения подземных недр Южного Урала выделилась категория башкир-рудопромышленников, занимавшихся поставкой руды со своих рудников на расположенные вблизи заводы. Это были Измаил Таспимов из Ганинской волости, Селей Боскунов из Салжутской волости и др. Все это способствовало еще большей дифференциации башкирского общества, росту антагонистических противоречий в нем.

Пришлое русское крестьянское население принесло в Башкирию вместе с прогрессивной системой хозяйства и более совершенные формы материальной культуры. Если в Восточной Башкирии основным летним жилищем скотоводов оставалась войлочная юрта, в Западной Башкирии (кроме южной ее части) юрты в XVIII в. в быту башкир стали редкостью. Западные башкиры жили, как правило, в деревянных избах, одинаковых по типу с русскими избами в Среднем Поволжье. В соседних с русскими селами башкирских деревнях стали применяться в быту столы и скамейки, хотя это еще не приняло повсеместного распространения²⁰¹.

Одежда западных башкир в течение XVII и XVIII вв. также претерпела заметные изменения. В изменении формы одежды опять сказалось некоторое русское влияние (сапоги, косоворотки)²⁰². Изменился у западных башкир и пищевой рацион. С развитием земледелия значительное место в питании заняли различные каши, похлебки из ячменных и полбяных круп, блины и другие мучные блюда²⁰³. Постоянное общение с русскими вызвало необходимость овладеть и русской грамотой. В XVIII в. на территории Башкирии открываются русские школы, которые способствовали распространению грамотности среди башкир и усвоению более передовой русской культуры²⁰⁴. Такие же школы были созданы в 1741 г. для калмыков²⁰⁵.

Русская крестьянская колонизация оказала благоприятное влияние и на общественное развитие народов Южного Урала. Они приобщались к той борьбе, которую вело русское крестьянство против крепостничества. Наиболее яркий пример тому — совместная борьба русских крестьян и башкир, а также других народов

Южного Урала в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева²⁰⁶.

Таким образом, еще в период феодализма на основе совместной борьбы против крепостничества закладывалась дружба между русским крестьянством и трудовой частью местного населения Южного Урала.

ВЫВОДЫ

1. К концу XVIII в. стали довольно ощутимы результаты освоения русскими крестьянами Оренбургского края. Особенно большие успехи были достигнуты в сельском хозяйстве. К этому времени на Южном Урале окончательно сложились три крупных очага земледелия: в Исетской, Уфимской и Оренбургской провинциях. Главную роль в складывании этих очагов сыграли русские государственные крестьяне, переселившиеся сюда из различных районов Урала и Центральной России. Крупное помещичье хозяйство получило развитие только в Уфимской провинции, где оно существовало наряду со свободным крестьянским землевладением. Потому и удельный вес производимого помещичьего хлеба по сравнению с крестьянским был незначительным.

Крестьянские хозяйства все теснее связываются с рынком. На основе развития рыночных отношений усиливается дифференциация среди крестьян, деление на богатых и бедных, что повело в дальнейшем к появлению в губернии крупных землевладельцев из числа крестьян.

2. Наряду с сельским хозяйством в крае получили развитие различные промыслы и ремесла. Причем многие из крестьянских промыслов были уже довольно прочно связаны с рынком и производили продукцию не только на заказ, но и для рынка, что свидетельствовало о товарном характере производства, открывающем путь к развитию капиталистических отношений.

3. Немалую роль сыграли русские крестьяне и в развитии горнорудной промышленности на Южном Урале и некоторых других отраслей. Именно они являлись основной производительной силой на железоделательных и медеплавильных заводах, построенных здесь в 40—50-х годах и во второй половине XVIII в. Причем ряд заводов был заведен выходцами из русских крестьян.

4. Развитие сельского хозяйства и промышленности способствовало росту внутреннего и внешнего рынка. На внутреннем рынке шла широкая торговля продуктами сельского хозяйства и местной промышленности, он обслуживался местными купцами и торгующими крестьянами. Крупная торговля велась на меновых дворах с казахами и среднеазиатскими купцами. Торговали здесь преимущественно приезжие купцы из внутренних губерний России, а также наиболее крупные местные купцы, занимавшиеся продажей и перепродажей скота и продуктов сельского хозяйства.

5. Заселение Оренбургского края русскими крестьянами положительно сказалось на жизни местного перусского населения, и в особенности башкир и калмыков. Прежде всего следует отме-

тить значительный подъем производительных сил в хозяйстве башкир и калмыков. У них расширилась площадь обрабатываемых земель, улучшилась техника обработки почвы, началась разработка полезных ископаемых, бедняцкое население Башкирии стало работать на заводах, вошло в тесное соприкосновение с русскими крестьянами, также работавшими на заводах, и приобщалось к той борьбе, которую вело русское крестьянство против крепостничества.

- ¹ *Арсеньев К.* Статистические очерки России. СПб., 1848, с. 101—129; *Ханыков Я.* Географическое обозрение Оренбургского края. — В кн.: Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1859, т. 5, ч. 2, с. 1—37; *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859, с. 109—113; *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971, с. 32—34, 100—115.
- ² ЦГАДА, ф. 1324 (Каталог спорных дел Оренбургской губернии), оп. 1, д. 1725, л. 1—218; ф. 612 (Мехонская воеводская канцелярия), оп. 1, д. 121, 264, 872; ф. 611 (Куртамышская управительская канцелярия), оп. 1, д. 234; ф. 429 (Шадринская управительская канцелярия), оп. 1, д. 27; ф. 613 (Окуневская управительская канцелярия), оп. 1, д. 65; ф. 1355, оп. 1, д. 1886 (Экономические примечания к Генеральному межеванию Челябинского у.); д. 1885 (То же, Уфимского у.); д. 1881 (То же, Стерлитамакского у.); д. 1879 (То же, Мензелинского у.); д. 1876 (То же, Бугурусланского у.); д. 1871 (То же, Бирского у.).
- ³ *Кабузан В. М.* Указ. соч., с. 52.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же, с. 53.
- ⁶ *Арсеньев К.* Указ. соч., с. 101—102.
- ⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960, т. 5, с. 6 (Далее: Материалы...).
- ⁸ *Кабузан В. М.* Указ. соч., с. 53.
- ⁹ *Суходольский В. С.* Распространение христианства в пределах Оренбургского края в XVIII столетии. — Оренбургские губернские ведомости, 1859, № 31, с. 185—189; *Черемшанский В. М.* Указ. соч., с. 113.
- ¹⁰ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956, т. 1, ч. 1, с. 256.
- ¹¹ *Кабузан В. М.* Указ. соч., с. 54.
- ¹² *Суходольский В. С.* Указ. соч.; *Черемшанский В. М.* Указ. соч.; *Ханыков Я.* Указ. соч., с. 25.
- ¹³ *Ден В. Э.* Население России по пятой ревизии. М., 1902, т. 1, с. 6.
- ¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1537, оп. 1, д. 3, л. 229.
- ¹⁵ Материалы..., т. 5, с. 6.
- ¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1537, оп. 1, д. 3, л. 222—222 об.
- ¹⁷ *Кабузан В. М.* Указ. соч., с. 77.
- ¹⁸ Там же, с. 33.
- ¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1537, оп. 1, д. 3, л. 222—222 об.
- ²⁰ Там же, л. 223.
- ²¹ *Кабузан В. М.* Указ. соч., с. 32.
- ²² Там же, с. 66.
- ²³ Там же, с. 112, 114.
- ²⁴ ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 135 (Дела по Оренбургской экспедиции), л. 77—103, 105—110 об., 361—366 об.; кн. 144 (Дела по Оренбургской комиссии), л. 1—752; кн. 151, л. 168—208 об., 270—273 об., 283—286 об., 369—386, 387—414, 457—462, 516—519; ф. 1355 (Экономические примечания к Генеральному межеванию), оп. 1, д. 1871, 1874, 1876, 1879, 1881, 1882, 1884, 1886.
- ²⁵ *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, с. 92—93.
- ²⁶ Материалы..., М., 1956, т. 4, ч. № 353, 354, с. 9, 11, 14.
- ²⁷ Материалы..., т. 5, № 389, с. 382; Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 1, с. 256.
- ²⁸ Материалы..., т. 5, № 389, с. 381—382.

- 29 Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. М., 1902, т. 2, с. 287.
- 30 Кузеев Р. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв. — В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968, т. 3, с. 241.
- 31 Фиельструп Ф. А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926, с. 11, 14.
- 32 Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 349.
- 33 Рахматуллин У. Х. Заселение Башкирии (30—90-е годы XVIII в.): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1975.
- 34 Ден В. Э. Указ. соч., т. 2, с. 306—308.
- 35 Там же, с. 308.
- 36 Материалы. ., т. 4, с. 11.
- 37 Ден В. Э. Указ. соч., т. 2, с. 287.
- 38 Там же.
- 39 Материалы. ., т. 5, № 393, с. 388.
- 40 Оренбургские ведомости, 1852, № 30.
- 41 Кабузан В. М. Указ. соч., с. 111—114.
- 42 Там же.
- 43 Там же.
- 44 ЦГА СССР, ф. 1537, оп. 1, д. 83, л. 29.
- 45 Там же.
- 46 Кабузан В. М. Указ. соч., с. 113.
- 47 Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 363.
- 48 ЦГАДА, ф. 429 (Исетская провинциальная канцелярия), оп. 1, д. 106, л. 1—30.
- 49 Семевский В. И. Крестьяне и царствование имп. Екатерины II. СПб., 1903, т. 2, с. 676.
- 50 ЦГАДА, ф. 429, оп. 1, д. 173, л. 1—10.
- 51 Там же, л. 515.
- 52 Семевский В. И. Указ. соч., т. 2, с. 676.
- 53 Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 363—364.
- 54 ЦГАДА, ф. 612 (Мехонская управительская канцелярия), д. 100, л. 1.
- 55 ПСЗ-I, т. 21, № 15636; Семевский В. И. Указ. соч., т. 2, с. 676, 684—686.
- 56 ЦГАДА, ф. 429, оп. 1, л. 241, 246.
- 57 ЦГА СССР, ф. 1537, оп. 1, д. 90, л. 172.
- 58 Там же.
- 59 Там же.
- 60 Там же, д. 81, л. 6.
- 61 Там же, д. 3, л. 230.
- 62 Там же, л. 229.
- 63 Там же.
- 64 ЦГАДА, ф. 612, оп. 1, д. 121, л. 38.
- 65 Там же, л. 41.
- 66 ЦГА СССР, ф. 1537, оп. 1, д. 3, л. 230.
- 67 ЦГАДА, ф. 612, оп. 1, д. 121, л. 38, 39.
- 68 ЦГА СССР, ф. 1537, оп. 1, д. 90, л. 173 об.
- 69-74 ЦГАДА, ф. 1244, оп. 1, д. 52029, л. 12 об.
- 75 Там же, л. 16 об.
- 76 Там же, д. 59104, л. 47.
- 77 Там же, Госархив, разряд XVI, д. 813, л. 33.
- 78 Там же, ф. 612, оп. 1, д. 121, л. 39.
- 79 Материалы. ., т. 5, с. 666.
- 80 ЦГАДА, Госархив, разряд XVI, д. 816, л. 79.
- 81 Там же, ф. 452, оп. 1 (Уфимская провинциальная канцелярия. Записные книги г. Уфы), д. 679, л. 7 об.—8; д. 701, л. 1 об.—3, 7 об.—9; д. 706, л. 11 об.—13 об., 17—18 об.; д. 716, л. 2—2 об.; д. 762, л. 23 об.; д. 763, л. 10—10 об.; д. 837, л. 39—40; д. 886, л. 50—50 об.; д. 930, л. 42 об.—44, 81—82; д. 967, л. 5 об.—6, 29—30; ф. 647, оп. 1 (Крепостная контора г. Оренбурга), д. 696, л. 10 об.—12 об.
- 82 Там же, ф. 1324, оп. 1 (Каталог спорных дел Оренбургской губернии), д. 1901, 3934, 3935, 3936, 3939.
- 83 Там же, ф. 452, оп. 1, д. 716, л. 2—2 об.
- 84 Там же, д. 762, л. 23 об.
- 85 Там же, ф. 1355, оп. 1, 1886 г., д. 1, л. 36—50.
- 86 Там же, ф. 429, оп. 1, д. 574.
- 87 Там же, ф. 612, оп. 1, д. 37.
- 88 Там же, д. 260, 266; ф. 613, оп. 1, д. 92.
- 89 Там же, ф. 612, оп. 1, д. 506.
- 90 Там же, д. 121, л. 46.
- 91 Там же, ф. 263, оп. 1, д. 44, ч. 1, л. 9.
- 92 Там же.
- 93 ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, ф. 273, оп. 2, д. 10019, л. 93—95 об.
- 94 Там же, л. 95.
- 95 Там же, л. 96.
- 96 Там же, л. 96 об.
- 97 Там же, л. 97—97 об.
- 98 Там же, л. 98—98 об.
- 99 Там же.

- 100 Там же, ф. 273, оп. 2, д. 1019, л. 3 об.
- 101 Там же, ф. 452, оп. 1, д. 276, л. 4 об.—б.
- 102 Там же, д. 276, 283, 294, 304, 314, 322, 338, 346, 345, 402, 416, 444, 450 и др.
- 103 Там же, ф. 612, оп. 1, д. 506.
- 104 Там же, ф. 273, оп. 2, д. 10019, л. 92 об.
- 105 Там же, ф. 263, оп. 1, д. 47, л. 3.
- 106 Там же, ф. 273, оп. 2, д. 10019, л. 98 об.—99 об.
- 107 Там же, л. 98 об.—99 об., 103—127, 150—152, 156—160 об.
- 108 Там же, л. 103—107, 150—152, 156—160 об.
- 109 Там же, ф. 1355, д. 1886, л. 35.
- 110 См.: Там же, ф. 273, оп. 2, д. 10019, л. 92—101.
- 111 *Генкин В. И.* Описание уральских и сибирских заводов (1735). М., 1937; *Белов В. Д.* Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896; *Семевский В. И.* Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII в. — Русская мысль, 1900, № 1; *Кулишер И. М.* Очерк истории русской промышленности. Пг., 1922; *Гессен Ю.* История горнорабочих СССР. М., 1926. Т. 1; *Злотников М. В.* О формировании вольнонаемного труда в крепостной России. — В кн.: История пролетариата в СССР. М., 1930; Крепостная мануфактура в России. Л., 1930. Ч. 1; Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в. М.; Л., 1935. Т. 1; *Туган-Барановский М.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938. Т. 1; *Кашинцев Д.* История металлургии Урала. М.; Л., 1939; *Репин М. Е.* Касли: Исторический очерк. Челябинск, 1940; *Ракин А. Г.* Формирование промышленности в России. М., 1940; *Заозерская Е. И.* Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947; *Рубинштейн Н. Л.* О мануфактурном периоде русской промышленности. — Вопр. истории, 1947, № 12; *Любомиров Н. Г.* Очерки по истории, 1947, № 12; *Он же.* Очерки по истории русской промышленности в XVII, XVIII и начале XIX в. М., 1947; *Кафенгауз Б. Б.* Строительство первых уральских заводов. — Вопр. истории, 1945, № 5/6; *Павленко Н. И.* Берг-Коллегия, 1719—1742 г. М., 1949; *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. Феодальный период (1500—1860 гг.); *Кривоногов В. Я.* Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. Свердловск, 1959; *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII в. М., 1962.
- 112 ПСЗ-I, т. 12, № 8921.
- 113 Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1890, т. 3, с. 227.
- 114 ПСЗ-I, т. 13, № 10141.
- 115 ПСЗ-I, т. 12, № 18921.
- 116 Там же.
- 117 *Дебу И.* Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1837, с. 10—18.
- 118 Материалы..., т. 4, ч. 2, Прил. 6, с. 570.
- 119 Там же, с. 577.
- 120 Там же, с. 578.
- 121 Там же.
- 122 Там же.
- 123 ЦГАДА, ф. 271, кн. 2604, л. 369 об.
- 124 Материалы..., т. 4, ч. 2, с. 577.
- 125 Там же, с. 578.
- 126 Там же, с. 276—280, 577.
- 127 Там же, кн. 2141, л. 128—129 об.
- 128 Материалы..., т. 4, ч. 2, Прил. 6, с. 576.
- 129 ЦГАДА, ф. 271, кн. 2052, л. 60—63.
- 130 Там же, кн. 2141, л. 138—139 об.
- 131 Материалы..., т. 4, ч. 2, с. 576.
- 132 Там же, с. 578.
- 133 Там же, с. 576.
- 134 Там же, с. 577.
- 135 Там же, с. 576.
- 136 Там же.
- 137 Там же, с. 578.
- 138 Там же.
- 139 ЦГАДА, ф. 371, кн. 1159, л. 1—2, 41—42.
- 140 Материалы..., т. 4, ч. 2, с. 579.
- 141 Там же.
- 142 ЦГАДА, ф. 271, кн. 1168, л. 335—344, 386 об.—388 об.
- 143 Материалы..., т. 4, ч. 2, с. 576.
- 144 ЦГАДА, ф. 271, кн. 1167, л. 578—578 об., 595—599 об., 676—678 об.; кн. 1182, л. 211—214.
- 145 Там же, кн. 1166, л. 443—445, 456—456 об.
- 146 Там же, кн. 1174, л. 173—173 об., 188—190 об.
- 147 Материалы..., т. 4, ч. 2, с. 579.
- 148 Там же, с. 578.

- 149 ЦГАДА, ф. 271, кн. 1175, л. 584—584 об.
- 150 Материалы..., т. 4, ч. 2, с. 577.
- 151 ЦГАДА, ф. 271, кн. 1176, л. 261—262 об.
- 152 Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 405.
- 153 ЦГАДА, ф. 271, кн. 1192, ч. 1, л. 197—204.
- 154 Там же, кн. 1190, л. 276—277 об., 291—292 об.
- 155 Там же, кн. 2178, л. 200—207 об.
- 156 Материалы..., т. 4, ч. 2, с. 576.
- 157 Там же, с. 578.
- 158 Там же, с. 577.
- 159 ЦГАДА, Госархив, разряд XVI, д. 932, л. 8.
- 160 Материалы..., т. 5, ч. 2, № 421, 422, с. 528—539.
- 161 ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1011, л. 6 об.
- 162 Там же, л. 6.
- 163 Там же, л. 6 об.
- 164 Там же, л. 4 об.
- 165 Материалы..., т. 4, ч. 2, с. 224, 230, 242, 246, 256, 267, 272, 281, 283, 295, 317, 321, 357, 361, 363, 366, 368.
- 166 ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 9011, л. 4 об.
- 167 Там же, л. 5.
- 168 Там же, л. 4 об. и 5 об.
- 169 ЦГАДА, ф. 429, оп. 1, д. 53, л. 351 об.
- 170 Материалы..., т. 4, ч. 2, с. 221—222.
- 171 Там же, с. 244.
- 172 Там же, с. 273.
- 173 Кривоногов В. Я. Указ. соч., с. 139.
- 174 ЦГАДА, ф. 429, оп. 1, д. 338, л. 7.
- 175 ЦГАДА, Госархив, разряд XVI, д. 816, л. 86.
- 176 Материалы..., т. 4, ч. 1, с. 17; ч. 2, с. 57—95.
- 177 ЦГАДА, Госархив, разряд XVI, д. 813, л. 33.
- 178 Там же, ф. 1244, оп. 1, д. 59104, л. 47.
- 179 Там же, ф. 270, оп. 1, д. 90, л. 174 об.
- 180 Там же, л. 175.
- 181 Там же.
- 182 Там же.
- 183 Там же.
- 184 Там же, ф. 1224, оп. 1, д. 52029, л. 12 об., 16 об.
- 185 Там же, Госархив, разряд XVI, д. 813, л. 33.
- 186 Там же, д. 816, л. 76 об.
- 187 Материалы..., т. 5, № 3. 66;
- № 37, с. 66; № 38, с. 67; № 39, с. 67; № 41, с. 68; № 42, с. 68; № 46, с. 69; № 49, с. 70; № 51, с. 71; № 81, с. 90; № 83, с. 91; № 99, с. 102; № 101, с. 104; № 104, с. 107; № 105, с. 108; № 106, с. 108; № 107, с. 109; № 117, с. 177; № 119, с. 118; № 121, с. 119; № 123, с. 121; № 129, с. 124; № 130, с. 124—125; № 135, с. 127; № 136, с. 127—128; № 137, с. 128; № 139, с. 129; № 143, с. 132.
- 188 ЦГАДА, Госархив, разряд XVI, д. 813, л. 34 об.
- 189 Там же, ф. 248, оп. 3, кн. 3577, л. 245.
- 190 Рычков П. И. О способах умножения земледелия. — Тр. Вольного Экономического общества, 1767, ч. VII, с. 6.
- 191 Материалы..., т. 5, № 389, с. 382; Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 1, с. 256.
- 192 Фиельструп Ф. А. Указ. соч., с. 11, 14.
- 193 Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1896, с. 3.
- 194 Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства у башкир в X—XIX вв. — В кн.: Археология и этнография Башкирии, т. 3, с. 296.
- 195 Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 116; ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 134, л. 1208—1209, 1234—1238.
- 196 Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, с. 118.
- 197 Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1768—1769, т. 2, с. 195—196.
- 198 ЦГИА СССР, ф. 1537, оп. 1, д. 3, л. 226.
- 199 Рычков П. И. О способах умножения земледелия, с. 168.
- 200 Попов Н. С. Хозяйственное описание Оренбургской губернии, сообразно с начертаниями Вольного Экономического общества, сочиненное в 1800—1801 гг. в Перми. [Пермь], 1804, ч. 1/2, с. 25.
- 201 Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 1, с. 273.
- 202 Там же, с. 274.
- 203 Там же, с. 274—275.
- 204 Там же, с. 284—287.
- 205 ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 136, л. 603—626.
- 206 Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 1, с. 218—234.

МАССОВОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН НА ЮЖНЫЙ УРАЛ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА

Крестьянское переселение в 1-й половине XIX в. в сравнении с предшествующими периодами достигло наивысшего уровня. Объяснялось это тем, что к этому времени была создана единая линия крепостей от Челябинска до Оренбурга, под защитой которых и началось широкое заселение Оренбургского края. Сказалось также дальнейшее обезземеливание и разорение русских крестьян Центрально-Черноземных губерний. Для XVII в. трудно подсчитать точную численность крестьянских переселений в Южном Урале. По сведениям К. И. Арсеньева, к началу XVIII в. здесь (за исключением Мензелинска, Заинска, Челябинского у. и земель уральских казаков) насчитывалось 1198 русских крестьянских дворов¹. Из них в Южном Зауралье — около 900 дворов².

В конце XVIII в., по V ревизии, русских было 329 481 душ об. п., а с военными — около 420 тыс.³ из 884 787 человек всего населения края⁴. В середине же XIX в., по IX ревизии, русское население составляло 1 306 299 душ об. п.⁵ из 2 393 628 человек⁶ общего населения Оренбургской губ.

Следует отметить также, что значительные группы переселенцев представляли не только русские крестьяне, но и татары, тептяри и мишари. В 1781—1782 гг. мишарей на Южном Урале насчитывалось 28 772 душ об. п., а в 1851 г. — более 100 тыс. человек⁷. Тептярей в 1754 г. было немногим более 60 тыс., в 1850 г. — 262 тыс.⁸ Татар в 1850 г. стало 118 417 душ об. п.⁹

Если в предшествующие века на Южный Урал переселялись русские крестьяне в основном из Поморья, Прикамья, Верхнего и Среднего Поволжья и частично из Центральной России, то теперь преобладают выходцы из центральных губерний — Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской и др. Прошения от крестьян этих губерний занимают тысячи страниц в делах фонда оренбургского генерал-губернатора. Эти прошения составлены от отдельных крестьянских семей, по большей частью от групп крестьян в 100, 200, 300 человек.

Основной причиной переселения крестьян являлось малоземелье. Об этом неоспоримо свидетельствуют архивные материалы. И другое — крестьянская колонизация носила преимущественно стихийный характер. Переселенцы самовольно устраивались на свободных государственных землях или занимали казачьи и даже помещичьи земли, если их не обрабатывали. Царское правитель-

ство так и не смогло организовать массовое крестьянское переселение в необжитый край. Число организованных переселенцев в первой половине XIX в. было незначительно.

Переселение крестьян на Южный Урал шло волнами.

Первая волна — с 1800 по 1816 г. — давала в среднем ежегодно более 14 тыс. переселенцев об. п.¹⁰ Особенно сильный наплыв отмечался в 1807, 1809, 1812—1816 гг.

Вторая волна массовых крестьянских переселений пришлось на 1816—1834 гг. и осталась самой сильной в первой половине XIX в. За это время в Оренбургский край переселилось 320 тыс. крестьян (в среднем более 18 тыс. душ об. п. ежегодно)¹¹.

Третья волна крестьянских переселений падает на время с 1834 по 1850 г., когда переселилось на Южный Урал более 150 тыс. душ об. п.¹²

Хотя и в первой половине XIX в. в целом переселение происходило стихийно, но по сравнению с предшествующими периодами можно отметить попытку царского правительства направить стихийный процесс в организованное русло путем предоставления переселенцам различных пособий и льгот. Так, еще 11 ноября 1797 г. последовал именной царский указ Сенату о предоставлении переселенцам пособия в размере 12 руб. на семью, а в местах нового водворения устанавливалась 15-десятичная пропорция земли на ревизскую душу. В местах же, где было мало земли, «там отдавать все, сколько есть»¹³. Кроме того, переселенцы освобождались на 3 года от уплаты податей и отбывания рекрутской повинности.

В XIX в. правительство в этом направлении пошло еще дальше. 3 июня 1805 г. царь утвердил правила «О переселении казенных крестьян из внутренних в полуденные губернии»¹⁴. По указу Сената от 12 сентября 1808 г. («О постановлении правил к лучшему устройству переселяемых казенных крестьян из одной губернии в другую»¹⁵) эти правила стали едиными для всех переселенцев из государственных крестьян. Право на переселение получали крестьяне малоземельных селений, и в первую очередь те, которые владели 2,5 дес. и менее. На местах вселения им предоставлялись 15 дес. на 1 душу м. п. из пустопорожних земель, территории «маловажных» лесов, а также участки за счет земель тех государственных крестьян, которые имели наделы более установленной нормы. При переселении крестьяне должны были не дробить свое хозяйство, переселяться группами не менее трех семейств из каждого селения и не состоять на рекрутской очереди. Через своего поверенного и 2—3-х выборных ходяков крестьяне обязаны были заранее ознакомиться со своими участками. Переселенцам следовало ликвидировать все подомки. Переселенцам выдавалась ссуда по 12 руб. на семью на первое обзаведение, а также кормовые деньги. Скот переселенцев на пути следования довольствовался подножным кормом. На новом месте переселенцы освобождались на 5 лет от всяких податей и на 3 года от рекрутчины; им выдавалась денежная помощь по

5 руб. на семью и семена для посева; предоставлялись временные квартиры.

Правила 1805—1808 гг. о переселении казенных крестьян впоследствии дополнялось многочисленными разъяснениями и уточнениями со стороны Сената, министерств финансов и внутренних дел. Так, 27 июня 1817 г. последовал указ Сената о переселениях «лишь с предварительного разрешения высшего начальства»¹⁶; 6 июля 1824 г. министр финансов гр. Е. Ф. Канкрин специальным распоряжением подтвердил правила переселения крестьян 1805—1808 гг.¹⁷; 11 июля 1825 г. последовало новое распоряжение Канкринна о строгом соблюдении казенными палатами 15-десятинной пропорции при наделении переселенцев земель и об освобождении их от платежей и рекрутских повинностей в продолжение 3-х лет¹⁸; 7 октября 1826 г. Министерство финансов направило в Департамент государственных имуществ предписание о том, чтобы местные казенные палаты способствовали переселению крестьян¹⁹. В частности, казенные палаты должны были вести наблюдение за распределением землемерами угодий и наделов с тем, чтобы лучшие из них не отводились только одной партии переселенцев; следить за своевременной выдачей семян для посева; отводить переселенцам безденежно лес для построек и предоставлять временные квартиры; принимать меры к сохранению их здоровья.

31 января 1831 г. были обнародованы утвержденные Николаем I Положения Комитета министров о переселении²⁰, которые уточнили все предшествующие циркуляры и предписания на этот счет. В Положении говорилось, что казенные палаты должны заблаговременно выделять переселенцам участки земли по 15 дес. на ревизскую душу, обмежевывать и наносить их на планы. На обстройку переселенцам выдавалось пособие от 50 до 100 руб. в зависимости от наличия на местах лесного материала. Специально оговаривалось право переселенцев на получение в пути следования квартир, пользования пастбищами и на бесплатную медицинскую помощь. Подтверждалось постановление о трехлетней льготе по уплате податей и в отбывании рекрутской обязанности.

Главную массу переселенцев составляли государственные крестьяне, большей частью однодворцы. В 1850 г. из 4 млн. русских крестьян государственные крестьяне составляли на Южном Урале 814 437 душ об. п.²¹ Они устраивались здесь на свободных правах.

Царское правительство, несмотря на желание заселить далекий край, вместе с тем боялось массовых стихийных переселений крестьян. Как показал опыт, переселенцы нередко самовольно захватывали помещичьи и казачьи земли, а иногда устраивали бунты из-за нераспорядительности отдельных представителей местной власти. Опасаясь волнений, царское правительство было вынуждено в моменты наиболее сильной и мощной волны крестьянских переселений на Южный Урал прибегать к их запретам

или ограничениям. 12 марта 1831 г. министром финансов Канкрином был издан указ, по которому запрещались самовольные крестьянские переселения²². Отныне они должны были производиться лишь через казенные палаты, которые с «получением нужных сведений и с приложением заявления просителя и увольнительной от мирских обществ отправляли бумаги в Департамент государственных имуществ, а просители до разрешения Департамента не приостанавливали занятия свои в домашнем хозяйстве»²³. Для осмотра избираемых участков переселенцам по-прежнему разрешалось посылать своих депутатов в места будущих переселений. 17 августа 1832 г. последовало очередное распоряжение Канкринна о запрете переселений без разрешения казенных палат²⁴. В циркуляре статс-секретаря Министерства внутренних дел Д. А. Блудова вновь говорилось о запрещении самовольных переселений²⁵. Наконец, в июле 1833 г. было принято решение о приостановлении вообще всех переселений в Оренбургскую губ. вплоть до 1835 г.²⁶ В дальнейшем по постановлению Комитета министров от 20 февраля и 6 марта 1834 г. срок приостановки переселений был продлен до 1 января 1836 г.²⁷ Но все эти меры не остановили волну самовольных переселений на Южный Урал русских крестьян из Центральной России.

2. КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Процесс освоения русскими крестьянами Южного Урала, как мы уже отмечали, продолжался усиленными темпами в первой половине XIX в. Крестьяне большими группами со своими семьями (с разрешения властей, а большей частью самовольно) заселяли пустующие земли обширного края. Особенно мощный поток переселения наблюдался из центрально-черноземных губерний: Курской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Рязанской и др. Это были в основном государственные крестьяне (однодворцы). Продолжалась миграция на юг и государственных крестьян Северного Урала, приписанных к горным заводам, таким путем пытавшихся избавиться от тяжелых работ и многочисленных земских повинностей. Так, в 1805 г. в Оренбургскую губ. переселилось 166 ревизских душ из Осинской округи (Екатеринбургский горный департамент)²⁸. Несмотря на требования чиновников Горного департамента о возвращении, крестьяне так и остались на новом месте. В том же году самовольно переселились в Челябинский у. государственные крестьяне Екатеринбургского у. Бавевской вол.²⁹ В 1809 г. пермский и вятский генерал-губернаторы доносили министру внутренних дел, что казенные переселенцы, приписанные к горным заводам, начиная с 1801 переселяются самовольно в Оренбургскую губ. и что за это время переселилось 7 тыс. человек³⁰. Вследствие предпринятых местной администрацией усилий переселения приписных крестьян временно были прекращены.

Но самые большие переселения в начале XIX в. шли из центральных губерний страны. Приведем вначале данные об организованных переселениях в Оренбургский край. В 1810 г. из Тамбовской губ. прибыли 660 однодворцев м. п.³¹, в 1811 из Рязанской губ. — 1024 однодворца, из Тамбовской — 2054, Пензенской — 5, Вятской — 34, Казанской — 12, Пермской — 2³². В 1813 г. из Воронежской губ. прибыли 165 однодворцев³³, в 1814 г. из Тамбовской губ. — 6 однодворцев, Тульской — 46, Пензенской — 65, Казанской — 40, Вятской — 11, Рязанской — 528, Нижегородской — 72, Пермской — 12³⁴. В 1815 г. из Симбирской губ. переселилось казенных крестьян 4, из Тамбовской — 322, Тульской — 3, Пензенской — 24, Пермской — 2³⁵. В эти же годы в край было переведено 1611 душ ж. п. помещичьих крестьян из Пензенской, Казанской и Симбирской губ.³⁶

На этом наши сведения о переселении в Оренбургскую губ. законным путем до 1816 г. при содействии казенных палат исчерпываются. Абсолютное большинство переселений государственных крестьян происходило самовольно. В результате этот вопрос стал предметом специального обсуждения в 1805 г. в Сенате³⁷, а в 1809—1811 гг. — в канцелярии оренбургского генерал-губернатора. В ходе обсуждения вопроса Сенат указал Оренбургской казенной палате на недопустимость задержки в оформлении документов и даже «недопущение к переселению тех государственных крестьян, которые имеют право на переселение»³⁸, что приводило к возрастанию числа самовольных переселений³⁹.

В XIX в. основной поток самовольных переселенцев направлялся в Бузулукский, Бугурусланский и Бугульминский у. Так, по данным Оренбургской казенной палаты, с 1799 по 1811 г. (до VI ревизии) в Бузулукский у. прибыло из Симбирской и Рязанской губ. 684 душ м. п. и 87 душ ж. п.⁴⁰, из Казанской и Нижегородской губ. — экономических крестьян 169 душ м. п. и 186 душ ж. п.⁴¹, из Казанской и Саратовской губ. — государственных крестьян 165 душ м. п. и 70 душ ж. п.⁴² Сюда же переселились из Тамбовской губ. 1317 душ м. п. и 59 душ ж. п., однодворцев⁴³. Значительную часть переселенцев составляли мордовские крестьяне (1066 душ м. п. и 154 душ ж. п.), прибывшие из Пензенской губ., а также отпущенные на волю мордовские крестьяне из внутренних округов Оренбургской губ., главным образом из Бугульминского у.⁴⁴

Мордовские крестьяне заселили деревни: Ермакова, Егорьева, Захарова, Ивановку, Игнатьевку, Кирюшкина, Камыш-Садапу, Леонтьевку, Мартыновку, Михайловку, Максимовку, Новоселина, Нашташина, Осиповку, Павловку, Павлушина, Радостную, Старую Сосну, ряд деревень по течению р. Суметь, а также вновь заведенные деревни: Васиная, Савельевку, Черпатку.

Среди переселенцев были также крестьяне-чуваши (363 душ м. п. и 40 душ ж. п.) из Пензенской, Саратовской, а также из внутренних округов Оренбургской губ.⁴⁵ Они поселились в деревнях Игнатьева, Артамоновке, Угаллы, Андреевке, Антошина, Вя-

зовке, Скилина, Маталова, Курманаева и во вновь заведенных: Тимофеевке и Михайловке. Сюда же, в Бузулукский у., прибыли татары (230 душ м. п. и 63 душ ж. п.)⁴⁶. Ясашные татары (49 душ м. п. и 15 душ ж. п.) переселились из Казанской губ. в деревни Белогор, Спой, Камышлы, Котдумбетова, Наурузова, Старую Усмановку и Старую Шалту. Татары новокрещенные (89 душ м. п. и 8 душ ж. п.) заселили деревни: Абдулина, Белогорскую, Ермакова. Служилые татарские мурзы (102 душ м. п. и 40 душ ж. п.) прибыли из Симбирской губ. и были определены на жительство в деревни Баширова, Бишулова, Давыткина, Камышлы и вновь заведенные Бинбуге и Ахмерова. Всего с 1799 по 1811 г. в Бузулукский у. переселилось 14 077 душ м. п. Из них около 10 тыс. душ м. п. составляли русские государственные крестьяне⁴⁷.

Если в Бузулукский у. прибывали в основном русские крестьяне, то в Бугурусланский и Бугульминский у. переселялись казенные крестьяне других национальностей (чуваши, мордва, татары). Опись казенных поселян, произведенная ревизским сыском в 1811 г. (VI ревизия), рисует следующую картину переселения казенных поселян в села и деревни Бугурусланского и Бугульминского у. с 1799 по 1811 г.⁴⁸: в Бугурусланский у. переселились крестьяне из мордвы 2511 душ м. п., чувашей 1675, татар 370, русских 6321, а всего 10 507 душ м. п. Мордовские крестьяне заняли большие села: Архангельские Ключи, Богородицкое, Малый Бугуруслан, Дмитриевское, Боровки, Новую Батерминную, а также деревни: Старую Томашлиева, Малую Матушина, Старую Усманова, Самохвалова, Новую Обошну, Никитина, Верхнюю Павлушина, Нижнюю Павлушина, Насреддинова, Нижнюю Закладина, Верхнюю Аверкина, вновь заведенную Пирсановку и ряд других. Чуваши расположились в селах: Малая Оперинная и Рождественская, в деревнях: Чепалинская Вершина, Убенная, Двух Ключей, Сапарина, Старой и Новой Ганина, Новой Ибрагимовке, Ништанной, Верхней Ермолова и др. Татары — в селах: Старая Шалта, деревнях: Камышлы и Давыткиной. Русские переселялись в те же села, где оседали и нерусские крестьяне.

В Бугульминский у. за это время прибыло еще более переселенцев, чем в Бугурусланский у.: морды — 4777 душ м. п., чувашей — 4370, татар — 939, тептярей — 963, русских — 9120, всего 19 109 душ м. п. Мордовские крестьяне переселились главным образом в села: Богородицкое, Архангельское, в деревни: Убалина, Старую Токмаилровку, Малую Мишушину, Верхнюю Павлушкина, Нередкина, Раскольничью, Старые Узели, Кирюшина, Захаркина и др. Чуваши — в села: Петропавловское, Рождественское, в деревни: Саперина, Сантапгулова, Никитина, Семцова, Нушаткина, Малую Ишуткина, Старую Мапсуркина, Верхнюю Аверина, Саковку, Алешкина, Емущкина и др. Татары — в деревни: Малую Аверкина, Старую Усманова, Давыткина, Новую Усмановку, Кармалтева, Шире Усманова и др. Тептяри — в деревни Наурузова (549 душ м. п.) и Старую Ку-

тумбечева (114 душ м. п.). Русские крестьяне обычно селились по разным селам и деревням Южного Урала.

Большой наплыв переселенцев испытывали также Челябинский, Троицкий и Оренбургский у., где имелось особенно много пустующих земель⁴⁹. По данным VI ревизии (1811 г.), только в деревнях Новокумляцкой (Вернеувельской вол.) и Кособродской (Нижнеувельской вол.) Троицкого у. оказалось 1646 переселенцев⁵⁰.

В это время особенно крупные селения русских государственных крестьян образовались в Оренбургском у. (до начала XIX в. здесь большей частью существовали казачьи поселки). Это были села: Александровское, Архангельское, Богородское, Белозерское, Васильевское, Воздвиженское (1807 г.), Дмитриевское, Доброе, Георгиевское, Залесское, Зобово (1809 г.), Ивановское, Исаево, Каликино, Каменка, Колычево, Кузьмиповка, Михайловское, Николаево, Никольское, Новоникитино, Новотроицкое, Павловское, Петровское, Покровка, Покровское, Преображенское, Ратчино (1808 г.), Рождественское, Романовское, Софийское (1807 г.), Слоновское, Спасское, Ташлы, Черепановское⁵¹.

Общий рост населения губернии с 1800 по 1815 г. включительно составил, по В. М. Кабузану, более 523 тыс. душ об. п.⁵² Из них переселенцев было, по нашим расчетам, около 221 тыс. душ об. п.⁵³ Таким образом, первая волна переселений дала более 40% общего прироста населения Оренбургской губ.

Вторая волна крестьянских переселений охватывает 1816—1834 гг., когда особенно большое количество переселений было зафиксировано из черпоземных губерний. В фондах ЦГИА СССР сохранились десятки сот дел, в которых приводится число переселенцев в Оренбуржье из Воронежской, Пензенской, Курской и Тамбовской губ.⁵⁴

Самые крупные переселения начались с 1825 г. и продолжались до 1834 г., что было отмечено и оренбургским вице-губернатором, который писал в своем отчете в 1832 г., что «с 1825 г. переселение в Оренбургскую губернию сделалось ощутительнее»⁵⁵.

С 1824 по 1834 г. Министерство финансов разбирало прошение о причислении по месту жительства крестьянина Максима Киреева с товарищами, проживающих на территории Оренбургского у. в Полтавском редуте⁵⁶. Как оказалось, все крестьяне были беглыми из д. Вержелейской Спасского у. Тамбовской губ., а 16 человек из них — дворовыми помещицы Апуштиной и по закону должны были быть ей возвращены. После длительной переписки Министерство финансов вынесло решение, чтобы всех беглых крестьян из Тамбовской губ. «считать за Полтавским редутом», где имелось 37 377 дес. свободных удобных земель⁵⁷.

В апреле 1824 г. было подано прошение 296 однодворцев с Клеповки Кленовской вол. Воронежской губ. оренбургскому губернатору о поселении там же, в Полтавском редуте, ввиду того что они «претерпевают недостаток в пахотной земле и лу-

гах»⁵⁸. Просьба их была удовлетворена и они (176 человек) были причислены к этому реду⁵⁹. Из Воронежской губ. впоследствии переселились, видимо, и другие крестьяне, так как в решении Оренбургской земской палаты за 1834 г. указывалось, что «по окладу VIII ревизии в д. Полтавского редута числятся ясашных крестьян 69 душ да вновь допущенных однодворцев из Воронежской губернии 796, удельных крестьян Пензенской губернии 122, отпущенных крестьян, в числе их тамбовских, 35 душ»⁶⁰. Всем им предоставлялась земля на основе 15-десятиной пропорции на душу⁶¹.

С 1824 по 1829 г. в Оренбургскую губ. переселились и экономические крестьяне с. Пурдожек Краснослободского у. Пензенской губ.⁶² В это же время происходило переселение однодворцев сел Истобного, Клемского и ряда других сел Раненбургского у. Рязанской губ.⁶³ В течение 1825—1832 гг. были водворены на даче с. Погромной Бузулукского у. однодворцы и экономические крестьяне (437 р. душ) из Липецкого и Лебединского у. Тамбовской губ. и Задонского у. Воронежской губ. (77 р. душ однодворцев)⁶⁴. В 1825—1828 гг. переселились в губернию однодворцы сел Верхних Острожков, Рамепия, Подгорного и других из Бобровского и Новохоперского у. Воронежской губ.⁶⁵ В 1825—1830 гг. переселились однодворцы с. Голой Сновы и Новосильского, Земенского у. Воронежской губ.⁶⁶ В 1825—1834 гг. — однодворцы с. Верхней Девицы, Чугуры и других из Нижнедевицкого у. Воронежской губ.⁶⁷ В 1825—1832 гг. — ясашные крестьяне с. Дракина, Покровского и других из Спасского у. Тамбовской губ.⁶⁸ В 1825—1831 гг. — однодворцы с. Девицы, Красного и других из Усманского у. Тамбовской губ.⁶⁹ С 1825 по 1829 г. — однодворцы с. Верхней Девицы, Кочугуры, Весноватого, Першина, Новой Ольшанки, Есенкова, Богородицы, д. Кулевки, пригородных слобод к. Нижнедевицка, Нижнедевицкого у. Воронежской губ. (662 р. душ)⁷⁰. Причины переселений были изложены в прошении поверенному от однодворцев Сафрова Зуева от 17 сентября 1826 г. на имя министра финансов гр. Е. Ф. Канкрин, в котором прямо указывалось на недостаток земли в их селении: «Я и доверители мои в теперешнем жительстве владеем землею весьма малым количеством, но и та по давнему ее распахиванию хорошего хлеба не может родить, а сенокосных лугов и леса почти совсем не имеется. По неимению же никаких других промыслов, как только занимаемся одним хлебопашеством, чем пропитываем себя, оплачиваем государственные подати, отбываем все повинности по необходимости, пашимое опую землю у помещиков в дальнем расстоянии по дорогой цене. И через то постепенно истощили все свое имущество и довели себя до разорения»⁷¹.

Из донесения Рязанской казенной палаты в Департамент государственных имуществ от 16 марта 1827 г. также явствует, что главной причиною переселения крестьян в Оренбургскую губ. было малоземелье. Характеризуя в этом донесении причины пере-

селения в Оренбургскую губ. крестьян из сел Телятникова и Бычкова Сапожковского у., Рязанская казенная палата отмечала: «Земли у них мало, по десятине на душу, а у других по не- сколько сажень только»⁷².

Из прошения крестьян Тамбовской губ. Спасского округа, с. Покровского, Новой Потьмы, Малой Карлотки и других от 15 октября 1828 г. о переселении их в Оренбургскую губ. видно, что причиной переселения было также малоземелье: «Хотим переселиться по малоимению приозначенных селам и деревне хлебопахотной и сенокосной земли»⁷³.

Всем этим переселенцам, как и многим другим, пришлось испытать немало мытарств, пока они не устроились на новых местах. Оренбургская казенная палата формально относилась к подбору мест для переселения, отводила для переселенцев не лучшие, а подчас худшие участки земли. Так было и в данном случае. Вначале для переселенцев было определено одно место для переселения — Бузулукский у., с. Утевка или Селезни. Небольшая часть воронежских однодворцев, имевшая в Утевке своих родственников, действительно осела там, большинство же было недовольно определенным для поселения местом и просило министра финансов перевести их в другие места, так как «местность при Утевке безводная и песчаная»⁷⁴. Пршение однодворцев было удовлетворено. Одних переселили на пустоши при урочище Кутлуки и речке Тростянке, других — в д. Баевку Бузулукского у.⁷⁵ В 1825—1834 гг. в Оренбургскую губ. переселились однодворцы с. Кленовки Павловского у. Воронежской губ.⁷⁶, с. Избища, Орехова и других из Воронежской губ.⁷⁷, с. Кайлина, Рождественского, Волкова, Кускина, слобод Соколовки, Радковки и др. из Тимского, Карачельского, Старооскольского и Щигровского у. Курской губ.⁷⁸, однодворцы и экономические крестьяне с. Крутого, Кулмана и Вешаловки Лебедянского и Липецкого у. Тамбовской губ.⁷⁹

Характеризуя земельные владения курских крестьян до переселения, местная казенная палата сообщала Министерству финансов: «Оные поселяне имеют во владении земли по 3 и 4 десятины, а другие же частью владеют по одной и менее десятины на душу»⁸⁰. Надо отметить, что не всегда переселившихся крестьян сразу наделяли землей. Им подчас приходилось добиваться этого длительной борьбой. Особенно упорно отстаивали свои права курские государственные крестьяне-переселенцы.

В апреле 1827 г. поступило прошение оренбургскому военному губернатору от 400 государственных крестьян Курской губ., Новооскольского у., Березовской вол., о переселении их в Оренбургскую губ. ввиду недостатка земли⁸¹. После продолжительной переписки было решено первоначально поселить крестьян в Оренбургском у. на земли Кази.

Курская казенная палата дала разрешение лишь на переселение 190 душ крестьян вблизи д. Юзевой по р. Кази. Затем место было перенесено за 7 верст от д. Юзевой. Но в 1828 г. на

место поселения прибыли не только те крестьяне, которые получили разрешение на переселение, но еще 398 человек — самовольных переселенцев. В связи с этим уездный землемер Кербедев в рапорте оренбургскому губернатору сообщал, что он не мог предоставить земли всем курским переселенцам и многие крестьяне «разошлись для приискания себе мест куда неизвестно»⁸². Землемер Кербедев был уволен со своей должности и наказан за то, что не подготовил участки для переселившихся крестьян. Курские же крестьяне бродили по различным местам Оренбургского края, некоторые вернулись обратно в Курскую губ., а другие подались в Саратовскую губ., и судьба их долго была неизвестна. 15 сентября 1836 г. Оренбургская казенная палата докладывала оренбургскому губернатору, что «через несколько лет лишь удалось определить места для их заселения»⁸³. За р. Урал в слободе Красный Холм было поселено 127 человек, во вновь застроенной д. Белозеровке — 109, в Бугурусланском у. — 337 человек, в Саратовскую губ. ушли 16, в Курскую губ. возвратились 19 человек⁸⁴.

В тот же период группа курских однодворцев в числе 175 душ после долгих странствий по Тобольской губ. прибыла в Оренбургский край и поселилась в начале 1828 г. на землях, «изобилующих на обширном своем пространстве весьма хорошими угодьями»⁸⁵. Земли эти принадлежали члену Государственного совета адмиралу Н. К. Мордвинову у сельца Кабанского-Агафьино Троицкого у. Крестьяне начали рубить помещичий лес для своего домашнего обзаведения, строить дома⁸⁶. Местные власти предупредили крестьян и потребовали их выселения с занятой земли, но, несмотря на это, курские крестьяне и не думали покидать облюбованное ими место. В 1831 г. они не подчинились решению Троицкого земского суда о выселении. Дело принимало серьезный оборот и перерастало в настоящий «бунт». Разбором дела занялось Министерство финансов. На основании его решения Оренбургское губернское правление постановило 5 ноября 1831 г.: «1. Оставить на земле Мордвинова тех переселенцев, которые выстроили себе дома, и с той землей, которую они засеяли. Остальную часть земли предоставить им в других местах, исходя из 15-десятиной пропорции на переселенцев. 2. Отметить в печати беспорядочные действия Троицкого земского суда и Троицкой полиции с указанием, что в подобных случаях работники их будут подвергнуты наказаниям по всей строгости законов»⁸⁷.

Третья группа курских крестьян, состоящая из 426 однодворцев, была причислена в начале 1828 г. в Оренбургский у. для поселения на свободной земле, лежащей близ Полтавского редута. Но, прибыв сюда, они нашли эту землю частично заселенной другими переселенцами, им предоставляло земли на 310 душ⁸⁸. В июле 1828 г. крестьяне подали в Оренбургскую казенную палату просьбу поселить их «за рекою Уралом, на порожней казенной земле при речке Никополке, близ селения Краснохолм»⁸⁹. Просьба однодворцев о поселении их в Красном Холме была

удовлетворена в 1831 г. Там в первой половине XIX в. поселилось значительное число государственных крестьян⁹⁰.

Немало хлопот доставили оренбургским властям и воронежские однодворцы-переселенцы. В июне 1828 г. 38 человек однодворцев из Воронежской губ. подали прошение о переселении их в Оренбургский у. на земли при р. Камыш-Самаре. В это же время другая группа воронежских однодворцев из 43 человек, которых правительство причислило в Омскую обл. в Петропавловский округ, не найдя там удобной земли, просили Оренбургскую казенную палату в июле 1828 г. поселить их на удобной земле в Оренбургском у., близ Пречистинской крепости, по р. Сакмаре на урочище Черное Озеро и Острове, а также между реками Урал и Илек, при селении Красный Холм. Пока Оренбургская казенная палата наводила справки о том, свободна ли земля в той местности, о которой писали однодворцы, сами воронежские переселенцы в количестве 38 человек самовольно переселились в д. Алексеевку при речке Камыш-Самаре, построили там землянки, стали засевать хлеб⁹¹. Некоторые из них даже захватили дачи казачьей крепости Татищевой.

В 1833 г. обнаружилось, что однодворцы живут на казачьих землях. Казаки потребовали выселения однодворцев. Последние продолжали сидеть и засевать казачьи земли. Тогда казаки стали нападать на хозяйства однодворцев и силой отбирать у них хлеб и сено. В ноябре 1837 г. однодворцы подали прошение на имя гр. В. А. Перовского, в котором просили защитить их от казаков⁹². Между губернской администрацией, с одной стороны, и казачьим управлением, с другой, существовали разногласия по отношению к переселенцам-крестьянам. В. А. Перовский, заинтересованный в увеличении населения в губернии, не прочь был сделать уступки крестьянам за счет казаков, а казачье управление настаивало на строгом соблюдении тех положений, которые существовали относительно казаков. Генерал-губернатор делал вид, что защищает казачьи права, а на деле мирился с самовольным захватом пустующих казачьих земель переселенцами. В конечном счете крестьяне-переселенцы были оставлены в черте казачьих земель и им предоставлено по 15 дес. земли на душу.

Были и другие случаи, когда губернская администрация ущемляла интересы казаков и селила на казачьих землях крестьян-переселенцев. В октябре 1827 г. было подано прошение 108 однодворцев Курской губ., Щигровского и Старооскольского у., с. Липовцы и Теплоного Колодезя, о переселении их на земли Бугульминского у.⁹³ В январе 1828 г. по решению Оренбургской казенной палаты и Бугульминского уездного суда все однодворцы, пожелавшие переселиться в Бугульминский у., были определены в Казачью Кувацкую слободу, где жили отставные унтер-офицеры, имевшие земли из расчета по 30 дес. на душу⁹⁴.

В 1828 г. 54 однодворца Воронежской губ., испытывавшие большой недостаток земли, выехали в расчете поселиться на свободных землях в Бугульминском у.⁹⁵ Но оказалось, что здесь

уже поселились 689 однодворцев из Пензенской, Тамбовской и той же Воронежской губ. Прибывшим однодворцам из 19.843 дес. осталось всего 293 дес. земли. Тогда по решению Оренбургской казенной палаты вновь прибывшие однодворцы были поселены на свободных землях в казачьи селения у Кувацкой слободы.

В конце 20—начале 30-х годов XIX в. по темпам заселения выделялась Новокардаиловская слобода Оренбургского у., где в 1825 г. поселилось 516 человек бывших солеваров и 319 душ м. п. переселенцев из разных губерний, главным образом из Тамбовского и Кирсановского у. Тамбовской губ. В 1828 г. здесь же поселилось 1000 душ м. п. тамбовских однодворцев, ранее направленных на поселение в Омскую губ. В 1830—1831 гг. сюда же прибыла партия переселенцев из Курской и Слободско-Украинской губ. в количестве более 600 душ м. п.⁹⁶ В дальнейшем из рапорта комиссии о делах переселенцев по Оренбургскому у. военному губернатору от 10 ноября 1832 г. мы узнаем, что переселенцев, «водворившихся за рекою Уралом на левом берегу Лебяжьего озера, с наименованием деревни Красный Яр, оказалось: из Пензенской губ. Краснослободского уезда, села Пурдашек экономических крестьян при поверенных Василии Дарьине и Алексее Сверчкове в числе 108 ревизских душ мужского пола и 63 женского и неревизских — 74 мужского и 60 женского; всего 305 человек⁹⁷. Позднее сюда же переселилось еще 852 человека, из них 480 мужчин и 372 женщины⁹⁸. Но и после этого свободных земель в Оренбургском у., за р. Уралом, оставалось много. 22 июня 1831 г. Оренбургская казенная палата сообщила генерал-губернатору П. П. Сухтелену-2-му, что «за рекой Уралом, при урочище Красный Яр, земель достаточно для поселения»⁹⁹.

Бывали случаи, когда переселившегося крестьянина затребовали из Оренбургской губ. его бывшие крестьянские общества, указывая, что будто бы переселившийся не заплатил казенных податей и за ним еще числится рекрутская повинность. Так было в 1830 г. с экономическим крестьянином Оренбургского у. Кардаиловской вол. Кузьевым Яковом Михайловичем, переселившимся сюда из Пензенской губ., Краснослободского у., с. Девичий Рукав. Ему в 1829 г. мирское общество с. Девичий Рукав дало увольнительное свидетельство с полным правом выезда из деревни с семьей (3 человека мужского пола) в Оренбургскую губ. на свободные земли, а через год стало требовать его к себе, предъявляя к нему неосновательные претензии о неуплате казенных податей и т. д. Здесь же он обзавелся домом и стал исправным хозяином¹⁰⁰.

В 1830 г. Оренбургской казенной палатой была составлена «Перечневая ведомость» переселившихся в губернию крестьян (кроме государственных) из малоземельных губерний. Она дает нам конкретные данные о количестве переселенцев, перешедших на жительство с 1824 по 1829 г. в отдельные уезды Оренбургской губ. Согласно этой ведомости по семи уездам губернии счи-

талось официальных переселенцев 32 193 душ м. п.¹⁰¹ Кроме того, той же палатой в декабре 1830 г. была составлена ведомость переселенцам из числа казенных крестьян за время с 1824 по 1829 г.¹⁰² По данным этой ведомости самое большое переселение казенных крестьян шло из Курской (12 840 м. п.) и Тамбовской (7459 м. п.), Пензенской (4700 м. п.) и Рязанской (2331 м. п.) губ. Всего за это время переселилось государственных крестьян из других губерний в Оренбургскую 35 508 душ м. п.¹⁰³ (табл. 6).

Если добавить сюда переселенцев других категорий крестьян (32 193 душ м. п.), по всем уездам Оренбургской губ. переселившихся крестьян с 1824 по 1829 г. насчитывалось 67 701 душ м. п.¹⁰⁴

Переселение крестьян в Оренбургский край еще более усилилось с выходом царского указа от 17 марта 1832 г., который разрешал государственным крестьянам селиться в Оренбургской губ. на казачьем положении, с отправлением на линейную службу¹⁰⁵. Этот указ обсуждался в управлении оренбургского военного губернатора, после чего в 1832 г. был составлен «Список свободным землям на Оренбургской линии... к заселению желающими поступить в казаки Оренбургского войска, с размещением в каких именно урочищах и сколько душ могут быть водворены...». По этому «Списку...» предполагалось разместить вверх по линии от г. Оренбурга до границ Тобольской крепости 6659 человек¹⁰⁶.

Пользуясь указом 1832 г., свободные и даже крепостные крестьяне черноземных губерний оставляли свои насиженные места и переселялись в Оренбургскую губ. Из переселившихся лишь небольшой процент попал в казаки, большинство же поселилось на свободном крестьянском положении (крестьяне не желали идти в казаки).

10 апреля 1832 г. последовал новый правительственный указ, который еще более ускорил переселение крестьян в Оренбургскую губ. По новому указу разрешалась продажа башкирских земель, запрещенная указом 1818 г. В указе говорилось, что при продаже этих земель нужно «довольствоваться согласием двух третей общества, несмотря на нежелание третьей». Причем, чтобы продажа общинных земель не нанесла ущерб башкирам, «постановить, чтобы в каждой волости оставалось от 20 до 60 десятин, по усмотрению главного местного начальства, на душу такой земли, которую общество не имело бы права продать»¹⁰⁷.

Самый большой наплыв переселенцев испытывали Челябинский, Троицкий, Бузулукский у.¹⁰⁸, где имелось особенно много пустующих земель. В Челябинском у. до 1834 г. крестьяне из других мест направлялись в Кочердыкскую и Подгороднюю (Долгодеревенскую) вол. К VIII ревизии в Кочердыкской вол. оказалось 455 душ м. п. и 478 душ ж. п. В 1834 г. пермскими крестьянами были застроены в Долгодеревенской вол. две деревни: Попова и Томина. Первая — между д. Боровой и Миас-

Таблица 6. Переселение государственных крестьян с 1824 по 1829 г. из малоземельных губерний в Оренбургскую губ.*

№ п/п	Из каких губерний и уездов, сел и деревень переселились	Душ м. п.	В какие уезды, села и деревни Оренбургской губ. водворены
<i>Рязанская губ.</i>			
1	Сапожковский у., с. Назарьева, Мордва и др.	278	Бузулукский у., во вновь образованную д. Арзамасцеву
2	Данковский и Скопинский у., разные селения	429	Бузулукский у., д. Малая Малыпепка и Медведица; Бугурусланский у., Матвеевская вол., д. Емельяновка
3	Данковский у., с. Телятино	200	Бузулукский у., д. Осиповка
4	Данковский и Скопинский у., с. Домочеп, Ягодных и др.	81	Бузулукский у., д. Погромная
5	Сапожковский, Данковский и Скопинский у. (мелкие партии)	1343	Оренбургский у., д. Дюсьметьево и другие деревни
	<i>Итого</i>	<i>2331</i>	
<i>Курская губ.</i>			
1	Фатежский, Льговский и Дмитриевский у., разные селения	797	Оренбургский у., д. Копычева; Бугульминский у., дачи д. Старой и Новой Тепловки; Бугурусланский у., д. Котлумбетова
2	Короченский, Новоскольский и Дмитриевский у., разные селения	730	Оренбургский у., д. Буланова и дачи д. Кургаза и Темирбаевой
3	Короченский, Староскольский и Тимский у., разные селения	1029	Бузулукский у., дачи д. Старой и Новой Тепловки
4	Тимский, Щигровский и Староскольский у., разные селения	1287	Бугульминский у., д. Письмянская; Бугурусланский у., д. Лазавка
5	Фатежский у., разные селения	400	Оренбургский у., д. Мустафинова, Юзеева
6	Тимский, Курский, Щигровский и Короченский у., разные селения	487	Бузулукский у., новая д. Скворцовка
7	Староскольский, Тимский, Новоскольский у., разные селения	395	Бузулукский у., д. Кандауровка
8	Курский, Щигровский, Староскольский у., разные селения	207	Бугурусланский у., д. Петровка, Кондратьевка
9	Новоскольский, Короченский у., разные селения	226	Оренбургский у., земли при речке Никольке, за р. Урал
10	Фатежский у., разные селения	198	Оренбургский уезд, близ д. Юзеевой
11	Курский, Щигровский у., разные селения	306	Оренбургский у., д. Сурманева
12	Староскольский у., разные селения	70	Бугульминский у. д. Поповка, Огородникова

* ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 867, л. 66 - 96.

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Из каких губерний и уездов, сел и деревень переселились	Душ м. п.	В какие уезды, села и деревни Оренбургской губ. водворены
13	Короценьский, Староскольский, Тимский, Шигровский, Фатежский, Курский у., разные селения (мелкие партии)	4357	Бузулукский, Бугульминский, Бугурусланский, Оренбургский у., разные селения
	<i>Итого</i>	<i>2840</i>	
	<i>Тамбовская губ.</i>		
1	Темниковский у., д. Подгорная, Канапова и Песопная	275	Бузулукский у., д. Старые Ивановы и Игнашкины-Ивашкины
2	Спасский у., с. Новая Тотьма, Петровского, д. Новые Выселки	400	Бузулукский у., д. Пронкиной
3	Моршанский у., с. Лимон и др.	103	Бузулукский у., дачи д. Печениной, Курамовой и Тростянки
4	Усманский у., с. Куликова и др.	291	Бузулукский у., д. Алдаркина и Таволжанка
5	Темниковский у., д. Сучкина	99	Бузулукский у., земли сельца Михайловского
6	Спасский у., с. Селазгара	117	Оренбургский у., д. Полтавский редут
7	Усманский у., с. Верхний и Средний Матрекон	210	Бузулукский у., д. Белогорская и Матвеевка
8	Козловский у., д. Радостная, с. Терновое, Никольское, Подгорное и др.	110	Бузулукский у., д. Старая Яшкина
9	Темниковский у., д. Такушева	217	Бузулукский у., земли д. Старых и Новых Яшкиных и Игнашкиных
10	Усмановский у., с. Нелжи	169	Бузулукский у., дача д. Погромной
11	Кирсановский у., Верхнепуповская волость, с. Стежек	1137	Оренбургский у., близ селений Кардацловки, Краснохолма
12	Моршанский у., с. Новое, Грязное, Святое	98	Бузулукский у., при д. Съезжей
13	Спасский у., с. Дмитриевское	187	Бузулукский у., д. Верхняя
14	Усманский у., с. Плавцы, Березнеговатки	72	Бузулукский у., д. Петровка
15	Лебедянский у., с. Большой Хомутец и Борисовка	117	Бузулукский у., дача крепости Сорочинской
16	Усманский у., с. Куликова	82	Бузулукский у., д. Андреевка
17	Кирсановский у., с. Калапса	1206	Бузулукский у., земли между крепостями Тоцкой и Сорочинской
18	Борисоглебский, Кирсановский у., разные селения	202	Бузулукский у., земли близ Сорочинской крепости
19	Борисоглебский у., с. Большой Грибановка	125	Оренбургский у. за р. Уралом
	<i>Итого</i>	<i>7459</i>	

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Из каких губерний и уездов, сел и деревень переселились	Душ м. п.	В какие уезды, села и деревни Оренбургской губ. водворены
<i>Воронежская губ.</i>			
1	Землянский у., с. Избище, Старая Ведуга и др.	399	Оренбургский у., дачи у д. Полтавский редут
2	Павловский, Коротоякский, Новохоперский у., различ- ные селения	515	Оренбургский у., дачи у д. Полтавский редут
3	Острогожский у., слобода Белогорья	273	Троицкий у., земли Нижне- уевельской слободы
4	Коротоякский у., с. Левая Росоша	90	Оренбургский у., земли у кре- пости Пречистинской
5	Землянский у., с. Калябина	93	Бузулукский у., близ д. Да- ниловки
6	Новохоперский у., с. Сред- ний Карачан и Кирсановка	173	Оренбургский у., земли за рекой Уралом
7	Валуйский у., с. Большие Уральские Ляныги	110	Оренбургский у., земли у р. Камыш Самары
8	Павловский, Землянский, Во- ронежский у., разные селе- ния (мелкие партии)	1018	Бузулукский, Бугуруслан- ский и Оренбургский у.
	<i>Итого</i>	2671	
<i>Пензенская губ.</i>			
1	Рыбинский приказ, разные села и деревни	1200	Оренбургский у., земли при устье р. Самары
2	Краснослободский у., разные села и деревни	135	Бузулукский у., д. Осиповка
3	Чембарский у., д. Шила- лейка, с. Невещкина	1226	Бузулукский у., дачи д. Ла- базовой, Погромной
4	Керенский у., д. Тарана- новка и другие	200	Бузулукский у., земли д. Та- тарский Кандыз
5	Краснослободский, Кирса- новский, Городищинский, Чембарский у., разные села и деревни (мелкие партии)	1939	Бузулукский, Оренбургский, Бугурусланский у.
	<i>Итого</i>	4700	
<i>Орловская губ.</i>			
1	Малоархангельский и Иль- винский у., разные селения	227	Бузулукский у., д. Погром- ная
2	Кромский у., разные селе- ния	135	Оренбургский у., дачи д. Сар- маевой, Дюсембетевой
3	Малоархангельский, Ли- внеский, Кромский у., разные селения (мелкие партии)	568	Бузулукский, Оренбург- ский уезды
	<i>Итого</i>	932	
<i>Тульская губ.</i>			
1	Ефремовский у., с. Солдат- ское, Сязова, Тирасова; д. Стрельчай, Поляны и Голубочин	100	Бузулукский у., земли с. Утевки, д. Семеновки

Таблица 6 (окончание)

№ п/п	Из каких губерний и уездов, сел и деревень переселились	Душ м. п.	В какие уезды, села и деревни Оренбургской губ. водворены
2	Ефремовский у., разные селения (мелкие партии)	306	Бузулукский у., земли с. Утевки, д. Семеновки
	<i>Итого</i>	<i>406</i>	
	<i>Пермская губ.</i>		
1	Шадринский у., д. Биккульская	72	Челябинский у., земли, отрезанные у помещиков Мецераховских
2	Камышловский у., разные селения	259	Троицкий у., земли с. Кабанского с деревнями
	<i>Итого</i>	<i>331</i>	
	<i>Слободско-Украинская губ.</i>		
1	Изюменный у., с. Рай, Городна, др.	49	Оренбургский у., дачи д. Биккуловой
2	Валновский у., слобода Коломака	52	Бузулукский у., земля д. Пронкиной и Ивановки
	<i>Итого</i>	<i>101</i>	
	<i>Симбирская губ.</i>		
1	Самарский у., с. Каменка	209	Оренбургский у., д. Новотоцкая
	<i>Итого</i>	<i>209</i>	
	<i>Саратовская губ.</i>		
1	Хвалынский у., с. Дмитриевка	140	Бузулукский у., с. Никольское
2	Балашовский у.	382	Бузулукский у., разные селения
	<i>Итого</i>	<i>552</i>	
	<i>Томская губ.</i>		
1	Возвратившиеся из Западной Сибири (Томский округ)	286	Челябинский у., разные селения
	<i>Тобольская губ.</i>		
1	Неизвестно, из каких уездов прибыли	317	Неизвестно, куда водворены
2	Неизвестно, из какой губернии прибыли	2403	
	<i>Всего</i>	<i>35508</i>	

ской крепостью, вторая — к западу от современного г. Коркино. Особенно много переселилось в Челябинский у. из Курской и частично Воронежской губ. К этому времени в Челябинском и Троицком у. крестьяне-однодворцы из Курской губ. основали около двух десятков новых деревень.

Челябинский и Троицкий у. стали основными центрами поселений государственных крестьян (табл. 7). К 1833 г. в Челябинском у. числилось 30 935 душ м. п. государственных крестьян, имеющих в своем распоряжении 1 342 319 дес. удобной земли и неудобной — 231 093 дес.¹⁰⁹ В Троицком у. к 1832 г. проживало государственных крестьян 6541 душ м. п., владеющих 165 119 дес. земли¹¹⁰.

По сведениям гр. В. А. Перовского за три года (1830—1833) в пределы губернии переселилось более 40 тыс. государственных крестьян. В письме от 7 августа 1833 г. он сообщал: «К сим нисколько не преувеличенным истинам остается присовокупить, что в последние три года прибыло сюда неизвестных казенной палате более сорока тысяч душ, не считая жен и детей, число безгласно зашедших также немаловажно, судя по некоторой части уже обнаруженных; из сего числа значительного малая только часть водворены и, бесспорно, прочие допущены к временному водворению или как захватившие чужие земли подлежат к своду; некоторые размещены на квартирах, а иные кочуют в балаганах»¹¹¹. Из донесения оренбургского вице-губернатора от 20 июля 1832 г. Е. Ф. Канкрину мы узнаем, что очень значительная часть государственных крестьян переселилась самовольно: «Сейчас таких самовольных переселенцев до 10 тысяч душ»¹¹². Перовский был обеспокоен тем, что «переселенцы, не соблюдая установленных правил о переселении, толпами не только с их семействами, но и со своим домашним обзаведением переселяются из других губерний... От неустройства их происходят беспорядки, устранение коих в самом скором времени необходимо нужно»¹¹³. Несколько ранее губернатор указывал, что поселенцы «в весьма значительном количестве большими партиями с семействами и скотом занимают по своему собственному смотрению земли казаков и старожиллов, истребляя на них не только лес, но и запашки»¹¹⁴. Особенно сильно были распространены самовольные захваты земель в Бузулукском, Оренбургском и Бугурусланском у. В Бузулукский у. для рассмотрения дел о самовольных захватах земель летом 1832 г. был направлен ассессор Сплендаринский¹¹⁵, а затем, по распоряжению оренбургского генерал-губернатора Сухтелена, комиссия из представителя казенной палаты, земского исправника и одного казачьего офицера для разрешения вопроса о самовольных переселениях на калмыцкие и казачьи земли в Бузулукском у.¹¹⁶

Переселенцы самовольно селились на землях и в других уездах Оренбургской губ., занимая главным образом казачьи, башкирские и калмыцкие земли. Примером такого самовольного переселения являлся захват однодворцами, прибывшими из Курской губ. и Омской обл. в 1832 г., земель Пововоздвиженской крепости и Никитского редута. 712 душ однодворцев в августе 1832 г. основали здесь три деревни: Новочеркасскую, Александровскую и деревню, еще не получившую названия¹¹⁷. Несмотря на протесты казаков, местные оренбургские власти, а затем и

Таблица 7. Поселения государственных крестьян в Челябинском у.
(по волостям) в 1833 г. (кроме однодворцев) *

№ п/п	Название	Душ м. п.	№ п/п	Название	Душ м. п.
	<i>Чумляцкая вол.</i>		16	Березомышская	107
	Села:		17	Кочегарова	78
1	Чумляцкое	221	18	Черемная	77
2	Белоярское	280	19	Федюшина	57
	<i>Деревни:</i>		20	Шабанова	19
3	Кишкина	71	21	Тумакова	95
4	Кузнецова	51	22	Иванова	83
5	Красноярка	219	23	Гладышева	102
6	Куликова	89	24	Бутарская	104
7	Косулина	140	25	Черноярская	130
8	Пивкина	83	26	Красноярская	67
9	Чесноковка 1-я	54	27	Карчажская	154
10	Чистовская	170		<i>Итого</i>	3238
11	Сухоборская	233		<i>Карасинская вол.</i>	
12	Козина	132		<i>Деревни:</i>	
13	Щучья	84	1	Большие Караси	315
14	Пифанская	37	2	Малые Караси	54
15	Калманова	97	3	Клопова	65
16	Зайкова	216	4	Сладкие Караси	222
17	Мокрый Лог	20	5	Машкина	153
18	Пуктышева	110	6	Малая Била	375
19	Никитина	160	7	Щучья	164
20	Чуднякова	17	8	Большая Била	105
21	Алабужская	274	9	Карасинская	134
22	Феклина	110	10	Белое озеро	26
23	Боровая	43	11	Редуцкая	90
24	Таранкульская	136	12	Токарева 1-я	87
25	Чесноковка 2-я	17	13	Борчаникова	60
26	Медвецкая	195	14	Соколова	35
	<i>Итого</i>	3159	15	Шибанова	12
	<i>Воскресенская вол.</i>		16	Островная	98
	Села:		17	Щучья 2-я	236
1	Воскресенское	316	18	Маятская	222
2	Куликовское	146	19	Вилкина	60
	<i>Деревни:</i>		20	Токарева 2-я	29
3	Шалимова	183	21	Борина	28
4	Кумайская	224		<i>Итого</i>	2570
5	Линевская	170		<i>Долговская вол.</i>	
6	Мокрушина	122		<i>Села:</i>	
7	Штанная	117	1	Долговское	212
8	Кокуйская	54	2	Страхова	196
9	Добровная	145		<i>Деревни:</i>	
10	Сартасова	94	3	Белоногова	242
11	Мезеница	49	4	Дудина	66
12	Грязнуха	71	5	Доновская	96
13	Гаганова	117	6	Жукова	224
14	Кусоватая	28	7	Коровья	227
15	Варлакова	120	8	Клохтухина	173

Таблица 7 (продолжение)

№ п/п	Название	Душ м. п.	№ п/п	Название	Душ м. п.
9	Косулина	323		<i>Карачельская вол.</i>	
10	Маслова	85	1	С. Карачельское	231
11	Островская	98		<i>Деревни:</i>	
12	Орлова	51			
13	Пепелина	248	2	Забродина	26
14	Рыбная	113	3	Березовка	176
15	Сенова	139	4	Березомышская	164
16	Сетова	268	5	Горшкова	218
17	Сорокина	95	6	Дюряжная	110
18	Телегина	28	7	Жукова	211
19	Чистая	90	8	Кардаполова	46
20	Чертова	61	9	Старикова	95
21	Черноборская	91	10	Тактарова	128
22	Косолапова	131	11	Котлинская	37
	<i>Итого</i>	<i>3257</i>	12	Травлянская	226
	<i>Каминская вол.</i>		13	Большая Рига	69
1	С. Каминское	208	14	Малая Рига	73
	<i>Деревни:</i>		15	Субботина	172
2	Игнашина	213	16	Окуневская	56
3	Разуева	80	17	Углова	77
4	Язева	215	18	Большая Окуневская	155
5	Закоулова	304	19	Малая Токтошинская	100
6	Бызанова	65	20	Большая Токтошинская	83
7	Ярковская	201	21	Чесноковка	53
8	Толстопятова	74	22	Лешакова	171
9	Кислая	141	23	Тукманская	46
10	Бугрова	190	24	Калмыкова	137
11	Малцева	67	25	Пакевская	129
12	Редуцкая	332	26	Галкина	157
13	Белая	147	27	Михайловка	49
14	Березовый Мыс	39		<i>Итого</i>	<i>3195</i>
	<i>Итого</i>	<i>2276</i>		<i>Окуневская вол.</i>	
	<i>Качердыцкая вол.</i>			<i>Села:</i>	
1	С. Качердыцкое	168	1	Окуневское	208
	<i>Деревни:</i>		2	Кшемякское	287
2	Буланова	57		<i>Деревни:</i>	
3	Дулина	137	3	Скоробогатова	324
4	Журавлина	138	4	Заозерная	212
5	Заманиловка	101	5	Суханова	155
6	Качердыцкая	290	6	Толстопятова	157
7	Кузнецова	28	7	Буланова	34
8	Мякокина	88	8	Соколова	138
9	Чудинова	13	9	Лугова	88
10	Половинная	199	10	Травяная	300
11	Пески	50	11	Игнатева	171
12	Никольская	66	12	Кокорина	90
	<i>Итого</i>	<i>1335</i>	13	Плотникова	170
			14	Шамелина	108
			15	Окулова	173
			16	Уббенная	150

Таблица 7 (окончание)

№ п/п	Название	Душ м. п.	№ п/п	Название	Душ м. п.
17	Кулашена	109	6	Галкина	53
18	Островского	131	7	Закамалдина	220
19	Лошкина	44	8	Норилька	112
20	Ефимова	15	9	Растовурская	124
21	Могильная	14	10	Хмелевка	37
22	Чашина	13	11	Нижняя	332
	<i>Итого</i>	<i>3091</i>	12	Коновалова	187
	<i>Таловская вол.</i>		13	Абанина	256
	<i>Села:</i>		14	Верхняя	158
			15	Малетина	23
			16	Костышева	206
1	Таловское	266	17	Выхотковская	177
2	Веденское	461	18	Кислая	112
	<i>Деревни:</i>		19	Птичья	33
			20	Чубанова	275
3	Быдина	80	21	Березова	199
4	Гагаринская	253	22	Ускова	35
5	Горохова	196	23	Камышина	21
6	Глубоковка	25		<i>Итого</i>	<i>3107</i>
7	Ерохинская	66		<i>Птиченская вол.</i>	
8	Елшина	24			
9	Кинельская	494	1	С. Птиченское	434
10	Камаганская	168		<i>Деревни:</i>	
11	Красикова	57			
12	Коровинская	28	2	Сахнина	78
13	Пещанская	271	3	Столбова	117
14	Пестова	169	4	Воробьева	110
15	Речкаловка	80	5	Калмакова	77
16	Разбигаева	73	6	Березова	159
17	Суховава	123	7	Карандашева	111
18	Таловская	263	8	Каменная	371
	<i>Итого</i>	<i>3120</i>	9	Трусилова	35
	<i>Куртамышская вол.</i>		10	Убвенная	220
			11	Петухова	176
1	С. Куртамышское	272	12	Малые Дюряги	130
	<i>Деревни:</i>		13	Кушминская	134
			14	Малая Кушминская	43
2	Плоская	55	15	Малая Субботина	32
3	Сычева	113	16	Логоушинская	49
4	Кочарина	24	17	При озере Хохлях	44
5	Ситкова	11		<i>Итого</i>	<i>2587</i>

Всего в Челябинском у. 30935 душ м.

* ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, д. 224, л. 6-38.

министерство финансов оставили переселенцев в 1833 г. на своих местах¹¹⁸. Министерство финансов лишь сделало замечание, что оренбургские власти «не входя в дальнейшее разбирательство, допускали переселенцев без ограничения к водворению»¹¹⁹.

Характерно, что все самовольные переселенцы были страшно бедны. Острая нужда гнала их на переселение. В се-

кретном письме саратовского вице-губернатора от 28 августа 1832 г. гр. Е. Ф. Канкрину говорилось о тяжелом положении самовольных переселенцев. Он указывал, что «разительная бедность есть отличительная черта переходцев. Ни строения, ни домоводства, ни даже порядочной одежды не имеют»¹²⁰.

По указанию саратовского губернатора была произведена опись имущества переселенцев (табл. 8).

Главной причиной бедственного положения переселенцев вице-губернатор считал появление зажиточных, богатых крестьян в среде казенных поселян, эксплуатирующих «беднейшую часть их». «В малоземельных губерниях, — писал он, — где поселяне нуждаются в пахотной земле, бедные из них, быв тесными зажиточными, думают, что они поправят свое состояние, перейдя в Саратовскую, Оренбургскую и прочие губернии... Таким образом, бедняки, теснимые, с одной стороны, нуждой и коварством своих сограждан, а с другой стороны, быв обога-

Таблица 8. Опись имущества шести курских переселенцев, направившихся в Оренбургскую губ. (от 23 августа 1832 г.) *

№ п/п	Фамилия	Число лет	Имущество
1	Сидор Грицков Жена Феодосия Прокофьевна Сын Трофим — 4 года, дочери: Фекла — 12 лет, Аксинья 11 лет, Анна — 4 года, Авдотья — 2 года	55 35	2 телеги, 2 лошади и одежда
2	Василий Трофимов Жена Агафья Семеновна Сын Остафий — 13 лет, дочь Мария — 3 года	50 40	Телега 1, лошадь одна, одежда
3	Клим Степанов Жена Прасковья Дети: Аграфена — 8 лет, Прасковья — 6 лет, Устинья — 4 года, новорожденный Вадим	35 30	2 телеги, 2 лошади, одежда
4	Фатей Черных Жена Татьяна Тимофеевна Сын Корней — 10 лет	70 —	1 телега, 1 лошадь, одежда
5	Игнат Харламов Жена Акулина Ивановна Сыновья: Степан — 7 лет, Абакум — полтора года, дочь Афия — 5 лет Мать Харламова Марья Лукьяновна Грам Дементий	30 35 50 20	1 телега, 1 лошадь, одежда
6	Иван Семенов Жена Ульяна Степановна Сыновья: Федор — 17 лет, Матвей — 10 лет, Абрам — 5 лет; дочери: Домна — 13 лет, Пелагея — 7 лет	30 40	Не имеет ничего, кроме носильной одежды

* ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 1171, он.

щены рассказами об изобилии отдаленных и неизвестных им мест, посылают просьбы к Вашему сиятельству о дозволении переселиться в избранную ими губернию, не имея никакого понятия о земле, избираемой ими, о необходимых способах к обрабатыванию оной»¹²¹⁻¹²². Ко всему прочему переселенцы, по словам самого министра финансов, «терпят при переходе большие притеснения, и с них взимаются непозволительные сборы»¹²³.

Массовый наплыв переселенцев, да еще самовольных, напугал правительство. 25 сентября 1832 г. последовал циркуляр статс-секретаря внутренних дел гр. Д. А. Блудова о запрещении самовольных переселений¹²⁴, а в июле 1833 г. Министерство финансов вынесло решение о приостановлении вообще всех переселений в Оренбургскую губ. до 1835 г.¹²⁵ В дальнейшем по постановлению Комитета министров от 20 февраля и 6 марта 1834 г. срок приостановки переселений в Оренбургскую губ. был продлен до 1 января 1836 г.¹²⁶ Причины приостановки переселения изложены в письме гр. В. А. Перовского от 7 августа 1833 г. министру финансов Канкрину, в котором Перовский предлагал приостановить до 1 января 1837 г. переселение в Оренбургскую губ.¹²⁷

В. А. Перовский писал министру финансов: «Частью от недостатков удобных к поселению мест, а наиболее по своеволию переселенцев происходит здесь непозволительное неуважение к праву собственности. бывали также примеры, что переселенцы не выказывали уважения ни к какой власти и продолжали упорствовать, вопреки распоряжению вашего сиятельства, как случилось сие с курскими переселенцами, водворившимися на землях адмирала Мордвинова, с коих сведены силою, и как происходит еще ныне по предмету свода крестьян, поселившихся деревню Кирсановкою на дачах казаков Тощкой станицы... отыскав своих земляков, давно уже зашедших, водворяются с ними без всякого ведома земской полиции»¹²⁸. В заключение письма Перовский добавлял, что вследствие того, что крестьян высылают на новые места, а также голодовок среди переселенцев поднимается ропот¹²⁹. Оренбургский генерал-губернатор предлагал министру финансов приостановить переселение до того времени, «пока среди переселенцев не будет наведен порядок»¹³⁰.

Таким образом, страх перед крестьянскими волнениями вынудил правительство приостановить переселения в Оренбургскую губ. Но, несмотря на запрещение, самовольные переселения государственных крестьян в этот край не прекратились. Это был вынужден признать и Перовский в письме Канкрину от 3 января 1834 г.: «Несмотря на принятые меры, изданные правила и подтверждения, переселения продолжались до сих пор с тем же беспорядком, и крестьяне, оставляя прежние места жительства, не испросив увольнения, прибывали в Оренбургскую губернию и захватывали самовольно несвободные земли»¹³¹.

В результате второй волны крестьянских переселений в Оренбургскую губ. прибыло 320 тыс. душ об. п.¹³² Общий же рост населения (вместе с вновь прибывшими) с 1815 по 1833 г. составил около 482 тыс. душ. об. п. По VII ревизии (1815 г.) было более 1 млн. 283 тыс. душ. об. п., а по VIII (1833 г.) — более 1 млн. 765 тыс. душ об. п.¹³³ По учету гражданского губернатора Оренбургской губ. в 1834 г. насчитывалось гражданского населения 1 542 011 душ об. п., вместе с военными — около 1 млн. 750 тыс. душ об. п.¹³⁴

Разбирая статистику роста христианского населения в Оренбургской губ., в основном русского, мы видим, что русское население выросло на 242 018 душ м. п. По VII ревизии, русских было 603 000 душ м. п., а по VIII—845 108 душ м. п.¹³⁵ Рост русского населения с 1816 по 1834 г. сопровождался возникновением новых сел и деревень, поселков, а также расширением старых крестьянских поселений.

В «Ежегодном доставлении сведений о состоянии новых поселений по Оренбургской губернии за 1832 г.» оренбургским губернатором названы 122 поселения, заведенные главным образом с 1826 по 1832 г.¹³⁶ Одновременно с основанием новых крестьянских поселений прибывало население и в старые, давно заведенные села и деревни. Об этом мы узнаем из «Полных сведений о состоянии переселенцев, допущенных к водворению в прежние селения казенных крестьян Оренбургской губернии»¹³⁷ в 1832—1834 гг. Однако поток переселенцев был сравнительно небольшим по отношению к основному старожильскому населению (табл. 9). «Полные сведения...» содержат также материал о том, как устраивались поселенцы на новых местах. Большая часть из них, как можно заключить, имела достаточное количество земли, леса, обзавелась благоустроенными домами¹³⁸. Например, экономическое состояние д. Богданчикова Бугурусланского у. Мордовско-Бугурусланской вол. характеризуется так: «Заведена в 1831 г. — 57 душ, почва черноземная, хлеб ржаной и яровой, родит порядочно, пастбища и сенокосы свободные». О состоянии сельских домов в д. Перевозникова Бузулукского у. Кураманаевской вол. говорится: «Дома обзаведены порядочно». О с. Дмитриевском Бугурусланского у. Боровской вол. пишется: «Изобильна хлебопашеством и скотоводством». О с. Сосновка Челябинского у. читаем: «Хлебопашество и скотоводство отличные». О д. Синеглазова того же уезда сказано: «Хлебопашество и скотоводство отличные». О д. Елховке Бугурусланского у. Аделяновской вол.: «Хлебопашество и скотоводство в хорошем состоянии». Правда, в «Полных сведениях...» имеются и другие данные о вновь заселенных местах. Они совсем неутешительны по Троицкому у. Нижнеушельской вол., где находились деревни однодворцев¹³⁹. О д. Хмелева сообщается, что в ней проживают 33 душ м. п., а «дома посредственные, некоторые живут в землянках»¹⁴⁰. Общий вывод: живут «бедно». Такая же характеристика дана жителям д. Захаровки, Поляжной, Семесовки, Новотаскиной, Черновской.

Таблица 9. Полные сведения о состоянии переселенцев, допущенных к водворению в прежние селения казенных крестьян Оренбургской губ. (на 1832 г.) *

Название деревни, села	Сколько старо-жилых душ м. п.	Год переселения	Прибыло	Сколько земли, леса, дес.	Общая характеристика крестьянского хозяйства
<i>Бузулукский у., Курманаевская вол.</i>					
Лабазова	368	1829 1830	52 14	649, 20	Дома посредственные, почва суглинистая, нужны удобрения
Перевозникова	116	1830 1831 1832	16 7 75	3130, 20	Дома обзаведены порядочно
Андреевка, Гра- чевка тож	57	1829	88	2169, 3	Дома обзаведены
Новотоцкая	59	1831	6	675	В хорошем состоянии
Баширова	49	1830	1	Леса нет 740, 10	В бедности
Самцова	99	1831	3	1510, 20	Дома отстроены хорошо
Медветчина	64	1832	1	950, 10	Дома обзаведены порядочно
Погромная	314	1828	24	5010, 15	Дома построены хорошо
Ромашкина	208	1829 1830 1831	48 102 16	5600, 20	То же
Алдаркина	244	1829	76	503, 28	Дома обзаведены порядочно
Таволжанка	187	1829	155	5130	Дома отстроены хорошо
Домашка	12	1829 1831 1832	11 3 2	Леса нет 420 Леса нет	Дома устроены хорошо
Даниловка	49	1830 1831 1832	18 38 5	1650 Леса нет	То же
Федоровка	66	1831	31	1435, 20	Дома построены посредственно
<i>Съезжинская вол.</i>					
Верхняя Съезжая	93	1831	29	Нет сведений	Хозяйство в посредственном состоянии
с. Алексеевка	107	1830 1832	19 51		Домообзаведение изрядное имеют
с. Осиповка	119	1831	13	То же	Урожай хлеба бывает хороший
<i>Геранжинская вол.</i>					
Малая Малышевка	128	1827 1828 1830	98 60	3120 Леса нет	Домообзаведение посредственное

* ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 1163, л. 144—160.

Таблица 9 (продолжение)

Название деревни, села	Сколько старо-жилых душ м. п.	Год. пере-селе-ния	При-было	Сколько земли, леса, дес.	Общая характеристика крестьянского хозяйства
Большая Малышевка	283	1829 1830	10 8	270 Леса нет	Хлебопашество и скотоводство посредственные, домашнее обзаведение тоже посредственное
Черновка	615	1831	30	Нет сведений	В посредственном состоянии
Кураповка	165	1830	5	То же	То же
Ивановка	477	1830 1832	6 3	» »	» »
Новая Геранина	173	1828 1830	24 39	» »	» »
<i>Пронькинская вол.</i>					
Яшина	193	1831	6	2845, 140	»
Новая Тепловка	243	1826	89	4920, 60	В хорошем состоянии
Старая Тепловка	152	1826	69	3145, 95	То же
Каменная	30	1827	103	1885, 50	В посредственном состоянии
Верхняя Вязовка	163	1826	129	4235, 145	То же
Нижняя Вязовка	130	1827	100	3385, 65	»
Пьяновка	—	1829	55	756, 60	В скудном состоянии
<i>Челябинский у.</i>					
Сосновка	62	1830 1832	22 14	Нет сведений	Хлебопашество и скотоводство отличные
Синеглазова	99	1829 1831	5 8	То же	Тоже отличные
<i>Бугурусманский у.,</i>					
<i>Адельновская вол.</i>					
Елховка	71	1832	19	Нет сведений	Хлебопашество и скотоводство в хорошем состоянии
Кабановка	72	1832 В начале 1833 г.	20 5	То же	В посредственном состоянии
<i>Афонькинская вол.</i>					
Мартыновка	307	1829 1831	17 4	Нет сведений	В порядочном состоянии
<i>Боровская вол.</i>					
с. Дмитриевское	221	1830 1831 1832 С начала 1833	21 13 33 8	Нет сведений	Изобильны хлебопашеством и скотоводством

Таблица 9 (продолжение)

Название деревни, села	Сколько старо-жилых душ м. п.	Год пере-селения	При-было	Сколько земли, леса, лес.	Общая характеристика крестьянского хозяйства
Старая Обочина	136	Вновь просят-ся в 1832	37	Нет све-дений	В посредственном со-стоянии
Карабаевка, Чес-ноковка тож	164	Вновь просят-ся в 1832	54	»	То же
Ермаковская	350	1832	45	»	В хорошем состоянии
Кандызская	72	1832	2	»	В посредственном со-стоянии
Матвеевская	287	1832	2	»	То же
Куелина	340	1832	3	»	»
Емельяновка	164	1832	45	»	»

Мордовско-Бугурусланская вол.

Г. Бугуруслан	786	1831 1832	2 1	Нет све-дений	В хорошем состоянии
Красноярка	30	1832 1833	16 9	»	В посредственном со-стоянии
Любовка	68	1832	10	»	То же
Понипла	50	1832	49	»	»
Пронина	56	1832	149	»	»
с. Рождественское	357	1829	35	»	»

Тириусмановская вол.

Петровка	40	1831	106	Нет све-дений	В хорошем состоянии
с. Покровское	529	1832	5	»	В посредственном со-стоянии

Толчлевская вол.

Коптяшевка	37	1832	67	Нет све-дений	В порядочном состоя-нии
------------	----	------	----	---------------	-------------------------

Пономаревская вол.

Кирсановка	567	1826	3	Нет све-дений	В хорошем состоянии
------------	-----	------	---	---------------	---------------------

Мордовско-Бугурусланская вол.

Белое озеро	29	1832	11	Нет све-дений	В посредственном со-стоянии
Петровка	145	1830	5	То же	То же
Ханеворкина	114	1830	3	»	»
с. Пономаревка	589	1831	1	»	В хорошем состоянии
Ефремовка	160	1830	2	»	» » »

Оренбургский у.

Зобовская вол.

Богодуховка	55	1830	12	Нет све-дений	Не указано
Мариновка	51	1830	18	То же	» »

Таблица 9 (окончание)

Название деревни, села	Сколько старо-жилых душ м. п.	Год переселения	Прибыло	Сколько земли, леса, дес.	Общая характеристика крестьянского хозяйства
<i>Мустафинская вол.</i>					
Никольская	344	1832	19	Нет сведений	Не указано
Киршалки	46	1832	34	То же	» »
Архангельская	158	1832	15	»	» »
Баракова	82	1832	105	»	» »
Егорьевка	186	1832	70	»	» »
Булановка	227	1832	181	»	» »
Покровка	133	1832	114	»	» »
Белоозерская	136	1832	96	»	» »
Мусина	30	1832	145	»	» »
Николаевка	49	1832	171	»	» »
<i>Кардашловская вол.</i>					
Слобода Кардашловка	516	1832	502	Нет сведений	Не указано
Павловка	112	1831	457	То же	» »
		1832	335	»	» »
Красный Яр	161	1831	40	»	» »
Кулагина	316	1830	17	»	» »
Архангельская	246	1831	6	»	» »
Слобода Краснохолм	265	1829	240	»	» »
		1830	265		
		1831	304		
		1832	49		

О многих жителях деревень Бузулукского у. говорится примерно то же самое. О хозяйстве крестьян д. Корнеевки сказано, что оно «скудное»¹⁴¹. Характеристика экономического положения жителей д. Павловки такая же, но с добавлением, что жители села «трудолюбивы»¹⁴². О жителях д. Ферапонтовки записано, что живут в «бедном состоянии»¹⁴³. О жителях д. Гаршина говорится: «Некоторые живут в землянках»¹⁴⁴. К таким бедным поселениям, помимо названных, «Полные сведения...» причисляют в Бузулукском у. деревни: Красногорскую, Любимовку, Никифоровку, Моховую, Дрянина, Михайлова и ряд других¹⁴⁵.

Приток в Оренбургский край переселенцев все время возрастал, хотя каждая волна крестьянских переселений заканчивалась правительственным запретом переселения. Оно опасалось, что массовые крестьянские переселения могут привести к беспорядкам, и в момент наивысшего наплыва переселенцев запрещало переселение. Так было и в 1834 г., когда вышел указ, временно запрещающий переселение в Оренбургскую губ.¹⁴⁶ Но, несмотря на это, самовольные переселения крестьян в этот край не прекращались. Каждый год сюда прибывало более 15 тыс. переселенцев¹⁴⁷. Местная администрация, как правило, не успевала устраивать крестьян, не торопилась с выделением им земельных

участков. Крестьяне были вынуждены самовольно селиться на облюбованных ими землях, и Оренбургской казенной палате ничего не оставалось, как утверждать эти поселения. Власти были бессильны задержать массовую крестьянскую колонизацию края.

С 1835 г. началась третья волна самовольных переселений крестьян в Оренбургскую губ., продолжавшаяся вплоть до середины XIX в. Почин сделали 140 пензенских государственных крестьян. В марте 1835 г. они прибыли в Бугульминский у. и самовольно стали устраиваться на даче богача Урустумакова¹⁴⁸. По решению Оренбургской казенной палаты крестьянам было запрещено селиться на даче Урустумакова. Но они заявили, что «непременно станут продолжать обзаведение»¹⁴⁹. При этом особенно кричали 7 человек из толпы, что «они земский суд и его постановление не хотят знать. Имение Урустумакова с жителями, план и межевую книгу действительными не почитают»¹⁵⁰. Эти люди были взяты под стражу и отданы под суд. Для усмирения пензенских переселенцев в апреле 1835 г. была введена воинская команда из 15 человек¹⁵¹. В течение трех лет (1835—1838) в Оренбургской казенной палате разбирался вопрос о самовольном переселении еще 165 пензенских крестьян, но решения по делу нам найти не удалось¹⁵².

В это же время на имя Перовского поступило огромное количество заявлений от разночинцев различных губерний с просьбой о переселении их в Оренбургский край на казачьем положении¹⁵³. Толчком послужил указ 1836 г., который разрешал разночинцам проживать в крепостях в том случае, если предки их были казаками. Число разночинцев, подавшихся в казаки, достигло 6 тыс.¹⁵⁴

Русское население края увеличивалось также стараниями местных чиновников, которые обзаводились землями и крепостными, и военных, получивших пожалования за свою службу от правительства. Пожалования были известны и в XVIII в., но в XIX в. приобрели довольно широкий размах¹⁵⁵. Бывали случаи, когда на жалованных императором землях уже расположились казенные или удельные крестьяне и местным властям приходилось разбирать тяжбы между новыми владельцами этих земель и крестьянами-переселенцами. Так, указом от 2 января 1820 г. генералу Л. Ф. Бергу 2-му было пожаловано 4 тыс. дес. земли в Оренбургской губ. Местные власти отвели ему землю в Бузулукском у. Но там уже располагались деревни однодворцев: Иванюка-Коновальская, Арзамасцова, Курповка, Печенина, Аверьянка и ряд других¹⁵⁶. Бузулукский земский суд 1 февраля 1832 г. водворил Берга в его владения. Однодворцы же не покидали освоенных земель и еще в 1836 г. засыпали своими прошениями генерал-губернатора, в которых указывали, что «решение Бузулукского земского суда от 1 февраля не почитают»¹⁵⁷. Почти в то же время, в 1835 г., богатые однодворцы из д. Тростянкул, Песчаной и Аверьяновки Филипп Долгов, Иван Фетисов и Манил Муратов подают прошение в Департамент государственных

имущества о том, что из пожалованной генералу Бергу земли (4 тыс. дес.) куплено ими через поверенного Берга коллежского асессора Чиркова 2642 дес., за которые они обязались уплатить по 11 руб. за 1 дес. Мало того, он же, Чирков, продал раньше эту землю управляющему помещика Обухова по 8 руб. за 1 дес.¹⁵⁸ Чем закончилось дело Берга с пожалованной ему землей, не отражено в сохранившихся архивных материалах. Но казус с Бергом оказался не исключением. Архивные источники сообщают и о других случаях, когда земельные пожалования производились за счет земель уже освоенных государственными крестьянами-переселенцами. В ноябре 1837 г. поверенный однодворцев с. Зувки Бузулукского у. Арсений Курбатов подал министру финансов прошение, в котором жаловался на уездного землемера Иванова за неправильную нарезку пожалованных майору Колокольцеву 3 тыс. дес. лучших земель с водопоем близ их селения, что поставило их, крестьян, в тяжелое положение¹⁵⁹.

Указом царя от 28 августа 1835 г. была пожалована земля полковнику бар. фон Тарнау на казенных дачах в Бузулукском у. Но, как оказалось, здесь уже расположилась однодворческая д. Печенина. Когда в 1838 г. барон продал эту землю за 10 тыс. руб. тайному советнику Маврину, крестьяне обратились в суд¹⁶⁰. В течение первой половины XIX в. правительство пожаловало земли в Бузулукском у. полковникам Ф. Ралю и его братьям 1 тыс. дес., столько же А. Т. Терлецкому, А. Струмилле — 2 тыс., С. Шумилову — 900, Б. Подурову — 800, генерал-майору Я. Тобенкову — 2 тыс. и многим другим, всего около 45 тыс. дес.¹⁶¹ В Бугульминском у. — полковникам Золотареву, Телегину, Плаутину, Родионову, Веригину, Михайлову по 1 тыс. дес. земли, бар. П. Зольцу — 700 дес. и другим, всего 21 тыс. дес.¹⁶² В других уездах было меньше пожалований — всего около 11 тыс. дес.¹⁶³ Правда, вся эта пожалованная земля сразу же перепродавалась отдельным дельцам — дворянам, купцам, государственным крестьянам. Следует отметить, что за счет пожалований возникли новые селения, куда владельцы их переводили своих крепостных из других губерний России.

Одно из них — с. Петровское в Мензелинском у., основанное крестьянами гр. Эссена (180 душ)¹⁶⁴. Второе — майорши Соколовой в Бирском у., близ д. Тузлукшевой и Кизганбашевой¹⁶⁵. Новые селения за счет пожалований возникали и в других уездах Оренбургской губ.¹⁶⁶, причем некоторые из них возникли на башкирских землях, отрезанных в пользу царских чиновников и военных¹⁶⁷.

Башкирские земли после указа 1832 г. (особенно с 1837 г.) свободно покупались и зажиточными государственными крестьянами. Так, часть государственных крестьян д. Питяковой Оренбургского у. просили земский суд в 1838 г. предоставить «в их единственное владение» 2639 дес. земли, купленной ими у башкир¹⁶⁸. В этом же Оренбургском у. после покупки у башкир многие башкирские селения переименовывались, например с. Шар-

лык — в Михайловское, с. Кульган — в Никольское, с. Каратай — в Рождественское и т. п.¹⁶⁹

И все же, как в XVII и XVIII вв., русские крестьяне селились в основном *не на башкирских, а на казенных землях*. Проведенное в 1848 г. обследование показало, что на башкирских дачах, составлявших 6 192 181 дес. земли¹⁷⁰, поселилось лишь 9524 человек разного звания.

Следует отметить, что переселение в 40—50-е годы XIX в. было более организованным, чем в предыдущие годы. Это можно видеть на примере 218 крестьян из с. Корозева, Михайловки, Гремячева и д. Вороновой, Бушевки, Голодской и Хохловки Перишлевского у. Калужской губ.¹⁷¹ После разрешения на переселение в Оренбургскую губ. были направлены 8 ходоков от крестьян для осмотра отведенных участков. Они выехали на место в 1847 г., и по их возвращении в 1848 г. все переселенцы тронулись в путь. На пути следования они получили от Калужской палаты государственных имуществ (29 руб.) и от Оренбургской палаты из расчета 3,5 коп. в день¹⁷². Им был выдан и пропускной вид, в котором говорилось, что 218 душ м. п. с разрешения министерства отправляются на переселение в Оренбургскую губ. Местным органам власти и полиции на пути следования предписывалось оказывать переселенцам «покровительство»: отводить бесплатно удобные дневные и ночные квартиры, лошадей и скот содержать на общих пастбищах без всякой платы, освобождать от платы за переправы через реки и от других подобных сборов.

Крестьянам была предоставлена и денежная ссуда. В делах сохранилось «ручательство» крестьян Каменскому волостному правлению о том, что взятую ссуду они обязуются выплатить в течение 10 лет: «Дали сие крепкое ручательство в том, что закупленные для каждого из нас семейства рабочий скот и земледельческие орудия 20 рублей серебром каковую сумму обязуемся выплатить в течение 10 лет по миновению льготных...»¹⁷³.

Но местные власти отнюдь не всегда выполняли предписанные правилами условия переселения крестьян. Так, те же калужские переселенцы жаловались управляющему Оренбургской палаты государственных имуществ, что из причитающейся ссуды на каждый двор в 55 руб. они получили только по 20 руб.¹⁷⁴ Подобные жалобы шли и от переселенцев других губерний.

Одновременно с калужскими прибыли в Оренбургский край переселенцы из других губерний. В 1848—1850 гг. переселилось 1953 человек государственных крестьян из Псковской губ.¹⁷⁵ Саратовская губерния дала в 40-е годы XIX в. 2132 переселенца, Курская — 3206, Воронежская — 2934, Пензенская — 3655, Рязанская — 5472, Тамбовская — 3175¹⁷⁶. Прибывшие из Саратовской и Курской губ. крестьяне были записаны в казаки¹⁷⁷.

В 30—50-е годы XIX в., как и прежде, переселялись в Оренбургскую губ. главным образом государственные крестьяне. Но если до 30-х годов успешно шло заселение территории Бузулук-

ского, Бугурусланского и Челябинского у., то в 30—50-х годах основным районом заселения стал Оренбургский у. Например, в приложении к отчету гражданского губернатора за 1834 г. говорится, что в марте 1834 г. в Павловскую вол. Оренбургского у. переселилось из Воронежской губ. 1710 однодворцев, в апреле этого же года в Калининскую вол. — 1462 государственных крестьян из Рязанской губ., в июне в Дмитриевскую вол. — 963 однодворцев из Тамбовской губ., в августе в Михайловскую вол. — 2304 государственных крестьян из Пензенской губ., в сентябре в Зобовскую вол. — 1103 однодворцев из Курской губ.¹⁷⁸ В 1848 г. только три партии переселенцев-крестьян из Рязанской губ. составили около 500 человек¹⁷⁹.

О том, как густо был заселен Оренбургский у. в середине XIX в. государственными крестьянами, говорят ревизские сказки 1850 г. по ряду сел и деревень этого уезда. В Белозерской вол. Михайловского общества в с. Михайловке было в наличии 739 душ м. п. и 918 душ ж. п.¹⁸⁰ В той же волости с. Никольском — 488 и 539¹⁸¹. В с. Рождественском — 464 и 612¹⁸². В д. Архангельской — 379 и 323¹⁸³. В д. Преображенской — 419 и 325¹⁸⁴. В той же волости Слоновского общества, в с. Слоновке, — 257 и 357¹⁸⁵. В д. Покровке той же волости — 412 и 542¹⁸⁶. В д. Абрамовке — 505 и 438¹⁸⁷. В д. Донецкой — 237 и 216¹⁸⁸. В д. Алексеевке — 264 и 255¹⁸⁹. В Белозерской вол. Буланского сельского общества, в с. Булановке, — 719 и 1049¹⁹⁰. В сельце Новотроицком — 849 и 911¹⁹¹. В сельце Васильевке — 504 и 655¹⁹². В д. Старый Гумбет — 401 и 443¹⁹³. В д. Бикуловой — 504 и 504¹⁹⁴. В д. Мустафиной Мустафинского сельского общества — 489 и 489¹⁹⁵. В д. Бараковой того же общества — 404 и 383¹⁹⁶. В д. Никольской — 263 и 302¹⁹⁷. В с. Егорьевском Егорьевского сельского общества — 513 и 531¹⁹⁸. В Ратчинской вол. Софийского сельского общества, в с. Софийском, — 950 и 1102¹⁹⁹. В д. Максимовке Софийского общества — 493 и 501 и д. Нижние Кузлы того же общества — 383 и 429²⁰⁰. В Ратчинской вол. Алексеевского общества, в с. Ратчино, — 714 и 751²⁰¹. В д. Алексеевке — 632 и 581²⁰². В Ратчинской вол. Мусиенского общества, в д. Мусина, — 477 и 489²⁰³. В д. Николаевке того же общества — 340 и 372²⁰⁴. В д. Дюсьметьевой — 429 и 410²⁰⁵. В с. Зобове Зобовского общества — 422 и 501²⁰⁶. В с. Воздвиженском Воздвиженского общества — 1216 и 1201²⁰⁷. В сельце Романовке того же общества — 558 и 602²⁰⁸.

В результате третьей волны крестьянских переселений с 1834 по 1850 г. прибыло в Оренбургский край более 150 тыс. душ об. п.²⁰⁹ Всего же в Оренбургской губ., по отчету генерал-губернатора за 1850 г., насчитывалось гражданского и военного населения 2 393 628 душ об. п., из них русских 1 306 299 душ об. п.²¹⁰ Из этого общего числа населения края крестьян, русских и нерусских, всего было около 2 млн. душ об. п., военных — около 200 тыс., а горожан всего 58 273 человек²¹¹. К середине XIX в.

процесс заселения Южного Урала русскими крестьянами в основном завершился. Здесь образовался значительный и устойчивый слой русского крестьянского населения. Правда, неосвоенных земель оставалось еще много, и крестьянские переселения продолжались и во второй половине XIX в.

Все исследователи признают, что рост населения в Оренбургском крае происходил в основном за счет переселений. Так, Я. Ханыков пишет, что «умножение числа жителей преимущественно происходило от переселений»²¹². То же самое утверждает В. М. Черемшанский: «Приращение слишком значительное, и оно не могло произойти от перевеса рождений над смертью»²¹³. Это же мнение разделял и советский историк В. К. Яцунский, который указывал, что «в этом районе эмиграция была основной причиной увеличения населения. В Оренбургской губ., взятой в границы 1796 г., население увеличивалось такими темпами: в 1796—1816 гг. ежегодно на 2,8%, в 1816—1834 гг. — на 1,9% и в 1834—1851 гг. — на 2%»²¹⁴. А. Г. Рашин также подчеркивал, что население в Оренбургской губ. увеличивалось в результате колонизации и лишь частично путем прироста, так как рождаемость и смертность были почти одинаковыми²¹⁵.

Значительную роль в заселении Оренбургской губ. сыграло казачество, ряды которого в это время сильно выросли после издания ряда положений об увеличении его численности. Одним из наиболее важных было положение от 19 августа 1804 г. об устройстве Оренбургской линии, в котором было указано, что казаки, жившие на Самарской линии, а также в городах и крепостях внутри края, должны быть переведены на Оренбургскую пограничную линию между крепостью Звериноголовскою и г. Оренбургом²¹⁶. Руководствуясь этим положением, местная администрация перевела казацкие войска из различных станиц Исетской и Уфимской провинций в различные крепости и поселки Оренбургской линии. Казаки, поселившиеся в этих крепостях, стали заниматься хлебопашеством, скотоводством и торговлей. С 1811 г. началось заселение казаками Новоилецкой линии, созданной в этом году на основе прирезки к Оренбургской губ. со стороны Казахстана огромной площади земли в количестве приблизительно 600 тыс. дес. между реками Уралом, Бердянском и Илеком. Эта линия имела цель — охрану оседлого населения и соляного промысла Илецкой защиты от набегов казахов. Успешное заселение Новоилецкой линии казаками шло в 20-х годах XIX в., а крестьянами, обращенными в казачье сословие, — в 30-х годах. В результате нового положения правительства от 5 марта 1835 г. казачьи владения в Оренбургской губ. еще более расширились. Был создан Новолинейный район, составивший почти 1/4 Оренбургской губ. Пограничная его черта прошла от Орска по прямой линии на северо-востоке к р. Ую. Здесь, по самой границе этого района, возникли казачьи укрепления: Наследническое, Константиновское, Николаевское и Михайловское.

По сведениям войсковой канцелярии, к 1 января 1837 г. общее население Оренбургского казачьего войска составляло 93 053 душ об. п. (45 643 душ м. п. и 47 410 душ ж. п.)²¹⁷. Затем для быстрейшего заселения Новой линии и сконцентрирования Оренбургского казачьего войска в 1842 г. вышло новое распоряжение царского правительства о переселении «всех казаков внутренних кантонов» на Оренбургскую пограничную линию, а земли оренбургских казаков передать в ведение Министерства государственных имуществ²¹⁸. В этом же году ставропольское калмыцкое войско присоединилось к Оренбургскому казачьему войску и в течение 1843—1844 гг. было переселено в Оренбургский край. К 1850 г. число казачьих войск увеличилось до 162 149 душ об. п.²¹⁹

С начала XVIII в. до 1850 г. от границ Сибирского ведомства (от крепости Звериноголовской) до Оренбурга были созданы следующие казачьи поселки — станицы²²⁰:

1. *Поселок Песчаный* основан в начале XVIII в. на р. Алабуге в 17½ верстах от станицы Песчаной. К середине XIX в. в нем насчитывалось 560 человек.

2. *Станица Звериноголовская* основана около 1717 г. В 1753 г. из Сибирского ведомства была передана в Оренбургское. В 1805 г. здесь были поселены исетские казаки, а затем были переведены казаки с Самарской линии и других мест. К середине XIX в. здесь проживало 576 семейств (1093 душ м. п., 1203 душ ж. п.).

3. *Поселок Озерный*, бывший редут Озерный, расположен в 16 верстах от станицы Звериноголовской. Основан в 1743 г., в 1838 г. переименован в село, а в 1850 г. — в поселок Оренбургского казачьего войска. Жителей 1394 душ об. п.

4. *Поселок Кочердыкский* основан в 1743 г. Жителей 1556 человек.

5. *Станица Усть-Уйская*, бывшая крепость, основана в 1743 г. при впадении р. Уя в Tobol. Жителей 2757 человек.

6. *Поселок Луговой*, бывший редут, основан в 1743 г. Жителей 2787 человек.

7. *Поселок Крутойярский*, бывшая крепость, основан в 1743 г. на берегу Крутого Яра, р. Уя. В 1838 г. переименован в станицу, а затем снова в поселок. Жителей 1934 человек.

8. *Поселок Березовский*, бывший редут, основан в 1743 г. на берегу р. Уя.

9. *Поселок Каракульский*, бывшая крепость, основана в 1783 г. на р. Уя, жителей 1029 человек.

10. *Станица Ключевская*, бывший редут, основана в 1743 г.

11. *Поселок Осиповский*, бывший редут, основан в 1805 г.

12. *Поселок Подгорный*, бывший редут, основан в 1743 г. на берегу Уя.

13. *Станица Степная*, бывшая крепость, основана в 1743 г. на правом Степном берегу р. Уя.

14. *Поселок Кидышевский* основан в 1743 г. при впадении Кидаша в Уй.

15. *Поселок Ахуновский* основан в 1777 г.

16. *Поселок Урлядинский*, вначале кордон (1804), а 1809 г. — поселок,

17. *Поселок Спасский*, бывший редут, основан в 1743 г. на берегу Урала.

18. *Поселок Верхне-Кизельский*, бывший редут, основан в 1743 г. Название получил от р. Кизила, впадающей в Урал.

19. *Станица Магнитная*, бывшая крепость, основана в 1743 г.

20. *Поселок Янгельский*, бывший редут, основан в 1743 г. на берегу Урала.

21. *Поселок Сыртинский* основан в 1743 г.

22. *Станица Кизельская*, бывшая крепость, основана в 1743 г. на левом берегу р. Урал.

23. *Поселок Грязнушенский* основан в 1743 г. под именем Грязнушенского редута, назван по р. Грязнухе.

24. *Поселок Березовский* основан в 1743 г. под именем редута, названного по р. Березовке.

25. *Поселок Уртазымский*, бывшая крепость, основанная в 1743 г. на р. Уртазым.

26. *Поселок Орловский*, бывший редут, основан в 1743 г. при впадении р. Орловки в р. Урал.

27. *Станица Таналыцкая*, бывшая крепость, основана в 1743 г. при впадении р. Таналык в р. Урал.

28. *Поселок Тереклинский*, бывший редут, основан в 1743 г. на р. Терекли.

29—30. *Поселок Банный*, основан в 1806 г. исетскими казаками Челябинской и Эткульской станиц.

31. *Поселок Хабарный*, бывший редут, основан в 1742 г. на берегу р. Урал.

32. *Поселок Губерлинский*, бывшая крепость, основанная в 1736 г. на берегу р. Губерли.

33. *Поселок Подгорный*, бывший редут, основан в 1712 г. на берегу р. Подгорная.

34. *Станица Ильинская*, бывшая крепость, основана в 1742 г.

35. *Поселок Никольский*, бывший редут, основан в 1742 г.

36. *Поселок Верхнеозерный*, бывшая крепость, основана в 1736 г.

37. *Станица Гирьяльская*, бывший редут, основан в 1742 г.

38. *Поселок Красногорский*, бывшая крепость, основана вблизи урочища Красная Гора.

39. *Поселок Вязовский* основан в 1742 г.

40. *Станица Каменно-Озерная* основана в 1805 г.

41. *Поселок Нежинский*, бывший редут, основан в 1742 г. украинскими казаками.

¹ Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848, с. 75.

² ЦГАДА, ф. 214 (Книги Сибирского приказа), № 1526, л. 1 об., 44 об., 84—89 об., 90—109 об., 103, 104.

³ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1871, 1874, 1876, 1879, 1881, 1882, 1884, 1886.

⁴ Там же.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 71—72 об., 86, 127 об., 164.

⁶ Там же.

⁷ Кеппен П. И. Девятая ревизия: Исследование числа жителей в 1851 г. СПб., 1857, с. 12; Фиельсгрупп Ф. А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1920, с. 11.

- ⁸ Кеппен П. И. Указ. соч., с. 95—96.
- ⁹ Фиельсгрупп Ф. А. Указ. соч., с. 12. Более ранних сведений о численности татар нет.
- ¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1285, оп. 1, д. 27—564; ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 581—7506.
- ¹¹ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 469—1556; ГАОО, ф. 16, оп. 4, д. 7834—10219.
- ¹² Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 6, оп. 5, д. 10220—11425; ф. 6, оп. 6, д. 11650—13687.
- ¹³ ПСЗ-I, т. 26, 1800 г., № 19500.
- ¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1285, оп. 1, д. 66, л. 1.
- ¹⁵ Там же, д. 96, л. 1—21.
- ¹⁶ Там же, ф. 379, оп. 1, д. 1174, л. 103.
- ¹⁷ Там же, д. 867, л. 9 об.
- ¹⁸ Там же, д. 730, л. 20 об.
- ¹⁹ Там же, л. 27 об.
- ²⁰ Там же, ф. 379, оп. 1, д. 1174, л. 19, 19 об.
- ²¹ Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 71—72 об.
- ²² Там же, ф. 379, оп. 1, д. 1174, л. 5, 4.
- ²³ Там же, л. 5.
- ²⁴ Там же, л. 82, 83.
- ²⁵ Там же, л. 103.
- ²⁶ Там же, л. 259, 264.
- ²⁷ Там же, л. 271, 171 об.
- ²⁸ ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 1784, л. 3.
- ²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 1, д. 57, л. 1, 2.
- ³⁰ Там же, оп. 11, д. 95, л. 23.
- ³¹ ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 2800.
- ³² ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 11, д. 95, л. 23.
- ³³ ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 3952, л. 1—6.
- ³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 11, д. 95, л. 220.
- ³⁵ Там же, л. 254.
- ³⁶ ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 16, л. 51—59.
- ³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1285, оп. 1, д. 66, л. 8.
- ³⁸ Там же, д. 106, 108, 114, 120.
- ³⁹ Там же, д. 16, л. 8.
- ⁴⁰ ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 16, л. 7, 196.
- ⁴¹ Там же, л. 11, 12, 196.
- ⁴² Там же, л. 14—19, 196.
- ⁴³ Там же, л. 21, 22, 196.
- ⁴⁴ Там же, л. 28—50, 197.
- ⁴⁵ Там же, л. 51—59.
- ⁴⁶ Там же, л. 61, 65, 197.
- ⁴⁷ Там же, л. 93—179.
- ⁴⁸ Там же, д. 18, л. 1а—11.
- ⁴⁹ Там же, ф. 6, оп. 2, д. 1786; оп. 3, д. 3441, 3017, 3023, 2800, 3952; оп. 4, д. 5938, 8653, 8728, 9232, 9163, 9304, 9333, 9341, 9360, 9375, 9394, 9440, 9849, 9868; оп. 5, д. 1074, 1178, 1032, 11082.
- ⁵⁰ Там же, оп. 2, д. 1786.
- ⁵¹ Там же, ф. 98, оп. 2, д. 34.
- ⁵² Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971, с. 54, 55.
- ⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1285, оп. 1, д. 27—564; ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 584—7506.
- ⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 469—1556.
- ⁵⁵ Там же, д. 1174, л. 37 об.
- ⁵⁶ ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 8728, л. 1—3.
- ⁵⁷ Там же, л. 1—13.
- ⁵⁸ Там же, л. 1—13; д. 8653, л. 1—15, 51.
- ⁵⁹ Там же, л. 1.
- ⁶⁰ Там же, л. 33.
- ⁶¹ Там же, л. 34.
- ⁶² ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, д. 609.
- ⁶³ Там же, д. 610.
- ⁶⁴ Там же, д. 921.
- ⁶⁵ Там же, д. 652.
- ⁶⁶ Там же, д. 653.
- ⁶⁷ Там же, д. 654.
- ⁶⁸ Там же, д. 708.
- ⁶⁹ Там же, д. 711.
- ⁷⁰ Там же, д. 654.
- ⁷¹ Там же, д. 10.
- ⁷² Там же, д. 891, л. 1.
- ⁷³ Там же, л. 1.
- ⁷⁴ Там же, д. 654, л. 48.
- ⁷⁵ Там же, л. 48—107.
- ⁷⁶ Там же, д. 730.
- ⁷⁷ Там же, д. 732.
- ⁷⁸ Там же, д. 744.
- ⁷⁹ Там же, д. 784.
- ⁸⁰ Там же, д. 744, л. 1 об.
- ⁸¹ ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 9163, л. 1—83.
- ⁸² Там же, д. 9242, л. 36.
- ⁸³ Там же, д. 9163, л. 81—83.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же, д. 9868, л. 8.
- ⁸⁶ Там же, д. 9163, л. 12, 81—83.
- ⁸⁷ Там же, д. 9868, л. 68—70.
- ⁸⁸ Там же, оп. 4, д. 9868, л. 68—70; д. 9375, л. 4.
- ⁸⁹ Там же, д. 9375, л. 4.
- ⁹⁰ Там же, д. 9360, л. 7.
- ⁹¹ Там же, л. 28.
- ⁹² Там же, д. 9375, л. 28.
- ⁹³ Там же, д. 9242, л. 1—26.
- ⁹⁴ Там же, л. 6, 20.
- ⁹⁵ Там же, д. 9333, л. 1—15.
- ⁹⁶ Там же, д. 9341, л. 53, 64, 72—77.
- ⁹⁷ Там же, д. 9394.

- 93 Там же, л. 39.
- 99 Там же, л. 25, 26.
- 100 ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 857, л. 45—59.
- 101 Там же.
- 102 Там же, л. 66—86.
- 103 Там же.
- 104 Там же, л. 59.
- 105 ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10296, л. 3.
- 106 Там же, л. 4, 5.
- 107 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 146, л. 61—63 об.
- 108 ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 3141, 3017, 3023, 2800, 3952; оп. 4, л. 5938, 8653, 8728, 9232, 9163, 9242, 9304, 9333, 9341, 9360, 9375, 9394, 9440; оп. 4, д. 10245—10843; оп. 7, д. 364—414.
- 109 ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, д. 224, л. 31 об.
- 110 Там же, л. 24 об.
- 111 Там же, оп. 1, д. 1174, л. 223; ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 10643, л. 3.
- 112 ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 1174, л. 1 об.
- 113 Там же.
- 114 Там же, л. 2 об.
- 115 Там же, л. 21.
- 116 Там же, л. 87 об.
- 117 Там же, оп. 2, д. 1266, л. 1 об.—43.
- 118 Там же.
- 119 Там же, л. 1 об.
- 120 Там же, л. 77.
- 121—122 Там же, л. 17.
- 123 Там же, д. 867, л. 5.
- 124 Там же, д. 1174, л. 103.
- 125 Там же, л. 259, 264.
- 126 Там же, л. 271, 271 об.
- 127 Там же, л. 271—273.
- 128 ГАОО, ф. 6, оп. 2, д. 10643, л. 1—3.
- 129 Там же.
- 130 Там же, л. 3.
- 131 ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 1174, л. 257 об.
- 132 Там же, л. 469—1215; ф. 1285, оп. 1, д. 177—564; ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. 3952—7506; ф. 6, оп. 4, д. 8022—10198.
- 133 Кабузан В. М. Указ, соч., с. 55, 56.
- 134 ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 991, л. 71.
- 135 Суходольский В. С. Распространение христианства в пределах Оренбургского края. — Оренбургские губернские ведомости, 1859, № 31, с. 185—189.
- 136 ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 1163, л. 110—143.
- 137 Там же, л. 144—361.
- 138 Там же.
- 139 Там же, л. 361.
- 140 Там же.
- 141 Там же, л. 332.
- 142 Там же, л. 333.
- 143 Там же, л. 343.
- 144 Там же.
- 145 Там же, л. 332—343.
- 146 Там же, д. 1174, л. 264.
- 147 ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10643, л. 43.
- 148 Там же, д. 11032, л. 2—9.
- 149 Там же, л. 7.
- 150 Там же.
- 151 Там же, л. 2.
- 152 Там же, л. 11—122.
- 153 Там же, д. 1178, л. 1—47.
- 154 Там же, д. 10296, л. 1—94.
- 155 Там же, ф. 18, оп. 2, д. 4, 5, 9, 11, 14, 15, 16, 20, 22.
- 156 Там же, л. 1—604.
- 157 Там же, л. 474—481.
- 158 Там же.
- 159 Там же, л. 1—604; д. 5, л. 174.
- 160 Там же, д. 9, л. 95.
- 161 Там же, д. 11, 16, 20, 22, 26, 30, 31, 32, 33.
- 162 Там же.
- 163 Там же.
- 164 Там же, ф. 6, оп. 5, д. 10643, л. 455.
- 165 ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 1, д. 1224, 1225, 1226, 1228.
- 166 Там же, д. 1228.
- 167 Там же, д. 147.
- 168 Там же.
- 169 Там же, ф. 380, оп. 18, д. 14.
- 170 Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 73.
- 171 Там же, д. 56, л. 17, 18.
- 172 Там же, л. 23.
- 173 Там же, л. 58.
- 174 Там же, л. 196.
- 175 Там же, л. 3.
- 176 Там же, ф. 6, оп. 6, д. 12741 б. (Отчет гражданского губернатора о состоянии Оренбургской губернии за 1848 г.)
- 177 Там же, д. 11836.
- 178 Там же, оп. 5, д. 10989 д.
- 179 Там же, ф. 18, оп. 2, д. 56, л. 38.
- 180 Там же, ф. 98, оп. 2, д. 75, л. 82—131.
- 181 Там же, л. 137—209.
- 182 Там же, л. 216—288.
- 183 Там же, л. 289—356.
- 184 Там же, л. 353—459.
- 185 Там же, л. 440—447.
- 186 Там же, л. 478—548.
- 187 Там же, д. 76, л. 42—111.
- 188 Там же, л. 111—143.
- 189 Там же, л. 147—184.

- 190 Там же, д. 78, л. 1—16.
- 191 Там же, л. 120—255.
- 192 Там же, л. 261—311.
- 193 Там же, л. 391—452.
- 194 Там же, д. 75, л. 573—591.
- 195 Там же, д. 74, л. 1—69.
- 196 Там же, л. 71—128.
- 197 Там же, л. 130—173.
- 198 Там же, л. 323—371.
- 199 Там же, д. 72, л. 4—118.
- 200 Там же, л. 120—189.
- 201 Там же, д. 72 (листы не пронумерованы).
- 202 Там же.
- 203 Там же, д. 73 (листы не пронумерованы).
- 204 Там же.
- 205 Там же.
- 206 Там же.
- 207 Там же.
- 208 Там же.
- 209 Там же, ф. 6, оп. 5, д. 10220—11425; оп. 6, д. 11650—13687.
- 210 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 15, д. 40 а, л. 86, 164.
- 211 Там же, л. 71—72 об., 86, 127 об.
- 212 Ханыков Я. Географическое обозрение Оренбургского края. — В кн.: Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1859, т. 5, ч. 2, отд. 2, с. 113.
- 213 Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении, Уфа, 1859, с. 113.
- 214 Яцунский В. К. Изменения в размещении населения европейской части России в 1724—1916 гг. — История СССР, 1957, № 1, с. 208.
- 215 Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1955, с. 28.
- 216 Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890, с. 90—93.
- 217 Там же, с. 95.
- 218 Там же, с. 106.
- 219 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 127 об.
- 220 Стариков Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1887.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ РУССКИМИ КРЕСТЬЯНАМИ ЮЖНОГО УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. УСИЛЕННЫЙ РОСТ НАСЕЛЕНИЯ

Приток русского крестьянского населения на Южный Урал в первой половине XIX в. особенно благоприятно сказался на развитии производительных сил края: начался рост населения, расширялась площадь освоенных пахотных земель, развивались земледелие, скотоводство, промышленность, промыслы. О росте населения края мы можем судить по следующим данным: в 1800 г. население Оренбургской губ. исчислялось, по нашим данным, в 884 787 душ об. п.¹, а в 1850 г. оно выросло до 2 393 628 душ об. п. (гражданское население — 2 130 037 душ об. п., военные с семьями — 263 591 человек)². Из общего числа жителей края переселенческое население составило за 50 лет 694 тыс. душ об. п.³ Господствующим населением стало русское — 1 306 299 душ об. п.⁴ По социальному составу русское население распределялось так: дворян потомственных и личных — 9703 душ об. п., разночинцев — 2676, духовенства православного — 7852, почетных граждан — 22, купцов — 4994, мещан — 26 430, государственных крестьян — 814 437, удельных — 76 991, помещичьих — 223 139, заводских — 110 492, дворовых людей — 15 737, вольноотпущенных — 41, служителей при архиерейском доме — 178, отставных солдат и их детей — 13 437, солдаток — 9668⁵.

Как и в XVIII в., вторыми по численности были башкиры — коренное население края. По отчету гражданского губернатора за 1850 г., их числилось в Оренбургской губ. 441 221 душ об. п.⁶ Всего же башкир, по исчислениям П. И. Кеппена, П. Небольсина и Р. Г. Кузеева, в 1850 г. было 508 209 душ об. п.⁷ Они жили в XIII башкирских и IV мишарских кантонах.

<i>Пермская губ.</i>		VII. Верхнеуральский у.	54147	»
I. Оси́нский у.	17086 душ об. п.	VIII. Стерлитамакский у.	47268	»
II. Екате́ринобур- ский у.	13038	IX. Уфимский у.	25580	»
III. Ша́дринский у.	17954	X. Стерлитамакский у.	89477	
<i>Оренбургская губ.</i>		Бузулукский у.	Нет сведений	
IV. Троицкий у.	11864	Оренбургский у.	То же	
V. Троицкий у.	12047	XI. Бирский у.	58858 душ об. п.	
VI. Челя́бинский у.	34874	XII. Сарапульский у.	3693	»
		<i>Вятской губ.</i>		

Елабужский у.	Нет сведений	Бугульмин-	Нет сведений
Вятской губ.		ский у. Орен-	
Мензелинский у.	»	бургской губ.	
Оренбургской губ.		Белебеевский у.	»
		Оренбургской губ.	
XIII. Бугуруслан-	61033 душ. об. п.	Итого	496 919 душ об. п.
ский у. Орен-			
бургской губ.			

Остальное население башкир размещалось в IV мишарских кантонах. Если брать данные Ф. А. Фиельструга о численности башкир в Оренбургской губ. в начале XIX в. (более 212 тыс. душ об. п.)⁸, то за 50 лет башкирское население выросло примерно в 2 раза.

Выясняя причины быстрого роста башкир и вообще нерусских народов в XIX в., Р. Г. Кузеев связывает это с введением в Оренбургской губ. в конце XVIII в. кантонного управления. По мнению Кузеева, оно отличалось «сравнительной стабильностью системы административного управления, значительными масштабами развития земледельческого хозяйства, меньшим размахом политической борьбы и карательных действий царизма»⁹.

Также выросла численность тептярей по сравнению с началом XIX в. К 1800 г., по В. Э. Дену, тептярей было более 100 тыс. душ об. п.¹⁰ В 1850 г., по расчетам В. М. Черемшанского, — 246 753 душ об. п. (123 398 душ м. п. и 123 355 душ ж. п.)¹¹, по П. И. Кеппену — столько же¹².

Значительно увеличилась численность мишарского и татарского населения. По V ревизии (по сведениям Фиельструга), мишарей числилось 46 300 душ об. п.¹³, а в 1850 г., по Кеппену, их было 97 743¹⁴. Столько же мишарей насчитал и Черемшанский¹⁵.

О численности татар в Оренбургской губ. до середины XIX в. сведений нет. В 1850 г., по Черемшанскому, их было 98 647 душ об. п.¹⁶, а по Фиельстругу — 118 417 человек¹⁷.

Чувашей, по IV ревизии, было всего 1117 душ об. п., а в 1850 г. — уже 58 240 душ об. п.¹⁸ Марийцев в 1782 г. насчитывалось 2124 душ об. п. (1110 душ м. п. и 1014 душ ж. п.). В 1850 г. число их возросло до 38 567 душ об. п.¹⁹

Сколько было мордвы до 1850 г. неизвестно. В середине же XIX в. — 77 328 душ об. п.²⁰

Из всего населения Оренбургского края (2 393 628 душ об. п.) насчитывалось крестьян (русских и нерусских) 2 671 764 душ об. п. Горожан в 1850 г. было 58 273 душ об. п.²¹ Край был разделен в 1804—1851 гг. на 11 уездов: Оренбургский, Уфимский, Стерлитамакский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский, Бугульминский, Бугурусланский. Население размещалось в 12 городах и 44 877 селениях (не считая поселений Оренбургского и Уральского казачьего войска)²². В Уфимском у. на 100 городских жителей приходилось 1552 человек сельских, в Оренбургском — 1777, Стерлитамакском — 2839, Мензелинском — 5065. Бирском — 8461, Челябинском — 4986, Белебеевском — 8904, Троицком — 6088,

Верхнеуральском — 4539, Бузулукском — 5481, Бугурусланском — 3677²³. По числу жителей самым крупным был г. Уфа — 13 419 душ об. п. (6261 душ м. п. и 7158 душ ж. п.), затем г. Оренбург — 9882 (4777 и 5105), Бугуруслан — 5888 (2914 и 2174), Стерлитамак — 5113 (2556 и 2557), Бузулук — 4514 (2176 и 2338), Бугульма — 4123 (1999 и 2124), Мензелинск — 4022 (1849 и 2173), Челябина — 3476 (1672 и 1804), Бирск — 2702 (1270 и 1432), Белебея — 1984 (925—1059), Верхнеуральск — 1892 (973 и 919), Троицк — 1258 (674 и 584).

Из уездов наиболее населенными являлись Бузулукский — 246 671 душ об. п., Бугурусланский — 216 941, Бирский — 228 455, Уфимский — 208 051, Мензелинский — 202 598, Белебеевский — 178 092, Оренбургский — 176 084, Челябинский — 169 546. Слабее были населены Стерлитамакский — 144 825 душ об. п., Бугульминский — 141 292, Верхнеуральский — 86 249, Троицкий — 73 063²⁴.

Показательно, что среди русских переселенцев можно было найти выходцев из самых различных губерний. По сообщению Черемшанского, «разнообразие нравов, обычаев особенно чувствуется у русских между жителями уездов Бузулукского и Бугульминского, где сосредоточиваются, главным образом, переселенцы позднейших времен... В Челябинском уезде русские по своим нравам, обычаям, хозяйственному быту, наречию приближаются более к жителям Пермской губернии»²⁵.

2. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В первой половине XIX в. сельское хозяйство Оренбургской губ. в своем развитии делает новые успехи: растет количество земледельцев, увеличиваются площади освоенных земель, совершенствуется система земледелия, все более выбрасывается на рынок товарного хлеба, большую роль начинает играть скотоводство. Наличие плодородных земель, огромных пастбищ для скота, большие земельные наделы, полученные крестьянами (15 дес. на ревизскую душу, а иногда и более), способствовали развитию земледелия и скотоводства (табл. 10—12).

Сельским населением, главным образом русскими крестьянами-переселенцами, из 4 087 257 дес. пахотной земли²⁶ к 1850 г., как видно из отчета оренбургского губернатора, было освоено 2 140 326 дес.²⁷ В. М. Черемшанский подвергает эту цифру сомнению: «Соображаясь с посевами озимого и ярового, который простирается до 3 169 596 четвертей, надобно полагать, что количество возделываемой земли занимает гораздо большее пространство из общей суммы поземельных угодий, принадлежащих Оренбургской губернии (. . . примерно 3 201 277 дес.)»²⁸ У крестьян государственных под зерновыми было занято 1 408 948 дес. земли, у крестьян удельных — 104 184, у помещичьих — 657 184. Под сенокосы было отведено 4 018 219 дес., под лесами и выгонами государственных крестьян находилось 3 063 038, у помещичьих

**Таблица 10. Размеры пахотной земли и угодий в Оренбургской губ.
в 1833 г., дес.***

Уезд	Всего земли	У казен- ных крестьян	У удель- ных крестьян	У поме- щичьих крестьян	У ду- ховен- ства	У одно- дворцев и других категорий крестьян
<i>Пахотная земля</i>						
Уфимский	158 759	40 446	16 587	100 991	435	—
Оренбургский	122 080	—	1614	28 179	60	92 227
Бирский	208 170	—	33 691	1775	120	—
Верхнеуральский	26 515	—	—	8605	—	18 010
Троицкий	126 724	109 940	—	1649	268	21 876
Бугульминский	274 417	159 701	5693	22 663	624	75 736
Бузулукский	104 251	—	—	48 255	449	—
Стерлитамакский	117 438	—	172	—	120	—
Бугурусланский	350 131	—	5220	102 854	448	—
Белебеевский	431 533	29 977	—	37 102	96	364 358
Мензелинский	243 044	—	11 655	—	963	—
Челябинский	722 496	270 207	—	7535	720	514 034
<i>Всего по губернии</i>	<i>4 087 257</i>	<i>603 271</i>	<i>74 932</i>	<i>369 600</i>	<i>4304</i>	<i>1 086 241</i>
<i>Под гулами</i>						
Уфимский	123 264	28 487	4409	89 569	229	—
Оренбургский	109 093	—	—	27 524	6	—
Бирский	292 964	—	3860	—	12	—
Верхнеуральский	123 251	—	—	14 167	—	122 083
Троицкий	84 587	15 731	—	405	110	78 341
Бугульминский	350 394	118 872	—	93 983	72	137 467
Бузулукский	40 097	—	—	14 666	30	—
Стерлитамакский	660 171	—	12 699	—	12	660 233
Бугурусланский	200 831	—	—	47 932	30	—
Белебеевский	829 504	53 593	—	43 492	30	732 389
Мензелинский	134 462	—	1665	—	201	—
Челябинский	213 775	145 245	—	1312	66	67 152
<i>Всего по губернии</i>	<i>3 316 701</i>	<i>369 428</i>	<i>22 673</i>	<i>333 051</i>	<i>868</i>	<i>1 797 666</i>
<i>Под лесом</i>						
Уфимский	1 472 142	26 319	9213	2879	—	1 443 131
Оренбургский	725 985	—	—	128 798	—	545 900
Бирский	1 721 480	—	8950	—	—	1 667 618
Верхнеуральский	1 889 011	—	—	406 048	—	1 482 962
Троицкий	440 661	189 031	—	850	—	250 780
Бугульминский	412 316	169 839	—	77 827	—	164 650
Бузулукский	163 044	—	—	35 587	—	—
Стерлитамакский	93 842	—	—	—	—	—
Бугурусланский	190 881	—	—	58 882	—	—
Белебеевский	655 557	29 946	—	29 704	400	595 471
Мензелинский	697 562	—	8112	—	6	—
Челябинский	1 685 387	1 003 146	—	2151	—	680 090
<i>Всего по губернии</i>	<i>10 204 170</i>	<i>1 413 281</i>	<i>26 275</i>	<i>742 728</i>	<i>416</i>	<i>6 831 204</i>

**Таблица 11. Количество земли, неудобной к обработке
в Оренбургской губ. в 1833 г., дес.***

Уезд	Всего	Песчаная и каменная земля	Болотистая земля
Уфимский	11 633	3640	9992
Оренбургский	8302	7709	592
Верхнеуральский	164 607	187 303	27 303
Бирский	9854	1234	81 619
Троицкий	14 452	7248	5204
Бугульминский	65 170	64 736	436
Бузулукский	51 053	38 232	12 821
Стерлитамакский	25 118	20 383	4729
Бугурусланский	101 317	93 257	3759
Белебеевский	27 500	24 000	3500
Мензелинский	19 003	4041	14 962
Челябинский	340 747	247 262	93 485
<i>Всего по губернии</i>	<i>3 912 475</i>	<i>3 523 746</i>	<i>388 728</i>

* ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 4, 12634, л.

крестьян — 1 709 477, у башкир — 6 192 181²⁹. Земледелие особенно было развито в западной части губернии, где имелись очень плодородные земли. Уезды Бугурусланский, Бугульминский, Белебеевский, Мензелинский и часть Уфимского, Бирский, Стерлитамакский и Бузулукский, располагавшиеся в западной стороне губернии, являлись житницей Южного Урала³⁰. Некоторые из районов стали центрами скотоводства не только Оренбургской губ., но и всей страны: это восточные уезды — Троицкий и Челябинский³¹.

Большая часть земель Оренбургской губ. находилась в распоряжении государства. Частновладельческих земель было не так много. На них работали крепостные крестьяне, которые делились на помещичьих и заводских. Помещичьих крестьян в 1850 г. было 223 139 душ об. п., а заводских — 110 492³². По числу владельцев и по числу крепостных Оренбургская губ. далеко уступала другим губерниям России. Из 45 губерний, в которых имелись крепостные, она занимала 36-е место³³. При этом большинство помещиков были мелкопоместными или средней руки. В 1846 г. всех владельцев в губернии насчитывалось 2101 человек. Половина из них имела в своем пользовании менее 10 душ (1216 человек), владельцы от 10 до 100 душ было 654, свыше 1 тыс. душ — 12, свыше 2 тыс. душ — 6, свыше 5 тыс. душ — 1³⁴.

Основную часть сельского населения, как мы уже отмечали, составляли русские государственные крестьяне. По своему экономическому положению они не представляли собой однородную массу. Среди них были богатые, бедные и середняки. В отчете о состоянии Оренбургской губ. за 1849 г. отмечалось, что «среди государственных крестьян есть много людей со значительным состоянием, но еще более бедных и неисправных домохозяев»³⁵.

Таблица 12. Посев и урожай хлеба и картофеля в Оренбургской губ. в 1850 г.*

Запашка	Посеяно, дес.			Снято, дес.			Урожай, в самах			Чет- вертей на дшу м. п.
	озимого	ярового	картофеля	озимого	ярового	карто- феля	ози- мого	яро- вого	карто- фели	
<i>У помещиков:</i>										
господская	58,778	99,604	1,980	205,744	249,113	5,947	3 ¹ / ₂	2 ¹ / ₂	3	—
общественная	6,360	10,897	—	5,968	14,652	—	1	1 ¹ / ₄	—	—
крестьянская	156,106 ¹ / ₂	276,583 ¹ / ₂	62571 ¹ / ₂	609,152 ¹ / ₂	803,629	16,632	3 ³ / ₄	2 ² / ₃	2 ² / ₃	4 ¹ / ₂
<i>У государственных кре- стьян:</i>										
общественная	2,732	901	—	5,834	1,503	—	3	2 ¹ / ₂	5 ¹ / ₂	4 ¹ / ₄
крестьянская	384,626	1158,192 ¹ / ₂	37,742	1059,797	2893,982	202,004	3	2 ¹ / ₂	5 ¹ / ₂	4 ¹ / ₄
<i>У удельных крестьян:</i>										
общественная	426	1,522	—	6,479	7,997	—	15	5 ¹ / ₄	—	—
крестьянская	32,415	65,929	1,028	182,193	173,601	2,395	5 ¹ / ₂	2 ¹ / ₂	2 ¹ / ₄	4 ¹ / ₂
<i>У оставших солдат</i>	1,022 ³ / ₄	2,398	367	3,996	5,623	1,518	3 ³ / ₄	2 ¹ / ₄	4	1 ¹ / ₂
<i>У теплярей и бобылей</i>	133,774 ¹ / ₂	161,791 ¹ / ₂	4,32235	45,784 ¹ / ₂	449,222 ¹ / ₂	13,877	4	2 ³ / ₄	3 ¹ / ₄	3 ¹ / ₄
<i>У банкир и мещеряков</i>	215,085	436,451	3,424	945,760	1478,789	9,867	4 ¹ / ₃	3 ¹ / ₄	2 ³ / ₄	3
<i>Ито</i>	955,325 ³ / ₄	2214,269 ¹ / ₂	55,121 ¹ / ₄	3570,708	6078,110 ¹ / ₂	252,237	3 ³ / ₄	2 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂	3

* ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40а, л. 157.

Относительно свободное положение государственных крестьян способствовало развитию среди них капиталистических отношений. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Именно на наших окраинах, где крепостное право либо вовсе не было известно, либо было всего слабее, где крестьяне менее всего страдают от малоземелья, оброков, тяжести податей, там всего больше развивался капитализм в земледелии»³⁶.

В этот период капиталистические отношения среди государственных крестьян Оренбургской губ. усиленно развивались. Участились случаи покупки земли зажиточными крестьянами у государства, у помещиков и у своих обедневших собратьев-крестьян, взятие земли в оброчное содержание, а также аренда государственных и частновладельческих земель малоземельными крестьянами, наем их на работу зажиточными.

Часть крестьян, арендуя казенные земли, производила значительную запашку: десятин на сто и более, привлекая для обработки своих земель наемных рабочих. Так было в уездах Бузулукском, Sterлитамакском, Челябинском, Уфимском³⁷. Все это являлось ярким свидетельством расслоения государственной деревни.

Государственные крестьяне несли огромные денежные и натуральные повинности. Денежные повинности у государственных крестьян состояли из подушной подати и оброчного сбора, из сборов в капитал продовольствия, земских сборов, общественного сбора на содержание губернских и окружных управлений ведомства государственных имуществ, частных мирских сборов, на построение мест и тюрем, на содержание рекрут и пр. В 1850 г. с государственных крестьян Оренбургской губ. было собрано повинностей на сумму до 1550 950 руб. серебром³⁸. На каждую ревизскую душу в среднем приходилось по 4 руб. 84¹/₂ коп. серебром в год.

Крепостные крестьяне выплачивали денежный оброк наполовину меньше³⁹. Казаки, башкиры, мишари, тептяри от денежных платежей были освобождены.

Натуральные повинности отбывали все крестьяне. Они заключались в поставке рекрут, содержании квартир для станových приставов и лесничих, в доставке подвод для государственных служащих и вообще проезжих, в содержании мостов, дорог, почтовых трактиров и других сооружений. Даже историк официального направления, В. М. Черемшанский, признал, что для большинства крестьян налоги «были значительными и разоряли их»⁴⁰. За крестьянами постепенно накапливались недоимки. В отчете оренбургского губернатора за 1850 г. указано, что за государственными крестьянами числится 258 059 руб. 78 коп., за приписными к заводам — 3965 руб. 22³/₄ коп., мещанам и цеховыми ремесленниками — 2255 руб. 08 коп., удельными крестьянам — 1156 руб. 35 коп., за тептярями и бобылями — 507 руб. 94 коп.⁴¹ Необременительны налоги были, по словам того же Черемшанского, лишь для зажиточной части государственных крестьян⁴².

О значительном весе зажиточной части государственных крестьян при выплате денежных повинностей свидетельствует «Табель разрядам оброчных складов по Оренбургской губернии, составленный по уездам в 1832—1833 гг.»⁴³. По этому табелю государственные крестьяне губернии должны были выплачивать оброк государству по четырем разрядам: по I разряду — от 6½ до 8 руб. в год, по II — 9, по III — 10, по IV — от 11 до 14 руб. Немало государственных крестьян губернии выплачивало оброк по высшим разрядам. В Уфимском у. Дуванской вол. 997 государственных крестьян должны были платить оброк по IV разряду: в Секиязской вол. — 1590, в Тастубинской вол. — 1783, в Вознесенской вол. — 2461 крестьян платили оброк по III разряду. В Стерлитамакском у. Куганбашевой вол. 3669 ревизских душ платили оброк по III разряду, а в Ишпаровской вол. 3106 крестьян обязаны были выплачивать оброк по IV разряду. В Бирском у. Аксинской вол. 4318 ревизских душ платили оброк по IV разряду. Такой же, самый высокий, оброк должны были выплачивать 1447 душ государственных крестьян Безгневской и 1091 душа Кастенлинской вол. Белебеевского у., 2193 душ — Верхнеуральской, 2917 — Нижнеуральской, 1729 — Кундравинской, 2083 — Емашинской вол. Троицкого у.

Особенно много богатых государственных крестьян было в Челябинском у. Там почти в каждой волости все крестьяне выплачивали оброк по наивысшему, IV разряду (по 14 руб. с ревизской души)⁴⁴. Значительная часть крестьян Бугульминского у. платила оброк по III разряду (10 руб. с ревизской души). В Мензелинском у. крестьяне многих волостей платили оброк по III разряду, а некоторые волости — и по IV разряду. В Бугульминском у. государственные крестьяне почти всех волостей платили оброк по самому высшему разряду. Большинство крестьян Оренбургского и Бузулукского у. платили оброк по II (9 руб. с души) и III разрядам (10 руб. с души).

Таким образом, судя по «Табелю разрядам оброчных складов», многие государственные крестьяне Оренбургской губ. были обложены высокими оброками. В «Примечаниях» к «Табелю...» указывается причина повышенного оброка на государственных крестьян различных волостей Оренбургской губ. Например, о крестьянах Дуванской вол. Уфимского у., обложенных оброком по высшему, IV разряду, в «Примечаниях» говорилось: «По достаточному количеству земли, плодородию, удобству сбыта хлеба (прилегает торговый тракт, недалеко от судоходных рек и Златоустовской пристани)». Почти то же самое сказано в «Примечаниях» о государственных крестьянах Вознесенской вол. Уфимского у.: «По плодородию земли, удобству сбыта хлеба, недалеко от Уфы и реки Белой».

Крестьяне Ишпаровской вол. Стерлитамакского у. должны были платить оброк по высшему разряду также и потому, что земля у них плодородна и они, кроме того, занимаются рыболовством и пчеловодством. Крестьяне Аксинской вол. Бирского у.

платили оброк с души 12 руб. по «обилию урожая хлеба, близости к Бирску, где сбывали хлеб». Крестьяне волостей Верхнеуральской, Нижнеуральской и Кундровинской Троицкого у. имели «обильные урожаи со своих земель», а также получали большие доходы с извозничества, а поэтому были обложены оброком по 12 руб. с души. Крестьяне почти всех волостей Челябинского у. кроме достаточных урожаев, получали доходы от мельниц и от промыслов (охота, рыболовство, птицеводство, добыча соли). О крестьянах Мензелинского и Бузулукского у., обложенных оброком высшего разряда, говорилось, что у них «много удобной земли и урожаи хорошие» ⁴⁵⁻⁵⁵.

Как видим, в Оренбургской губ. были соответствующие объективные предпосылки для обогащения государственных крестьян (достаточное количество удобной и плодородной земли, близость некоторых волостей к рынку сбыта, развитие промыслов: мельничное дело, добыча соли, поташа, извозничество, охота, рыбная ловля, птицеводство).

Главной системой земледелия являлось трехполье. В степных же районах Бузулукского, Оренбургского и Троицкого у., где было много земель, применялась по-прежнему переложная система. В донесении управляющего Оренбургской палатой государственных имуществ от марта 1850 г. в I департамент Министерства государственных имуществ говорится: «Поселяне привыкли иметь много земель. Они их не унаваживают, дают только отдыхать» ⁵⁶. Но и в этих районах начался переход к трехполью, так как свободные участки земли постепенно сокращались. Земли обрабатывались преимущественно собственными силами. Зажиточные крестьяне имели постоянных одного-двух работников, которым платили в год от 10 до 35 руб. в зависимости от местности. Самая высокая оплата была в южных районах губернии. Временные работники (поденщики) привлекались обычно в летнюю страду в большом количестве за 15—30 коп. серебром в день. Большие крестьянские семьи также нанимали работников на время запашки, уборки урожая, сенокоса.

Главные продукты земледелия составляли: рожь озимая и яровая, пшеница простая и частью белокурка, кубанка, черноколоска, полба, овес простой и многоплодный, просо, ячмень, гречиха ⁵⁷. Общее количество четвертей высеваемого хлеба, выведенное из десятилетней сложности, составляло 5 251 631, ржи — 1 769 375, пшеницы — 1 360 560, овса — 1 472 559, ячменя — 533 162, гречихи — 52 830, картофеля — 19 866, конопли — 43 270. Общее количество собираемого хлеба, выведенное из десятилетней давности, исчислялось в 19 822 317 четв., ржи — 6 474 620, пшеницы — 5 270 620, овса — 5 745 640, ячменя — 1 805 585, гречихи — 272 566, картофеля — 77 726, конопли — 175 560 четв. Из всего засеваемого хлеба помещичий хлеб составлял 1 688 236 четв., из собираемого — 5 755 560 четв. Удельные крестьяне засевали 221 509 четв., собирали 956 127. Остальной хлеб засевался и собирался в основном государственными крестьянами ⁵⁸. Урожай

хлебов колебался в среднем от сам 3-х до сам $3\frac{3}{4}$ ⁵⁹. В неурожайном 1850 г. на душу населения приходилось в среднем 3 четв. сельскохозяйственных продуктов⁶⁰. Но в остальные годы на душу крестьянского населения приходилось гораздо больше. Так, в 1842 г. — по 4 четв., в 1843 г. — по $6\frac{3}{4}$, в 1845 г. — по 4, в 1846 г. — по 6, в 1847 г. — по $4\frac{1}{2}$ четв.⁶¹

В ежегодных «Ведомостях о посеве и урожае хлеба, овощей и плодов в Оренбургской губернии», составляющихся в Оренбургском губернском правлении, постоянно указывалось, что население губернии вполне обеспечено хлебом. Так, в «Ведомостях...» 1834 г. отмечалось, что «вообще по губернии урожай хлеба достаточен как на продовольствие, так и на посев в будущее лето и за удовлетворением всего остается в запасе и на продажу озимого и ярового хлеба до 4 млн. четвертей»⁶². Примерно то же самое отмечается и в «Ведомостях...» за 1836 г. Там говорится, что озимого и ярового хлеба «остается в запасе и на продажу более трех миллионов четырехсот тысяч четвертей»⁶³. По расчетам же местных экономистов, ежегодный избыток хлеба в губернии (из десятилетней сложности) составлял в среднем 8 703 479 четв.⁶⁴ В Уфимском у. этот избыток был равен 1 055 903 четв., Оренбургском — 1 223 045, Стерлитамакском — 3 474 908, Троицком — 42 421, Бугульминском — 98 753, Бузулукском — 1 307 949, Бирском — 891 380, Белебеевском — 1 539 946, Бугурусланском — 298 420, Мензелинском — 76 451, Челябинском — 80 343. И только в Верхнеуральском у. хлеба не хватало. Туда ежегодно ввозился из других уездов Оренбургской губ. хлеб в размере 1755 четв.⁶⁵

В отчете начальника Оренбургской губ. по канцелярии за 1850 г. подчеркивалось, что «жители Оренбургской губернии при менее удовлетворительном урожае не затрудняются в прокармливании себя с семействами своими и самые бедные из них... не имеют надобности и не уходят на приработки в другие губернии, а всегда и без затруднения могут иметь выгоды от работ, даже в тех самых селениях, где проживают, и весьма редко уходят для того в ближайшие деревни»⁶⁶. В дальнейшем в этом же отчете отмечается, что «нищенствующих между ними почти нет»⁶⁷. К данному отчету следует добавить, что хотя «нищенствующих» крестьян в губернии почти не было, но одновременно с усилением экономической мощности старожилов все более рос отряд батраков в деревне в основном за счет вновь прибывших крестьян-переселенцев. Они, как правило, работали в хозяйствах «крепких» старожилов.

Избыток хлеба шел в г. Оренбург на продажу, в Казахстан и среднеазиатские ханства для снабжения местных войск, на винокурение, а также в г. Уральск и Верхнеуральск, где своего хлеба не хватало. Хлеб ввозился в Пермскую и Тобольскую губ. Сплавлялся по р. Белой и Каме в Казанскую губ., в г. Чистополь. По р. Самаре — в Симбирскую губ. через Самару⁶⁸.

Хлеб поступал и на внутренний рынок непосредственно от крестьян или перекупщиков. На продаже хлеба наживались те крестьяне, селения которых были близки к рынкам сбыта или к водным путям. Напротив, жители уездов, расположенных вдали от торговых путей, хлеба совсем не продавали. Продажа хлеба крестьянами и помещиками Уфимского у. давала им ежегодный доход в 250 000 руб., Бугульминского — 43 560, Бузулукского — 1 965 645, Бирского — 719 819, Белебеевского — 2000, Бугурусланского — 175 488, Мензелинского — 70 241, Челябинского — 69 254 руб.⁶⁹ Сельское население других уездов Оренбургской губ. хлеба не продавало. Значительное количество хлеба (на 1 млн. руб.) ежегодно обменивалось на другие товары на Оренбургском меновом дворе у жителей Казахстана и среднеазиатских ханств⁷⁰. Цены на хлеб и другие продукты питания были низкие. Они были намного ниже цен в других губерниях России. В десятилетие, с 1841 по 1851 г., средние цены за четверть ржи были 1 руб. 52½ коп., пшеницы — 3 руб. 06 коп., овса — 1 руб. 22½ коп., гречихи — 3 руб. 25 коп.⁷¹

О жизни крестьянина Оренбургской губ., связанного с рынком, В. М. Черемшанский пишет: «Оренбургский крестьянин может жить вполне нормально и даже иметь доход. Больше — семейный крестьянин (6 ревизских душ и 12 человек семейства, в том числе 8 работников) имел 2 дес. пахотной земли на душу, а всего 36 дес. Из этого количества земли он засеивал 10 дес. ржи, 5 — пшеницы, 5 — овса, 1 — гречихи, 1 — проса, 1 — гороху, 1 — ячменя, 1 — полбы, по 1 дес. льна и конопли. В урожайный год он может получить в сложности:

Рожь	— по 70 пудов	с дес. = 700 пуд. × 20 коп.	= 140 руб.
Пшеница	— » 70 »	» = 250 » × 30 »	= 75 »
Овес	— » 100 »	» = 500 » × 15,20 »	= 75—100
Гречиха	— » 100 »	» = 100 » × 25 »	= 25 »
Горох	— » 100 »	» = 100 » × 25 »	= 25 »
Просо	— » 100 »	» = 100 » × 25,30 »	= 25—35
Ячень	— » 70 »	» = 70 » × 20 »	= 14 »
Полба	— » 100 »	» = 100 » × 20 »	= 20 »

На годовое продовольствие на 12 душ, полагая по 2¼ на душу, нужно 30 четв. разного хлеба на сумму 80 руб., семян на посев — 60 руб., итого расходу 140 руб. Затем остается 259—319 руб. Если из этого количества он употребит на подати и повинности за 6 душ 30 руб., хозяйственные расходы — 20 руб., мелкие расходы по дому — 10 руб., церковные потребности 5 руб., праздничные расходы — 25 руб., экипировку семьи — 44 руб., то и затем у него остается от 125 до 185 руб. чистых денег⁷².

Совершенно иная экономическая перспектива намечалась у крестьян, не связанных и слабо связанных с рынком. В этом отношении весьма интересным являлось донесение управляющего Оренбургской казенной палатой от 4 марта 1850 г. в I де-

партамент Министерства государственных имуществ относительно крестьян Челябинского у. Он ставит вопрос в своем донесении: отчего крестьяне Челябинского у. могут обеднеть? И отвечает: «Низкие цены на хлеб в Челябинском уезде не покрывают труда крестьян. *Сбыт хлеба производится только на уральские заводы, да и то в небольшом количестве*, так как поселения государственных крестьян отдалены от заводов на 150—300 верст. Заводы получают больше хлеба из Пермской губернии и из казачьих селений. Сельские продукты крестьяне в значительной мере променивают у киргизов на лошадей и баранов, которых они продают разным торговцам на местах. Но этот источник из года в год уменьшается потому, что многие из киргизов, особенно ближайшие к линии, начали засеивать яровые хлеба»⁷³.

Наряду с земледелием сильное развитие в Оренбургской губ. получило скотоводство, особенно в Оренбургском, Челябинском, Бузулукском у., где были превосходные пастбища для скота. Согласно официальным данным, количество разного скота в Оренбургской губ. в 1833 г. составляло 6 197 589 голов⁷⁴, а в 1850 г. — 5 650 778⁷⁵, из них лошадей в 1833 г. было 1 152 795, крупного рогатого скота — 143 880, свиней — 916 806⁷⁶. В 1850 г. лошадей — 2 070 741, крупного рогатого скота — 1 007 090, овец — 2 318 066, свиней — 234 891⁷⁷. В 1845 г. на каждый двор в среднем приходилось 7 лошадей, 9 овец, 4 штуки крупного рогатого скота⁷⁸. Из общего количества лошадей, по данным 1833 г., помещики имели 16 982, государственные крестьяне — 289 201, удельные — 27 257, крепостные — 181 082, горожане — 26 579, однодворцы, шляхта, свободные поселяне и прочие — 608 410, духовенство — 3284. Из всего количества рогатого скота на тот же год у помещиков находилось 19 535 голов, у государственных крестьян — 623 630, удельных — 31 167, крепостных — 141 162, городских жителей — 26 854, однодворцев, шляхты, свободных поселян и проч. — 530 589, у духовенства — 62 943. Из общего числа овец у помещиков было 47 588 голов, государственных крестьян — 1 429 933, у удельных — 71 259, у крепостных — 209 519, у горожан — 17 153, у однодворцев и проч. — 856 610, у духовенства — 7763. Из всего количества свиней у помещиков имелось 12 838 голов, у государственных крестьян — 735 334, удельных — 37 500, крепостных — 87 581, у горожан — 8030, у однодворцев и проч. — 30 292, у духовенства 1950⁷⁹ (табл. 13).

Скот разводился главным образом для домашних нужд, а не для промысленных целей. Исключение, как промысел, рогатый скот составлял у некоторых жителей Челябинского, Троицкого, Бугульминского и Оренбургского у.⁸⁰ Зажиточные хозяева из государственных крестьян Челябинского у. разводили скот в большом количестве, имея по 100 и более штук рогатого скота. Кроме продажи мяса, скот доставлял им и масло. Это масло крестьяне продавали особым скупщикам, которые доставляли его в Уфу, Оренбург, Казань и на уральские заводы. Много скота шло на

Таблица 13. Количество скота в Оренбургской губ. в 1850 г.,
число голов *

Уезд	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы		Свиньи	Верблюды
			простые	тонко- рунные		
Уфимский	123 318	85 614	179 258	2837	18 099	Нет све- дений
Оренбургский	845 466	131 885	457 308	9063	13 071	То же
Бирский	132 153	87 888	151 254	2073	22 079	»
Мензелинский	116 667	86 835	152 230	—	58 003	»
Троицкий	59 960	47 872	87 858	—	8800	175
Челябинский	156 152	113 296	224 392	—	28 812	—
Верхнеуральский	91 231	59 823	101 444	—	1145	—
Бузулукский	128 241	90 417	269 697	12 760	16 952	4
Бугурусланский	94 152	76 538	169 833	11 787	32 180	Нет све- дений
Бугульминский	74 874	76 464	105 676	1577	12 959	То же
Белебеевский	125 630	81 437	194 167	1732	8115	589
Стерлитамакский	125 907	69 021	130 416	2602	14 576	6
<i>Итого</i>	<i>2 070 741</i>	<i>1 007 090</i>	<i>2 273 535</i>	<i>44 431</i>	<i>234 891</i>	<i>774</i>

* ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, л. 40а, л. 132.

убой, на продажу, так как русские крестьяне сами мало употребляли мяса. Об этом свидетельствуют следующие данные: в Уфимском у. всего рогатого скота в 1833 г. насчитывалось 139 334 голов, а для собственного питания было забито лишь 22 547, в Оренбургском у. соответственно — 98 538 и 4712, Стерлитамакском — 106 313 и 38 976, Троицком — 37 925 и 10 426, Верхнеуральском — 46 648 и 803, Челябинском — 130 897 и 11 381, Бирском — 109 599 и 16 878, Бугульминском — 488 295 и 344, Бугурусланском — 37 810 и 669, Бузулукском — 58 413 и 3476, Белебеевском — 80 614 и 25 000, Мензелинском уезде — 81 864 и 2091⁸¹.

Большей частью скот продавали живьем особым скупщикам, которые, закупив скот, забивали его, мясо развозили по городам и заводам Оренбургской и Пермской губ. Сало и сырые кожи отправлялись в Шадринск и Далматов. Цена говядины была от 60 коп. до 1 руб. 80 коп. за пуд⁸². Обычно крупные партии рогатого скота, лошадей и овец поступали из Бугурусланского, Бугульминского и Бузулукского у. в Казанскую, Вятскую и Симбирскую губ. Из Челябинского у. — в Пермскую, в г. Шадринск и Екатеринбург⁸³. Из Уральска — во внутренние губернии России. Из Троицка вывозилось на Ирбитскую ярмарку только сало. Из прочих уездов скот продавался на местных рынках. Кроме продажи скота на убой, сельские жители губернии получали доход также от прогона скота из Казахстана через г. Оренбург и Симбирскую линию в Казанскую, Нижегородскую и Симбирскую губ. Общий доход от скотоводства в Оренбургской губ., по данным 1833 г., был равен 1 453 554 руб. Но частые и почти беспрерыв-

Таблица 14. Количество павшего скота в Оренбургской губ. за 1850 г.*

Город, уезд	Общее количество скота в местах падежа	Поражено болезнями	Пало	Выздорело	Осталось больными
Г. Уфа	1056	174	122	52	Нет сведений
Уфимский у.	5264	1223	837	386	То же
Оренбургский у.	10 685	8147	7260	887	»
Бирский у.	7268	455	334	117	4
Мензелинский у.	1393	269	215	54	Нет сведений
Г. Троицк	641	16	8	8	»
Челябинский у.	10 989	3200	2589	591	20
Бузулукский у.	7278	2016	1372	644	Нет сведений
Бугурусланский у.	6453	3722	1857	1865	»
Стерлитамакский у.	4626	301	268	33	»
Земли Оренбургского казачьего войска	7241	2337	1704	69	4
<i>Итого</i>	<i>62 894</i>	<i>21 860</i>	<i>16 576</i>	<i>5256</i>	<i>28</i>

* ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, л. 40а, л. 116.

ные падежи от эпидемий мешали развитию скотоводства. Ущерб, наносимый скотоводству, ярко иллюстрирует ведомость о падеже скота в Оренбургской губ. за 1850 г.⁸⁴ (табл. 14).

Несмотря на периодически повторявшиеся ранние заморозки, засуху и эпидемии, сельское хозяйство Оренбургской губ. в первой половине XIX в. получило свое дальнейшее развитие: более чем в 2 раза (по сравнению с концом XVIII в.) увеличивается площадь освоенной земли (к 1794 г. было освоено 895 277 дес. земли, а к 1850 г. — 2 440 326), совершенствуется система земледелия, растут урожаи, товарность крестьянского хозяйства (выросла более чем в 2 раза), все большее значение начинает приобретать скотоводство.

3. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Промышленность на Южном Урале была обязана своим существованием русским крестьянам. Все железоделательные и мелеплавильные заводы, которыми так славился Южный Урал в XVIII и первой половине XIX в., держались главным образом на труде русских крестьян. Легкая промышленность ограничивалась обработкой сырых животных продуктов и перегонном хлеба на вино и целиком работала на местном сырье. Вот почему в крае имелось много мыловаренных, свечных, салотопенных, клейных, маслобойных, кожевенных, винокуренных, поташных, селитренных и других подобных «заводов». Правда, по ценности получаемой продукции они стояли на последнем месте по сравнению с другими отраслями промышленности. На первом месте были железоделательные и медеплавильные заводы, затем шли винокуренные,

поташные и уже потом — салотопенные, кожевенные, мыловаренные, свечные и проч.

Казенных железоделательных заводов в Оренбургской губ. в первой половине XIX в. было 3, и все они находились в Троицком у.⁸⁵ Златоустовский железоделательный и чугуноплавильный завод, основанный в 1754 г. Мосоловым, находился на западной стороне Уральского хребта, на р. Ае и Тесьме (при нем же была Оружейная фабрика), и занимался изготовлением разных сортов железа, а также отливал артиллерийские снаряды по заказу Военного и Морского министерства⁸⁶. На заводе было занято 13 021 работник мужского и женского пола, из них 805 иностранцев⁸⁷. Кроме того, заводу принадлежали семь ближайших деревень, где имелось 1420 душ м. п. и 1501 душ ж. п.⁸⁸ Саткинский завод, основанный Строгановым в 1756 г., а в 1811 г. поступивший в казну от московского купца Кнауфа, располагался на р. Сатке. Выплавлял чугуна до 150 тыс. пуд. ежегодно⁸⁹. Чугун переплавлялся в сортовое и листовое железо для флота, артиллерийских и казенных ведомств, а также для Златоустовской оружейной фабрики, Миасских золотых рудников, а также для надобностей самого завода. На заводе работало 5388 душ об. п.⁹⁰ Кусинский завод на р. Кусе, был основан в 1778 г. дворянами Лушниковыми. В 1845 г. на нем выплавлялось чугуна штыкового 77 тыс. пуд., припасов до 36 тыс. пуд., артиллерийских снарядов до 8700 пуд. Из чугуна выковывалось железо для разных ведомств около 44 тыс. пуд. и для заводских потребностей до 1500 пуд.⁹¹ Остальные железоделательные и медеплавильные заводы были частные. Кагинский, на р. Каге, и Узьянский, на р. Узьяне, находились в Верхнеуральском у. и были основаны Демидовым: первый — в 1769 г., второй — в 1777 г. В первой половине XIX в. заводы принадлежали наследникам Демидова в доле с генерал-майором Пашковым. На заводах выплавлялось чугуна от 90 тыс. до 100 тыс. пуд., выковывалось железа от 55 тыс. до 70 тыс. пуд. в год⁹². Вся продукция сбывалась на Нижегородской ярмарке, доставлялась туда сплавом по р. Белой, Каме и Волге. На Кагинском работало 1138 мужчин и 1136 женщин⁹³. На Узьянском — 879 мужчин, 880 женщин⁹⁴. Белорецкий завод, на р. Белой, и Тирлянский, на р. Тирляни, располагались в Верхнеуральском у. Принадлежали наследникам Пашкова. Были основаны Твердиловым и Мясниковым. Первый — в 1762 г., второй — в 1801 г. Из добываемого на заводе чугуна выковывалось разных сортов железо до 150 тыс. пуд. ежегодно, которое сплавлялось для продажи в Нижний Новгород⁹⁵. На Белорецком заводе было занято на работах 2854 мужчин и 3282 женщины⁹⁶. На Тирлянском — 873 мужчин и 993 женщины⁹⁷ Верхний Авзяно-Петровский и Нижний Авзяно-Петровский заводы располагались на р. Авзяне в Стерлитамакском у. Основаны в 1753 г. гр. Шуваловым, в XIX в. принадлежали Губину. На них выковывалось железо, до 40 тыс. пуд. ежегодно. Оно шло для сбыта на Нижегородскую ярмарку. На Верхне-Авзянском заводе работало 2083

мужчин и 2104 женщин. На Нижне-Авзянском — 359 мужчин и 374 женщины⁹⁸. Катав-Ивановский и вспомогательный Усть-Катавский заводы находились в Уфимском у. на р. Катав, впадающей в р. Юрезань. Основаны Твердиловым и Мясниковым в 1756 г. В первой половине XIX в. принадлежали кн. Белосельской-Белозерской. На этих заводах выплавлялось ежегодно чугуна до 350 тыс. пуд., выковывалось железа около 50 тыс. пуд.⁹⁹ На Катав-Ивановском заводе было занято 1948 мужчин и 2230 женщин¹⁰⁰. На Усть-Катавском — 1182 мужчин и 1260 женщин. К этим заводам было приписано 8 деревень с населением 2208 душ м. п. и 1190 душ ж. п.¹⁰¹

Юрезань-Ивановский завод, на р. Юрезани, и вспомогательный Минский, на р. Минке, были расположены в Уфимском у. Основаны в 1754 г. На них выплавлялось чугуна ежегодно около 286 тыс. пуд. и железа до 170 тыс. пуд.¹⁰² На Юрезань-Ивановском заводе работало 1920 мужчин и 2140 женщин. На Минском — 893 мужчин и 1033 женщин¹⁰³. К ним же было приписано 9 деревень с населением 1367 душ м. п. и 1432 душ ж. п.¹⁰⁴ Симский и вспомогательный Миньярский заводы находились на р. Симе, в Уфимском у. Принадлежали П. А. Балашову. На них выплавлялось чугуна ежегодно до 350 тыс. пуд., выковывалось железа разных сортов до 200 тыс. пуд.¹⁰⁵ Как и с других, ранее указанных заводов, железо шло на Нижегородскую ярмарку, куда оно доставлялось водой по р. Симе, Юрюзани, Уфе, Белой, Каме и Волге. Все работы на Симском заводе выполняли 1361 мужчина и 1524 женщины. На Миньярском — 1106 мужчин и 1254 женщины. К заводу было приписано десять деревень с населением 2392 душ м. п. и 2592 душ ж. п.¹⁰⁶ Кроме этих заводов были еще два небольших чугунолитейных завода, один — в Бузулукском у., близ д. Каменки, другой — в Бугурусланском у., в д. Большой Толкай. На обоих отливались разные чугунные изделия на 2200 руб., которые сбывались внутри губернии. На всех частных железных заводах Оренбургской губ. выплавлялось ежегодно чугуна и выковывалось железа на сумму около 1290 тыс. руб. серебром¹⁰⁷. Медеплавильных заводов в Оренбургской губ. до 1843 г. было 13, затем их количество сократилось до 12, а с 1849 г. — до 11. Преображенский медный завод находился в Оренбургском у., на р. Урман Зелаир. Был основан в 1743 г. В первой половине XIX в. принадлежал Пашкову. На нем ежегодно выплавлялось меди до 8200 пуд.¹⁰⁸ Медь продавалась в Нижнем Новгороде и в Петербурге. На нем работало 1170 мужчин и 1327 женщин. К нему же были приписаны четыре деревни с населением 948 душ м. п. и 1089 душ ж. п.¹⁰⁹ Кананикольский — в Верхнеуральском у., на р. Кане, впадающей в Сакмару. Основан в 1851 г. Мосоловым. В XIX в. принадлежал вице-адмиралу Шеншукowej. На нем ежегодно добывалось меди до 3 тыс. пуд.¹¹⁰ Завод обслуживало 937 мужчин и 999 женщин¹¹¹. Воскресенский и Верхотурский заводы располагались на р. Торе, текущей в р. Белую; Богоявленский — на р. Усолке и Архангель-

ский — на р. Аскине. Все они находились в Стерлитамакском у. Первый был основан в 1745 г., второй — в 1749, третий — 1752, четвертый — 1753 г. — все основаны Твердиловым и Мясниковым. На всех четырех заводах выплавлялось меди до 31 тыс. пуд., которая сбывалась в Нижний Новгород и Петербург¹¹². В XIX в. первые три принадлежали наследникам Пашкова, а последний — графине Лаваль. На Воскресенском заводе работало 1307 мужчин и 1448 женщин. К нему же было приписано 7 деревень с населением 1433 душ м. п. и 1474 душ ж. п.¹¹³ На Верхнетурском — 1166 мужчин и 1337 женщин. К нему же были приписаны шесть деревень с населением 1422 душ м. п. и 1598 душ ж. п.¹¹⁴ На Богоявленском было 965 мужчин и 1068 женщин. К нему же было приписано четыре деревни с населением 856 душ м. п. и 869 душ ж. п.¹¹⁵ На Архангельском — 2164 души м. п. и 2415 душ ж. п.¹¹⁶ Благовещенский завод, расположенный в Уфимском у., на р. Белой, был основан в 1730 г. В XIX в. принадлежал Пашковой, выплавлял ежегодно меди до 11 300 пуд.¹¹⁷ На нем работало 1830 мужчин и 1935 женщин¹¹⁸. Иштеряковский завод находился в Мензелинском у., на р. Иштеряковке. Принадлежал помещику Ярцеву. Ежегодно здесь добывалось меди до 760 пуд.¹¹⁹ Завод обслуживали 329 мужчин и 366 женщин¹²⁰. Шильвинский — на р. Шильве, в Мензелинском у. Принадлежал купцу Подъячому. Здесь добывалось меди до 800 пуд. ежегодно. Продукция завода сбывалась в г. Казань и Чистополь¹²¹. На заводе работало 355 мужчин и 361 женщина¹²². Верхне-Троицкий — на р. Кидаше и Усень-Ивановский — на р. Усени. Оба находились в Белебеевском у. и принадлежали Бернардаки. Первый основан в 1752 г., второй — в 1766 г. На обоих заводах добывалось меди от 8000 до 8800 пуд. ежегодно¹²³. Медь сбывалась в Нижний Новгород и Москву. На обоих заводах, существующих вместе, работало 1950 мужчин и 2128 женщин¹²⁴.

Всего частных заводов на Южном Урале в 1845 г. было 23. Из них 12 железоделательных и 11 медеплавильных. На них работало 82 148 душ об. п.¹²⁵

После железоделательных и медеплавильных заводов по значимости шли винокуренные заводы; их было 8. На них в 1845 г. было выкурено вина на 468 944 руб. серебром¹²⁶. Вино шло на местные откупа. Немалый доход приносили поташные заводы. В 1845 г. их насчитывалось 83. На них в этом году было выварено поташа и шадрика на 370 169 руб. 23½ коп.¹²⁷ Поташ и шадрик в самой Оренбургской губ. сбывались мало. Преимущественно они шли в города Нижний Новгород, Казань, Москву. По стоимости продукции на следующее место можно поставить суконные фабрики, которых в 1845 г. было шесть. На них выделялось сукно низшего качества на сумму 166 669 руб. серебром¹²⁸. Немного менее дохода приносили 38 салотопенных заводов: в 1845 г. было вытоплено сала на 163 руб. серебром¹²⁹. Оно шло в Петербург, Москву, Казань, Чистополь, также в Пермскую губ. Кожевенные заводы, мыловаренные, свечные, стеколь-

ные, клеевые и воскобойные были мелкими, и стоимость продукции, производимой на них, была невысокой. Так, на 50 кожевенных заводах в 1845 г. выделано кож на 89 185 руб. серебром¹³⁰. Часть выделанных кож шла в казахские степи с меновых дворов г. Оренбурга и Троицка, но преимущественно кожи продавались внутри губернии. На мыловаренных заводах в 1845 г. было выварено мыла на 22 354 руб.¹³¹ На свечных заводах в том же году изготовлено свечей на 9640 руб. 20 коп. серебром¹³². Свечи расходвались внутри губернии. Изделия стекольных заводов оценивались в 1845 г. в 8202 руб., селитренных — на 6027 руб. 26½ коп. Они сбывались на Нижегородской ярмарке и в Казани. Клеевых — на сумму 4054 руб.¹³³⁻¹³⁵, воскобойных — на 3500 руб.¹³⁶ Продукция шла в Казань, Симбирск и Чистополь.

По подсчетам гражданского губернатора, всех «заводов» и фабрик в Оренбургской губ. в 1850 г. было 307. Из них лишь 12 железоделательных и 11 медеплавильных заводов можно было назвать в полном смысле заводами и фабриками, большинство же представляли собой полуремесленные мастерские с небольшим количеством рабочих и малой продукцией. Общая ценность заводских изделий в Оренбургской губ. (без золотых присков) колебалась от 6 484 359 руб. в 1843 г. до 3 260 355 руб 62¾ коп. в 1850 г. Число рабочих, занятых на частных заводах (без железоделательных и медеплавильных), составляло в 1833 г. 23 386 человек. Из них 11 971 составляли наемные рабочие, 11 471 — крепостные и приписные крестьяне. Причем крепостных крестьян было намного больше, чем приписных: крепостных — 11 266, приписных — 270 человек¹³⁷⁻¹³⁹.

Наряду с доходами от промышленных заведений, немалую прибыль государству и частным предпринимателям давала добыча соли. Самые крупные разработки по добыче соли велись на Илецких соляных копях, находившихся за р. Уралом, в 64 верстах от Оренбурга и шести — от р. Илека, на пограничной линии с Казахстаном¹⁴⁰.

Сначала соль употреблялась только для Оренбургской губернии, затем ее стали вывозить до г. Стерлитамака (в 280 верстах от Илецкой защиты), а оттуда ее сплавляли по р. Белой, Каме и Волге, снабжая жителей приволжских городов. В 1846 г. в Илецкой защите работало промысловых рабочих 67 человек, вольнонаемных — 719¹⁴¹. Вольнонаемные получали в месяц: солерубы — 7 руб., а земленосцы — 6 руб. серебром¹⁴². Количество ежегодно добываемой илецкой соли было неодинаково. Так, в 1846 г. было добыто 1200 тыс. пуд., а в 1847 г. — 2 млн. пуд.¹⁴³ (самая большая добыча). В 1850 г. было выработано 1 000 787 пуд. 20 ф. соли¹⁴⁴, хотя рабочих было больше (в 1850 г. — 137 лесорубов, 681 землепашцев, 1503 солеруба¹⁴⁵).

Кроме Илецкой защиты, соль добывалась также из соляных озер, принадлежавших государству и отдаваемых на откуп. Главнейшие соляные озера находились в Челябинском у.: Ганковское, Сорочье, Сорочинское, Тоузаткуль, Уткин-Кулат, Большое

Птичьё, Башкаул, Большой Каратабас, Камышное, Зулкарнеево и др. Они были открыты в 1774 г. Из них действовали в середине XIX в. Тоузаткуль, Сорочье, Сорочинское, Уткин-Кулат. Кроме этих озёр, следует также назвать Индерекос на левом берегу Урала, Эбелей и Уркачь, около истоков р. Тобола. Ценность добываемой соли на Илецкой зачатке составляла в среднем каждый год по 360 тыс. руб. Сведения о доходе с соляных озёр неизвестны.

На протяжении всей первой половины XIX в. действовали в Оренбургской губ. Миасские золотые промыслы в Троицком у., на р. Миас. Они были основаны купцом Лугининым в 1776 г. и 1789 г. приобретены казной. На них ежегодно добывалось золотого песка до 2400 тыс. пуд., из которого отмывалось золота от 45 до 50 пуд.¹⁴⁶ Кроме Миасских золоторудных промыслов, в первой половине XIX в. действовали (также казенные) Каскиневский, Царево-Александровский, Перво-Павловский, Мулкадаевский, Верхне-Миасский, Атлянский, Ковелинский. С 1812 г. по манифесту Александра I разрешалось и частным лицам заниматься золотопромышленностью. С этого времени в Оренбургской губ. появилось много частных золотых промыслов. В 1850 г. их насчитывалось до 30. На них было добыто в этом же году золота 51 пуд 33 ф. 33 золотника¹⁴⁷. Ежедневно работало на них до 3 тыс. человек¹⁴⁸. Рабочие на подсобных работах получали в день от 15 до 20 коп., конные для подвоза песка к машинам — по 30, у отвоза промытого песка — от 50 до 60 коп.¹⁴⁹

Несмотря на то что темпы развития Южно-Уральской промышленности замедлились в первой половине XIX в. в связи с кризисом крепостной системы, Южный Урал продолжал оставаться важнейшим центром русской промышленности. Вместе со Средним Уралом он снабжал в значительной мере своими изделиями Петербург, Москву и Юго-Восточные губернии России.

4. РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ

Как мы уже отмечали, еще в XVII и XVIII вв. на Южном Урале получили заметное развитие кожевенный, овчинный, плотничный, портняжный, мельничный, кузнечный, шерстобитный, рыбный и другие промыслы и ремесла. В первой половине XIX в. эти производства продолжали развиваться, но, кроме того, в источниках появляются известия о новых видах ремесла и промыслов. К ним относятся ложечный промысел, плетение коробов, валяние сапог, заготовка строевого леса, смолокурение, выделка мочалок, вязание чулок и варежек, сапожное и башмачное дело, выделка кож и торговля ими, скупка и перепродажа товаров на пристанях, сыромятничество, скорняжный промысел, перегопка скота, извозничество, пастушество, садоводство, огородничество, пчеловодство.

О развитии ремесел в Оренбургской губ. говорят следующие данные: крестьян, занимающихся почти исключительно ремеслом, в 1833 г. было 394 человека, цеховых ремесленников — 89, воль-

ных — 61¹⁵⁰. Цеховые ремесленники вырабатывали изделий на сумму 49 870 руб., вольнонаемные — 16 085, крестьяне — на 58 354 руб. Доход от ремесла у вольных составлял 7770 руб., у ремесленников-крестьян — 31 816, у цеховых — данных нет.

Все эти официальные данные относились лишь к тем крестьянам, которые занимались исключительно ремеслом. Но очень многие крестьяне, не записанные в ремесленники, занимались ремеслами и промыслами. Поэтому ясно, что выработка изделий ремесла была гораздо выше показанной в официальных данных и доход от нее — также. Имеющиеся в наличии материалы по уездам о разных отраслях народного хозяйства в Оренбургской губ. за 1833 г. могут служить хорошим дополнением к данным, приведенным выше¹⁵¹⁻¹⁵³.

В Оренбургском у. крестьяне от пчеловодства имели ежегодный доход в среднем за десятилетие 22 тыс. руб., от рыбной ловли — 3500, от птицеводства и звероловства — 3000, от работ, связанных со скотом (сыромятничество, продажа и перепродажа его, извозничество), — 18 тыс. руб.

В Стерлитамакском у. доход от пчеловодства составлял 10 тыс. руб., от птицеводства и звероловства — 3000, от промыслов и ремесла, связанных со скотоводством, — 15 006. В Уфимском у. ежегодная прибыль от пчеловодства была 27 384 руб., от рыбной ловли — 22 263, от птицеводства и охоты — 5488, от скота — 24 500. В Бугурусланском у. от пчеловодства — 10 800 руб., от рыбной ловли — 9010, от скота — 81 721. В Белебеевском у. от пчеловодства — 60 тыс. руб., от рыбной ловли — 8 тыс., от птицеводства и охоты — 2 тыс., от скота — 201 тыс. руб. В Бузулукском у. от пчеловодства — 6477 руб., от рыбной ловли — 15 691, от охоты — 193, от скота — 72 019 руб. В Бугульминском у. от пчеловодства — 7365 руб., от рыбной ловли — 500, от охоты — 5380, от скота — 162 623 руб. В Мензелинском у. от пчеловодства — 8500 руб., от рыбной ловли — 1052, от охоты — 70, от скота — 17 265. В Челябинском у. от пчеловодства — 400 руб., от рыбной ловли — 2975, от охоты — 1532, от скота — 654 037. В Троицком у. от пчеловодства — 1320 руб., от рыбной ловли и охоты доходов не было, от скота — 3 тыс. руб. В Бирском у. от пчеловодства — 19 920 руб., от рыбной ловли — 1 тыс., от охоты — 80, от скота — 5780. В Верхнеуральском у. крестьяне имели доходы лишь от пчеловодства на 10 тыс. руб. и от скота 200 руб. В г. Уральске доходы от рыбной ловли составляли 912 826 руб. и от скота — 85 тыс. руб.

В лесной части Оренбургской губ. (в уездах, граничащих с Пермской губ.) и на южных границах Троицкого и Мензелинского у. на севере Челябинского и Бузулукского у. большое значение приобрел лесной промысел. Леса в Оренбургской губ. занимали пространство в 10 964 696 дес. Из них казенным и удельным крестьянам принадлежало 3 063 038 дес., крепостным крестьянам — 1 709 477, башкирам — 6 192 181. В земле Оренбургского казачьего войска под лесами было 272 712 дес.¹⁵⁴ Заготов-

кой и продажей леса, как строевого, так и дровяного, занимались башкиры V, VI, VII, VIII кантонов. Они сами сбывали лес на рынках ближайших городов или отдавали с разрешения начальства ремесленникам для вырубki строевого леса и постройки барок. На какую сумму отправлялся строевой лес, неизвестно. Известно лишь то, что по р. Сакмаре и Уралу сплавлялось ежегодно до 5500 бревен разного леса, а по р. Уфе, Белой и Каме проходило до 700 плотов с лесом¹⁵⁵.

В Уфимском, Бирском, Троицком и Верхнеуральском у. русские крестьяне строили из леса барки для сплава металлов с уральских заводов, а также хлеба и леса. Стоимость каждой построенной барки колебалась от 2 тыс. до 7 тыс. руб.¹⁵⁶ Гонкой смолы и дегтя занимались жители в северных районах губернии, главным образом для домашнего обихода. Если же они и продавали свои продукты, то на ближайших торгах, в другие губернии не отправляли. В этих же лесных районах получили распространение ложечный промысел, точение посуды, плетение коробов, лаптей, мочальный промысел, снятие лыка и бересты, охотничий промысел. Средние цены на меха были: шкурка чернойбурой лисицы — от 10 до 21 руб. серебром, лисицы обыкновенной — от 3 до 3½ руб., медведя — 6 руб., волка — от 2 до 2½ руб., горностая — от 30 до 50 коп., белки — 15 коп., зайца — 5 коп. серебром¹⁵⁷.

Пчеловодство было распространено повсеместно, но больше всего в Оренбургском, Стерлитамакском, Уфимском, Бугульминском, Мензелинском у., а из башкирских кантонов в VI и VII. Часть меда вывозилась для сбыта на Нижегородскую ярмарку, а другую часть скупали торговцы для продажи на ярмарках в Мензелинске и Бугульме, а также в Уфе и Стерлитамаке. Средние цены держались на пуд воска от 7 до 11 руб., меда — от 3 руб. 50 коп. до 4 руб. 50 коп. и 5 руб. за пуд¹⁵⁸.

Рыбный промысел был распространен в Уфимском, Бузулукском, Бугульминском у. и особенно на территории Уральского казачьего войска. Извозничеством занимались в Троицком, Оренбургском, Верхнеуральском, Бузулукском у. и опять в черте Уральского казачьего войска¹⁵⁹.

О том, какие доходы получали крестьяне от ремесла и промыслов по всей губернии, дают представление данные, выведенные за десятилетие (с 1823 по 1833 г.)¹⁶⁰. От пчеловодства — 184 726 руб., от рыболовства — 983 682, от ловли и продажи птиц — 10 658, от ловли зверей — 19 170, от скота — около 900 тыс. руб.

В таблицах, составленных в 1833 г. к отчету генерал-губернатора гр. В. А. Перовского, отмечено: «Рукоделия и ремесла прибиточные для занимающихся оными: портное, сапожное, каретное, кузнечное, слесарное, плотничье и красильное. Но таких рукоделий и ремесел, которые бы славились в других губерниях, не имеется, а оные никогда никуда не вывозятся»¹⁶¹.

Часть русских государственных и удельных крестьян зани-

мались отходом. Крестьяне уходили для заработков на заводы, золотые прииски и соляные промыслы. Но больше всего на время страдной поры шли на уборку хлеба и сена в соседние селения. По сведениям Палаты государственных имуществ, в 1850 г. отлучилось на промыслы и для заработков государственных крестьян по годовым паспортам 936 человек, по полугодовым — 986, по билетам — 24 933, а всего 26 855 человек¹⁶². Более всего выход наблюдался из уездов Бугурусланского, Бузулукского, Уфимского, Оренбургского и менее из Стерлитамакского, Челябинского, Белебеевского. Среди удельных крестьян отходы на промысел не получили такого распространения, как среди государственных. По сведениям Удельной конторы, крестьяне удельного ведомства отлучались в 1850 г. по паспортам двухгодовым — 2 человека, годовым — 56, полугодовым — 23, а всего 81 человек. На 1 тыс. душ домооседов приходилось отлучающихся на заработки государственных крестьян 6½, удельных — 4½ человека. Доходы, получаемые от отходничества, не учтены статистикой. Для одних крестьян, как писал Черемшанский, «они представляют хлеб насущный, а для других — способ наживы»¹⁶³⁻¹⁶⁴.

5. ТОРГОВЛЯ

Широкое развитие в Оренбургском крае получила торговля. Торговые связи отдельных уездов и сел осуществлялись через ярмарки и базары в городах и селах. Число ярмарок в Оренбургской губ. все время росло: в 1843 г. их насчитывалось 61, в 1846 г. — 71, в 1848 г. — 107, в 1850 г. — 149¹⁶⁵, из них городских было 20 и сельских — 129. Самое большое количество ярмарок приходилось на уезды Бузулукский, Уфимский, Бугурусланский и Челябинский. Из городских ярмарок по своим оборотам выделялась Бирская — в г. Бирске, которая действовала с 14 по 19 января. На эту ярмарку привозилось товаров на сумму 680 500 руб. и продавалось на 679 049 руб. Затем Воздвиженская ярмарка в г. Бугульме (с 14 по 22 сентября) с оборотом в 675 590 руб. За ней Семеновская в г. Бугуруслане (с 1 по 8 сентября) с оборотом в 290 тыс. руб. И наконец, Уфимская в г. Уфе (с 21 по 31 января) с оборотом в 123 566 руб. Остальные крупные городские ярмарки, действовавшие в г. Троицке, Челябинске, Верхнеуральске и Бузулуке имели торговый оборот от 20 тыс. до 40 тыс. руб. В селах было особенно много ярмарок, и некоторые из них довольно крупные. В Уфимском у. такими были Насибашевская в д. Насибашевой, Дуванская в д. Дувани, Мясогутовская в д. Мясогутове, Тастубинская в д. Тастубе и др. В Оренбургском у. Исакневская в с. Воздвиженском, Никольская в с. Березовке, Покровская в с. Краснохолмском. В Троицком у. — Троицкая в с. Троицком, Златоустовская в с. Емашах, Трехсвятительская в Златоустовском заводе. В Челябинском у. — Крещенская в Куртамышевской слободе, Алексеевская и Рождественская в слободе Чумляцкой, Сретенская в Окуневской сло-

боде, Ильинская при речке Тукманке. В Бузулукском у. — Владимирская и Сергеевская в крепости Бирской, Елшанская в Елшанской крепости, Казанская в крепости Тоцкой, Троицкая в с. Алексеевке, Пятницкая в д. Грачевке. В Бугурусланском у. — Вознесенская и Вановская в слободе Кинельчеркасской, Рождественская в Кармалинской слободе, Петровская в Кармалинской слободе, Петровская в с. Пономаревке, Черемшанская в крепости Черемшанской. Обороты этих ярмарок составили в основном от 2 тыс. до 30 тыс. руб. Исключение из сельских ярмарок составляли лишь Буздяковская в д. Бузде, оборот которой был равен в 1850 г. 484 507 руб.

На всех ярмарках Оренбургской губ. в 1850 г. в обороте было товаров на 7 115 503 руб. и продано на сумму 2 795 359 руб. На городские ярмарки в течение пяти лет (с 1846 по 1850 г.) было привезено товаров на 18 352 921 руб. серебром, средним числом на каждый год на 3 670 584 руб. На них из этого числа продано на 8 927 543 руб., средним числом в год на 1 794 508 руб.

На сельских ярмарках за эти годы находилось товаров на 7 786 436 руб. серебром, средним числом за год на 1 557 287 руб. Из этого числа продано на 2 864 884 руб., средним числом в год на 572 977 руб. серебром¹⁶⁶⁻¹⁷³. Главными предметами торговли на городских и сельских ярмарках были привозные бумажные и шелковые изделия, чай, сахар, бакалейные товары. Из местных товаров — кожа, меха, поташ, воск, сало, хлеб, рыба. На Бугульминскую и Мензелинскую ярмарку, кроме этих товаров, пригонялось много башкирских лошадей — от 3 тыс. до 5 тыс. голов¹⁷⁴.

Многие изделия Оренбургской губ. составляли предмет торговли ее с другими губерниями России. Главнейшими из вывозимых товаров являлись: железо, медь, золото, поташ, шадрик, хлеб разного рода, сало, кожи, мед, воск, селитра и некоторые мелкие изделия — ободья, столовая посуда и т. д. Так, в 1845 г. металлов с одних частных заводов отправлено на сумму 2 100 тыс. руб. сер.¹⁷⁵, поташа и шадрика — более чем на 350 тыс. руб.¹⁷⁶ В 1850 г. также с частных заводов отправлено металлов на 1 580 тыс. руб., поташа и шадрика — более чем на 350 тыс. руб., а хлеба поступило в продажу на 2 717 250 руб. серебром¹⁷⁷. На какую сумму вывозились другие товары, определить по имеющимся сведениям трудно. Оборот торговли с другими губерниями в 1833 г. составлял 5 194 550 руб.¹⁷⁸ Вывозимые из Оренбургской губ. товары или скупались иногородними торговцами, или отправлялись самими жителями к местным купцам в ближайшие города: Нижний Новгород, Казань, Самару, Курган, Екатеринбург, Шадринск, Елабугу и др. Привозимые из других губерний товары относились преимущественно к мануфактурным, «колониальным» и бакалейным товарам. В 1833 г. их было привезено на 1 398 350 руб. серебром. Важнейшими пунктами сбыта этих товаров были г. Оренбург, Уфа, Мензелинск, Уральск, Бугульма, Бирск, Белебей, а также места ярмарок. Во внутреннюю торговлю были втянуты и крестьяне. По данным 1833 г., в Бугуруслан-

ском у. 42 крестьянина специально занимались торговлей. В Бугульминском у. торговым делом занимались 76 крестьян¹⁷⁹⁻¹⁸¹. Большинство же крестьян Оренбургской губ. не могли сами продавать свой хлеб из-за отсутствия дорог. Хлеб перекупали у крестьян и у помещиков скупщики, сосредоточившие в своих руках торговлю хлебом в Оренбургской губ. и произвольно устанавливавшие цены на рынке.

Оренбургский край был также втянут в оживленную торговлю с Казахстаном, Киргизией и Среднеазиатскими ханствами. Меновой торг до 1743 г. производился в Орской крепости, но затем в 1743 г. был переведен в г. Оренбург. В 1750 г. были открыты два торговых пункта — на Уйской линии и Троицкой крепости. Города Оренбург и Троицк стали узловыми центрами по связи России с Казахстаном и Среднеазиатскими ханствами. С открытием в г. Оренбурге менового торгога там были построены меновой и гостинный дворы: первый — за р. Уралом, в трех верстах от города (для летней торговли), а второй — в центре самого города (для зимней). В Троицке имелся также меновой двор, построенный вне города и разделявшийся на три части: русскую, бухарскую и киргизскую¹⁸². Торговля на Оренбургском меновом дворе производилась караванами с половины июня и по ноябрь, а в Троицком — в течение всего года, но особенно с мая по ноябрь. По меновому торгу с казахами и киргизами приобретался в значительном количестве разный скот, который шел на выделку кожи, овчин и сала. Здесь же покупались кожи, волчьи и лисьи шкуры, сайгачьи рога, армячины, дешевые ковры и бязь, халаты, кушаки. Но все же главную роль при обмене играл скот. На свои товары казахи и киргизы выменивали у русских купцов муку, табак, кость, железо, разные металлические изделия, бумажные ткани, пуговицы, ленты и прочие мелочи. Из Средней Азии с караванами доставлялись на Оренбургский и Троицкий меновые дворы хлопок, бумажные ткани, шелковые материи, мерлушки бухарские, рис, цитварное семя, индиго и разного рода сухие фрукты (урюк, изюм, кишмиш), фисташки, грецкие орехи, миндаль в скорлупе и др. Из Оренбургского края вывозились в Среднеазиатские ханства шелковые, бумажные, шерстяные и полотняные изделия, глиняная и стеклянная посуда, зеркала, сундуки, деревянная посуда, мед, воск, чай, сахар, табак, хлеб, скот. Кроме того, в Бухарское ханство вывозилась золотая и серебряная монета, как русская, так и иностранная. Следует отметить, что торговые сношения Оренбургского края с казахами, киргизами и народами Средней Азии становились все более оживленными. Эта торговля играла большую роль во всей внешней торговле России. По меновому торгу с казахами и киргизами приобреталось так много скота, что он в убойном виде шел из России на вывоз. Продажа убойного скота занимала первое место во внешней торговле России. Торговля убойным скотом на внешних границах России доходила до 2700 тыс. руб. в год¹⁸³. Эта сумма, составляющая среднюю ценность отпущен-

ного и пригнанного скота в течение пяти лет (с 1842 по 1847 г.), распределялась следующим образом (табл. 15).

Из этой таблицы видно, указывает Г. Небольсин, что сухопутный отпуск скота по европейской торговле вместе с отпуском в Царство Польское доходил до 1½ млн. руб. серебром, между тем как привоз составлял очень малую сумму (в России по европейской торговле доставлялся главным образом племенной скот). Пригон скота с Оренбургской и Сибирской линий оценивался по пятилетней сложности следующим образом: в 1822—1826 гг. на 416 630 руб. серебром, в 1827—1831 гг. на 545 907, в 1832—1836 гг. на 893 233, в 1837—1841 гг. на 860 022, в 1842—1846 гг. на 1 019 140 руб. серебром¹⁸⁴⁻¹⁸⁵.

Г. Небольсин заключает, «что пригон Ордынского скота постоянно возрастал и увеличивался в последний период и против первого около 145% составил»¹⁸⁶.

Экономический и культурный рост края нашел свое отражение и в развитии путей сообщения, сухопутного и водного транспорта. К середине XIX в. появились значительные почтовые, торговые и другие тракты; г. Оренбург и Уфа являлись двумя важными пунктами, в которых сосредоточивались все почтовые тракты губернии. От Оренбурга проходили следующие почтовые дороги¹⁸⁷: 1) через крепость Орскую, г. Верхнеуральск и Троицк до отряда Алабужского — 976½ версты, 2) до Уфы — 350, 3) через Бугульму до д. Кузайкиной (Казанский тракт) — 490, 4) через Бузулук до ст. Мочинской (Симбирский тракт) — 369, 5) через г. Уральск до Гурьева городка — 756½, 6) до Илецкой защиты — 66½ версты.

От Уфы дороги вели: 1) в г. Бугульму — 214 верст, 2) через с. Аскин до границ Пермской губ. — 195, 3) через г. Бирск и Мезилинск до г. Набережные Челны — 324½, 4) через Златоустовский завод до Челябины — 544¾ версты.

Главных коммерческих трактов насчитывалось семь¹⁸⁸: 1) тракт, соединявший г. Верхнеуральск, Стерлитамак, Белебей

Таблица 15. Распределение ценности убойного скота во внешней торговле России за 1842—1847 гг., руб. серебром *

Путь	Привоз	Отпуск	Путь	Привоз	Отпуск
<i>По европейской торговле</i>			<i>В Царство Польское</i>		
Морской	5152	6701	<i>По азиатской торговле</i>		
По суше	21 097	876 554	Через г. Оренбург и Сибирскую линию	1 019 140	7479
<i>Итого</i>	<i>26 249</i>	<i>883 225</i>	За Кавказскую границу	60 453	31 058
			В Китай	—	19 699

* Небольсин Г. С. 214—215.

обозрение внешней торговли Р

СПб., 1850, ч. I

и Бугульму; 2) дорога от г. Троицка через ст. Кичигинскую, г. Челябину и с. Долгодеревенское в г. Екатеринбург и далее. По ней в мае-июне проходили обозы из екатеринбургских заводов в г. Троицк с медью и железом разных сортов, с чугунными изделиями и сундуками. Из Тюмени туда же привозилась выделанная юфть. Все это променивалось на Троицком меновом дворе среднеазиатским купцам, казахам и киргизам на их товары и скот, который шел в Центр России через Екатеринбург, Шадринск, Тюмень — от 300 до 3500 голов; 3), дорога от г. Челябины через села Чумляцкое, Карачевское, Воскресенское и Красинское в г. Курган и дальше. По ней из Ирбита провозились обозы с купеческими товарами главным образом в марте, а из Кургана прогонялся скот и лошади, покупаемые в линейных сибирских местах; 4) дорога от д. Ягильдиной (на почтовом тракте из г. Троицка в Уфу) через д. Кундашлы, Тыгыршеневу, Янтузову и Старую Султанбекову к д. Ляште (на почтовом тракте из г. Троицка в Уфу); 5) дорога от д. Азаматовой (на почтовом тракте от г. Троицка до Уфы) через д. Нижнюю, Сорокину и Чабыкову до г. Бирска. По обоим последним дорогам проходили обозы с купеческими товарами в Нижний Новгород и обратно перед открытием Нижегородской ярмарки и по закрытии ее; 6) дорога, отделявшаяся от почтового тракта, проходившего из г. Бирска в Мензелинск, у с. Троицкого, Матвеевка тож. Она шла через с. Николаевку, д. Старый Курган, Новую Саклову, Кузакларову, Сокман, с. Лебяжье, Никольское тож и д. Малую Ералку в г. Мамадыш Казанской губ.; 7) дорога из г. Бугульмы в Елабугу Вятской губ., пересекающая предыдущий тракт в д. Токмак. Эта дорога отделялась от почтового Казанского тракта у д. Пегашевой и проходила через с. Акрам, Богородское, Поручиково тож, д. Токмак, Чады-Мелекес, Биклень-Сарзас и с. Бятки. По обоим последним дорогам проходили винные транспорты из Елизаветинского винокуренного завода Мензелинского у. и купеческие обозы с кожами, салом, медом. По первой из них проезжали среднеазиатские купцы из г. Троицка на Нижегородскую ярмарку. В торговом отношении выделялись еще две дороги, которые вели из г. Уральска в Самару и Симбирск¹⁸⁹.

По этим дорогам прогонялись многочисленные гурты скота, скупаемые в уральском войске на линии у казаков и киргизов, а также проходили значительные транспорты с красной рыбой, икрой и салом во внутренние губернии. Как почтовые, так и коммерческие тракты были удобны для проезда. За ними велось постоянное наблюдение. Они содержались за счет натуральной повинности, которую несли крепостные и государственные крестьяне. Водных путей было мало. Главным и единственным путем по Оренбургской губ. служила р. Белая, соединяющаяся с Камой. Благодаря этому пути Оренбургская губ. сообщалась с главными рынками России — Нижним Новгородом, Рыбинском, Петербургом. Были и другие сухоходные реки: Уфа, Сим, Ай, Юрюзая, Танык Сакмара, Урал, Самара, Кинель, по которым

только при весенних разливах ходили барки и плоты. Недостаток сплавных рек затруднял сбыт местных продуктов сельского хозяйства. Вследствие этого цены на них, особенно на хлеб, были очень низкими. Но все же многие товары сплавливались водным путем из Оренбургской губ. в другие губернии России. Согласно ведомости о речном судоходстве в Оренбургской губ. в 1850 г. по р. Каме, Белой, Уфе, Аю, Симу, Юрюзани и Таныку прошло 896 судов разного размера. Весь сплавленный груз был оценен в 9 095 389 руб. серебром. В 1850 г. по р. Каме прошло 567 судов с грузом на 5 780 тыс. руб.; по р. Белой 203 судна и 246 лесных плотов с грузом на 2 274 269 руб.; по р. Уфе — 67 судов и 323 плота с грузом на 526 280 руб.; по р. Ай — 31 судно и 25 плотов с грузом на 61 130 руб.; по Симу — 15 и 30 плотов с грузом на 218 600 руб.; по р. Юрюзани — 12 судов и 24 плота с грузом на 189 600 руб.; по р. Уса — 23 плота с грузом на 720 руб.; по р. Танык — 1 судно с грузом на 40 тыс. руб., по Уралу и Сакмаре — 250 плотов с грузом на 4790 руб.¹⁹⁰⁻¹⁹¹ (табл. 16).

Таблица 16. Размер внутренней и внешней торговли городов и уездов Оренбургской губ. в 1833 г., руб. *

Город, уезд	Оборот внутренней торговли	Оборот внешней торговли губернии		Число ярмарок
		привоз	вывоз	
Уфа	697 500	267 200		1
Уфимский у.	140 000		143 300	2
Оренбург	Нет данных			Нет
Оренбургский у.	90 000	—	—	4
Стерлитамак	360 000	400 000		2
Стерлитамакский у.	47 720		500 000	1
Троицк	200 000	400 000		Нет
Троицкий у.	Нет данных		500 000	»
Верхнеуральск	24 000	—	—	»
Верхнеуральский у.	Нет данных		607 000	»
Челяба	156 150	94 950	—	2
Челябинский у.	150 000	—	35 000	1
Бвзулук	203 000	30 800	—	2
Бузулукский у.	275 980		850 000	4
Бугульма	10 000	5000		2
Бугульминский у.	111 496,30		316 520	1
Бугуруслан	35 400	328 000		2
Бугурусланский у.	Нет данных		35 400	7
Мензелинск	300 000	29 400		1
Мензелинский у.	878 443		503 000	2
Бирск	70 000	Нет данных		18
Бирский у.	175 500		200 080	Нет
Белебей	50 000	Нет данных		1
Белебейский у.	225 000		96 400	3
Уральск	1 070 000	243 000		Нет
Уральский у.	1 130 000		405 000	

* ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40а.

Развитие торговли способствовало появлению в среде оренбургского крестьянства скупщиков и перекупщиков, которые благодаря выгодной перепродаже сельскохозяйственных продуктов наживали значительный капитал. Богатели и те крестьяне, которые жили вблизи торговых путей и ярмарок.

6. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЗНИ И БЫТУ НЕРУССКИХ НАРОДНОСТЕЙ

С развитием русской крестьянской колонизации жизнь нерусских народностей, особенно башкир, на Южном Урале подвергалась значительным изменениям. Прежде всего следует отметить значительный подъем производительных сил во всех важнейших отраслях народного хозяйства. В первой половине XIX в. происходит массовое оседание на землю кочевников-башкир, увеличение земледельческого населения, а вместе с тем и рост площади земли, отводимой для посевов сельскохозяйственных культур. В отчете начальника Оренбургской губ. за 1850 г. читаем, что башкиры «по образу жизни разделяются на оседлых, которые занимаются довольно успешно хлебопашеством, составляющим почти единственный промысел и средство к пропитанию, и на кочевых, которые только осень и зиму проводят в бедных и нечистых своих избах, возят руду на заводы, нанимаются под извоз соли из Илецкой зацеты, хлеба и вина в Верхнеуральский и Троицкий уезды, а весной и летом проходят по кочевкам с места на место, занимаясь скотоводством и пчеловодством»¹⁹².

Хлебопашеством в XIX в. занимались уже почти все башкиры, кроме тех, что проживали в юго-восточной части Башкирии, где кочевое и полукочевое скотоводство все еще преобладало. «Но и в сих последних, — писал в отчете о состоянии Оренбургской губ. за 1845 г. вице-губернатор Македонский, — башкиры мало-помалу привлекаются к труду, и посевы между ними год от года усиливаются»¹⁹³. С каждым годом увеличивалась доля собираемых башкирскими крестьянами зерновых культур в общем сборе озимых и яровых культур по губернии. Так, в 1842 г. она составила 15, 19% общегубернского сбора озимых и яровых, в 1846 г. — 22,6, в 1850 г. — 25,1%¹⁹⁴. В 1841 г. башкиры и мишари собрали 2 424 549 четв. хлеба¹⁹⁵.

Р. Г. Кузеев, рисуя общехозяйственную карту Башкирии, наметил к середине XIX в. три основные хозяйственные области: 1. Земледельческую — начиная от Красноуфимского уезда и захватывая всю западную Башкирию, вплоть до р. Большой Ик. Но в некоторых районах северо-запада (долина р. Пензь, Буй, верховья Танипа, Тюя и др.) — лесные промыслы: рубка и сплав леса, гонка дегтя и смолы, заготовка мочала, производство из дерева и мочалы хозяйственных товаров. 2. Земледельческо-скотоводческую (или скотоводческо-земледельческую), в которую в основном входили северо-восточная (Уфимское плато), центральная и юго-западная (долина р. Демы) Башкирия. Тенден-

ция к распространению на восток (к середине XIX в. захватила значительную часть Зауралья). 3. Скотоводческую — восточная и южная Башкирия от северного Зауралья до оренбургских степей. Причем, как замечает Кузеев, все три зоны к востоку и северу от р. Белой пересекались полосой горно-лесных и лесных районов. Там широкое развитие получили лесные промыслы; они на северо-западе и севере сочетались с земледелием, на юго-востоке — с полукочевым скотоводством (смешанное хозяйство). В центральной полосе лесных районов по течению р. Инзер, Лемеза, Сим и некоторых других лесные промыслы имели ведущее значение¹⁹⁶.

Несомненно, на оседание башкир на землю огромное влияние оказало русское крестьянство, которому они подражали в ведении своего хозяйства, занятии ремеслом и даже в устройстве внутреннего быта. Все это говорило о прогрессивности присоединения Башкирии к России.

Прогрессивным являлось развитие промышленности в крае и участие башкир в качестве вольнонаемных рабочих на заводах и приисках Южного Урала. Так, в первой половине XIX в. на золотых приисках было занято свыше 10 тыс. башкир¹⁹⁷. Немало башкир были заняты на лесозаготовках, где они заготавливали и перевозили лес в качестве топлива для Южного Урала¹⁹⁸. Таким образом, появились кадры промышленного пролетариата из башкирского населения.

Башкирское население приняло участие и в торговле, которая особенно быстро развивалась в XIX в. Башкиры в большом количестве выбрасывали на местный рынок продукты скотоводческого и охотничьего хозяйства, а также кустарные изделия¹⁹⁹.

Происходившие в России социально-экономические сдвиги постепенно втягивали Башкирию на путь капиталистического развития. Развитие же буржуазных отношений расшатывало обветшалый строй местных феодальных порядков, край втягивался в водоворот всероссийского товарного обращения.

Наконец, быстрый рост населения Башкирии в первой половине XIX в. являлся особенно показательным при оценке прогрессивности присоединения Башкирии к России. По V ревизии 1795 г., башкир было 106 тыс. душ м. п., по VIII ревизии 1833 г. — 180 тыс., по IX ревизии 1850 г. — 220 088 душ м. п.²⁰⁰ Всех башкир в 1850 г. насчитывалось 446 343 душ об. п.²⁰¹ Кстати сказать, такой же рост населения в первой половине XIX в. мы наблюдаем и у других нерусских народов Южного Урала. Особенно выросла численность тептярей (с 11 294 душ м. п. в 1746 г. до 246 753 — в 1850 г.²⁰²). Причем почти все нерусские народности края стали играть значительную роль в жизни не только Южного Урала, но и всей России. Башкиры составляли военное сословие и несли все его обязанности. Они употреблялись для местной линейной службы, как и казачьи войска Оренбургское и Уральское. Ежегодный наряд на службу производился по очередным спискам. По надобности башкирское войско могло

быть использовано и за пределами Урала. Количество необходимых войск для кордонной службы по Оренбургской линии и в другом месте определялось командиром Отдельного Оренбургского корпуса. На службу башкиры поступали с 17-летнего возраста, с 45 лет употреблялись на одну внутреннюю службу при кантонах, полную отставку получали лишь по старости или болезням.

Со времени своего подданства, еще не принадлежа к казачьему сословию, башкиры участвовали во многих походах вместе с русскими. Так, в 1608 г. они были на службе в царских войсках и под начальством воеводы Алябьева участвовали в битве под Балахной против польских интервентов; в 1676 г. тысяча башкир была в Крымском походе; в 1696 г. башкиры вместе с яицкими казаками были под Азовом. Но с 1705 г. после Алдар-Кусумовского восстания и продолжавшихся потом несколько лет восстаний башкир не брали в походы долгое время. Затем в правление Екатерины II башкир опять потребовали на царскую службу; в 1771 г. они были в погоне за ушедшими калмыками; в 1787—1792 гг. — в походе против шведов. При Александре I они несколько раз принимали участие в битвах против французов и турок. В Отечественную войну 1812 г. из башкир сформировано было до 30 пятисотенных полков ²⁰³.

После башкир по численности шли тептяри ²⁰⁴, составлявшие значительную часть населения Оренбургской губ. В административном отношении тептяри находились в ведении Оренбургского губернского правления. Земли, населенные ими, делились на команды, состоявшие под управлением старшин, выбираемых жителями и утверждаемых губернским начальством. В середине XIX в. тептяри были присоединены к Башкиро-Мещеряцкому войску и находились под общим управлением с башкирами.

В Оренбургской губ. было много татар. В 1850 г. их насчитывалось 98 647 душ об. п. ²⁰⁵ Они переселялись сюда из других соседних губерний — Казанской, Симбирской и Пензенской. Большинство из них являлись государственными крестьянами, и лишь очень небольшая часть входила в состав Оренбургского казачьего войска. Татары были предприимчивы: среди них было много земледельцев, ремесленников, торговцев. Почти все крупные торговцы-татары вышли из Сеитовской слободы, расположенной неподалеку от г. Оренбурга.

Остальные народности — мишари, чуваша, удмурты (вотяки) и мордва — целиком находились под русским влиянием и строили свою жизнь по образцу русских крестьян ²⁰⁶. Особенно это влияние распространялось на мордву, которые, как и русские, успешно занимались земледелием и были наиболее культурными людьми в сравнении с другими представителями финско-угорской группы. По численности мордва также преобладала. В 1850 г. в Оренбургской губ. мордвы было 77 328 душ об. п. ²⁰⁷ Жили они главным образом в Бугурусланском, Бугульминском, Оренбургском, Стерлитамакском и Белебеевском у. Почти все они принадлежали к со

словлю государственных крестьян, и лишь некоторые из них, являлись удельными и крепостными крестьянами. Мордва сильно обрусела и в своем быту подражала русским. Особенно это сказалось на строительстве жилых домов и других построек. Мордовские дома как по устройству, так и по расположению приближались к русским жилищам.

Таким образом, русская крестьянская колонизация оказала благотворное влияние на хозяйство и быт нерусского населения Южного Урала. Их быт подвергся значительному изменению в сторону прогресса (оседание на землю кочевников-башкир, усиленное занятие хлебопашеством и ремеслами, участие в промышленном производстве, подражание русским крестьянам в устройстве своего быта).

7. ПРОГРЕССИВНАЯ РОЛЬ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В РАЗВИТИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Пожалуй, одним из наиболее существенных результатов русской крестьянской колонизации Южного Урала являлось развитие в крае капиталистических отношений во второй половине XVIII и первой половине XIX в. Носителями их были государственные крестьяне, занятые в ремесленном и сельскохозяйственном производстве, прибывшие на Южный Урал вначале с Русского Севера, а затем из центрально-черноземных районов России.

Быстрее всего капиталистические отношения развивались в промышленности. Главными условиями для этого были наличие капитала и наемной рабочей силы. Эти условия возникли на Южном Урале частично в XVII и особенно во второй половине XVIII и первой половине XIX в. на основе быстрого развития товарно-денежных отношений. Уже начиная с XVII в. на Южном Урале возникали первые ремесленные мастерские, в которых, наряду с членами семей их владельцев, работали и наемные люди. Это в основном те же крестьяне-ремесленники, но разорившиеся. Мастерская с 4—10 наемными рабочими -- это уже небольшое капиталистическое производство. Оно незаметно для глаз и способно ввести в заблуждение историков-экономистов.

Превращение владельца мастерских в эксплуататора (хотя и не крупного) наемного труда -- это один из путей развития капитализма в промышленности. Другой путь -- закабаление крестьян-ремесленников богатыми скупщиками, выраставшими из тех же крестьян-ремесленников. Постепенно отрываясь от братьев-ремесленников, они уже не участвовали в процессе производства и занимались исключительно скупкой производимой продукции. Наживаясь на продаже изделий мелких производителей, скупщики-купцы сколачивали значительные капиталы, на них закупали сырье и устраивали свои мастерские с широким привлечением наемных рабочих или же эксплуатировали крестьян-ре-

месленников в их собственных мастерских, сосредоточивая в своих руках сбыт производимых ими товаров, закупку и снабжение сырьем. Таким путем также создавались первые капиталистические предприятия. Наиболее крупные из таких капиталистических мастерских, применявшие разделение труда, получили название мануфактур.

В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» выделил три последовательные стадии в развитии капитализма в России: мелкотоварное производство, мануфактуру и фабричную индустрию (машинное производство). Он также указал на преемственность этих трех стадий в промышленности: «Факты совершенно опровергают распространенное у нас воззрение об оторванности „фабрично-заводской“ и „кустарной“ промышленности. Напротив, разделение их — чисто искусственно. Связь и преемственность указанных нами форм промышленности — самая непосредственная и самая тесная. Факты совершенно явно показывают, что основная тенденция мелкого товарного производства состоит в развитии капитализма, в частности — в образовании мануфактуры, а мануфактура на наших глазах с громадной быстротой перерастает в крупную машинную индустрию. Может быть, одним из наиболее рельефных проявлений тесной и непосредственной связи между последовательными формами промышленности служит тот факт, что целый ряд крупных и крупнейших фабрикантов сами были мелкими из мелких промышленников и прошли через все ступени от „народного пространства“ до „капитализма“»²⁰⁸.

В рассматриваемое нами время капитализм проходил две первые стадии своего развития: мелкотоварное производство и мануфактуру. На Южном Урале развивался он главным образом в легкой промышленности, салотопенном, свечном, кирпичном производстве, винокурении, так как в металлургической промышленности частные предприниматели постепенно превращались в особый слой привилегированных людей, которые имели возможность эксплуатировать труд крепостных крестьян. Большинство же предпринимателей в легкой промышленности Южного Урала прошли сложный путь от простых крестьянских ремесленников до мануфактуристов. Этот путь был самый различный: кто вошел в число мелких владельцев мастерских через продажу и перепродажу хлеба, кто — путем аренды различных оброчных статей, кто — проведением заемных операций, кто — отходничеством. Документы второй половины XVIII в. пестрят такими словами, как «торгующие крестьяне»²⁰⁹, «твердые собственники»²¹⁰, «арендаторы казеннооброчных земель»²¹¹.

Таким образом, палицо были все условия для дифференциации южноуральского крестьянства, для превращения представителей этих групп крестьянства в мелких купцов-мануфактуристов. Архивные источники позволяют частично проследить процесс такого превращения и создания целых династий владельцев мелких капиталистических мастерских и мануфактур из числа го-

сударственных и других категорий крестьян. Так, из данных отчета начальника Оренбургской губ. о фабриках и заводах Оренбургской губ. за 1850 г.²¹² следует, что все мелкие кожевенные предприятия в г. Уфе со стоимостью годовой продукции от 200 до 2000 руб. были собственностью крестьян Карпова, Якова Корнилова, Сергея Корнилова, Гладышева, Кобыкова, Минеева 2-го, Сухарева, Макарышева. Исключение составляли лишь два кожевенных заведения, владельцами которых были мещане. На всех этих «заводах» применялся исключительно наемный труд. Правда, рабочих там было немного, всего 119 человек. Сбывалась продукция этих «заводов» здесь же, в г. Уфе.

Торгующие крестьяне из семейства Маминых в 20-х годах XIX в. стали купцами, а в середине XIX в. уже имели мыловаренный завод с ежегодной продукцией на 6000 руб. и свечной завод — на 3000 руб. Остальные свечные заводы в Уфе также принадлежали купцам, вышедшими в 30—40-е годы XIX в. из крестьян: Белякову, Блохину, Воронину, Кутузову. Стоимость годовой продукции каждого из этих предприятий, использовавших труд наемных рабочих, составляла 1500 руб. в год. Вся продукция реализовывалась на месте. На производстве было занято 46 человек.

В Уфимском у. все кожевенные предприятия сосредоточились в одной д. Третьяковской и являлись собственностью крестьян гр. Шереметьева: Михаила Нехаева, Николая Фунина, Ивана Солдаткова, Григория Корнаухова. Продукция каждого предприятия исчислялась в 500—1000 руб. Работало на этих «заводах» также 46 наемных рабочих.

В г. Оренбурге та же картина: владельцы свечных, мыловаренных, кожевенных, клеевых и кирпичных предприятий происходили из крестьян и стали таковыми лишь во второй половине XVIII и в начале XIX в. Владельцами были Шелудяков, Соснин, Мануилов (свечные заведения), Макиньюков, Шелудяков (мыловаренные), Деев, Труев, Карандаков (кожевенные), Пустолов и Лебедев (клеевые), Лебедев (кирпичный). Продукция этих «заводов» была небольшой — от 750 до 1500 руб. Крупные салотопенные заводы в г. Оренбурге держали потомственные купцы 1-й, 2-й, 3-й гильдий: Пустолов, Михаил Деев, Михаил Усманов, Михаил Дюков, Дмитрий Ковалев, Алексей Баныкин, Иван Баныкин, Григорий Труев, Иван Кривцов, Евгений Кравцов, Василий Жильцов. Продукция каждого салотопленного завода составляла от 10 тыс. до 30 тыс. руб. в год. На всех мелких и крупных заводах применялся наемный труд. Всего насчитывалось 182 рабочих.

В г. Бирске держал поташный завод купец 3-й гильдии Тимофей Уткин, предки которого в XVIII в. были государственными крестьянами. Продукция завода исчислялась в 1056 руб. и шла на Нижегородскую ярмарку. Завод обслуживался наемными рабочими (25 человек). В Бирском у. все кожевенные заводы были крестьянскими и работали исключительно на вольно-

наемном труде (38 человек). Ими владели Григорий и Тихон Осетровы, Савелий Осетров, Семен Гордеев. Продукция каждого завода оценивалась от 229 до 343 руб. Еще ниже была стоимость продукции кожевенного завода государственных крестьян в с. Байках этого же уезда — 114 р. 50 коп. в год.

В Троицке 16 салотопенных предприятий со 173 наемными рабочими принадлежали купцам Шишковскому, Ивану Зарубину, Ипату Зарубину, Алексею Зарубину, Николаю Осипову, Дмитриевскому, Лебедеву, Васильеву, Абдулкаримову, Бекантееву, Уразаеву, Нигалиствули, Юсупову, Пулышеву, Габбасу Якупову, Ахмеджану Халитову. Продукция каждого из них составляла от 400 до 4000 руб. в год. Кожевенных заведений было 8, и опять-таки они принадлежали вышедшим из крестьян Ивану, Алексею, Василию и Ипату Зарубиным, Юсупову, Кутузову, Семенину. Продукция каждого из них составляла 800—3300 руб. в год. Работало на них 76 наемных рабочих. Выделанные кожи частью сбывались на месте, а частью — на меновом дворе г. Оренбурга среднеазиатским и казахским купцам в обмен на другие товары. Сыромятный завод являлся собственностью купца Осипова. Его продукция составляла 450 руб. в год. На производстве было занято 9 вольнонаемных рабочих.

В Троицком у. кожевенный завод имел мастеровой из крестьян Сергей Кушков. Стоимость продукции завода приближалась к 3335 руб. в год. Наемных рабочих на нем было 13 человек. Два маслострунных завода держали купцы Иван и Алексей Зарубины. Стоимость продукции первого составляла 1500 руб., а второго — 300 руб. На них работало 16 вольнонаемных рабочих.

В г. Челябинске кирпичные заводы были очень мелкими и принадлежали государственным крестьянам. Объем годовой продукции кирпичного завода Егора Мотовилова равнялся 96 руб., Петра Мельникова — 60, Павла Мальцева — 60, Сергея Мельникова — 90, заводов Нестора Мельникова, Якова Мельникова, Алексея Грозина и Михаила Грозина — по 60, Николая Стреканова — 42, Ивана Игункова — 30 руб. На всех этих заводах работало 33 человека.

В г. Верхнеуральске имелось два кожевенных завода с 22 наемными рабочими. Один принадлежал торгующему крестьянину Валентину Макарову и производил годовой продукции на 4250 руб., а другой — мещанину Комарову (продукция завода оценивалась в 260 руб.).

В г. Бузулуке кожевенный завод имел купеческий сын Патрикеев (стоимость годовой продукции — 1200 руб., клеевой завод — купец Гостев 700 руб.). Кирпичных заводов насчитывалось 7. Они принадлежали купцам Сухову (годовая продукция — 420 руб.), Рязанову (140 руб.), Просвирину (360 руб.), Гостеву (280 руб.), И. Ситникову (294 руб.). На всех заводах было занято 79 наемных рабочих.

В Бузулуцком у. единственный кожевенный завод имел государственный крестьянин Петр Корякин. Продукция его завода

исчислялась в 1500 руб. Кирпичный завод в этом уезде (тоже единственный) держал удельный крестьянин Голованов. Стоимость продукции этого заведения была небольшой — 160 руб. в год. На обоих заводах работало 16 наемных рабочих.

В г. Бугуруслане все салотопенные, воскобойные, мыловаренные и клеевые предприятия (с годовой продукцией от 200 до 3500 руб. каждый) принадлежали мелким купцам. Салотопенные заведения имели купцы Барандовский, Касарев, Тумасов, Цинговатых, Служаев. Вся продукция шла в Казань и Самару. Воскобойный завод имел купец Цинговатый, мыловаренный — Стрельников, кожевенные — Н. Орлов, М. Орлов, Фадеев, Безруков, Яковлев, Дементьев. Владелец клеевого завода был купец Орлов. Наемных рабочих на всех этих предприятиях насчитывалось 171 человек.

Бугурусланский у. славился своими суконными фабриками, но все они находились в руках местных помещиков — Карамзина, Кроткова, Нагаткина, Шелашникова, Дубенского, Дугасова, Осоргина и др. Купцы и крестьяне владели салотопенными, кожевенными и сыромятными заводами. Салотопенные заводы находились в д. Ледневой (купца Либанова), с. Новоспасском (купца Загвозкина), Пономаревке (купца Коцелябина и здесь же — крестьянина Мещерякова). Причем стоимость продукции последнего была самая высокая — 6 тыс. руб. в год. На салотопенных заводах в Бугурусланском у. был занят 81 человек. Кожевенных заводов в уезде было шесть. Один находился в слободке Алманацкой у мещанина Сухарова, а остальные — у крестьян Корноухова (стоимость продукции — 120 руб.), Сидорова (235 руб.) и три у Вирова (с годовой продукцией 137 руб. 50 коп., 145 руб. и 150 руб.). На крестьянских кожевенных заводах работало 66 наемных рабочих. Из сыромятных заводов один принадлежал в с. Пономаревке купцу Козелябину (стоимость продукции — 1450 руб.) и крестьянам Щербакову (1493 руб.), Богатыреву (1400 руб.). На заводах работало 23 наемных рабочих.

В г. Белебее все кожевенные предприятия (их было 9) принадлежали купеческим сыновьям из семьи Эделевых — Никанору, Ивану и Александру и мещанам Николаеву, Горохову, Григорьеву, Михаилу Эделеву, Тимофею Эделеву, Простяковой. Одним салотопенным заводом владела жена купца Горюхина. На всех этих заводах в небольшом количестве применялся наемный труд (72 рабочих).

В Белебеевском у. крупные медеплавильные и винокуренные заводы принадлежали помещикам и одворянившимся купцам (Бернардаки, Осокину и др.). И только два поташных завода являлись собственностью купца Сафронова: один — близ с. Никольского, стоимость продукции которого исчислялась в 9750 руб., другой — близ д. Чекадыбашевой со стоимостью продукции в 8357 руб. 14 коп. На заводах Сафронова находились 26 наемных рабочих.

В г. Стерлитамаке имелось 15 кожевенных заводов, на кото-

рых использовался труд 187 наемных рабочих. Заводы принадлежали купцам Сухорукову (со стоимостью годовой продукции в 8000 руб.), Владимирцову (2300 руб.), Шишкину (1250 руб.), Афанасьеву (3690 руб.), Коновалову (2500 руб.), Васильеву (1800 руб.), Хлебникову (1050 руб.), Попову (1200 руб.), Евдокимову (800 руб.), Степану и Гавриле Васильевым (5500 руб.), мещанам Садовскому (850 руб.), Смышляеву (580 руб.), Скорнякову (1500 руб.).

В Стерлитамакском у. преобладали крупные владельцы заводов — дворяне и возведенные в дворянство купцы. В их руках находились не только заводы медеплавильные и железоделательные, но и винокуренные и поташные. Так, Воскресенский, Богоявленский и Верхоторский медеплавильные заводы принадлежали дворянину Пашкову, Архангельский — графине Лаваль, два железоделательных Авзяно-Петровских завода — помещику Губину. Винокуренные в с. Покровском — помещику Дурасову, в с. Петровском — Пашковой, в с. Васильевском — помещикам Бондаревским. Почти всеми поташными заводами здесь также владели помещики. И только два поташных завода были купеческими — купцов Ибраева и Невзорова. На них работало 25 наемных рабочих.

Имеющиеся данные по Мензелинскому и Бугульминскому у. убедительно подтверждают, что легкая промышленность Южного Урала находилась в руках государственных крестьян или купцов, использующих в своих предприятиях исключительно труд вольнонаемных рабочих. По нашим расчетам, в легкой промышленности Южного Урала применялся труд 24 346 наемных рабочих²¹³. Удельный вес вольнонаемных рабочих во всей промышленности Южного Урала еще был невелик. Но то, что легкая промышленность Южного Урала, хотя и слабая по сравнению с тяжелой промышленностью, была основана *почти целиком на вольнонаемном труде и находилась в руках крестьян и купцов*, говорит о развитии капиталистических отношений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что легкая промышленность на Южном Урале во второй половине XVIII и первой половине XIX в. находилась на стадии развитого мелкотоварного производства с зачатками раннекапиталистической мануфактуры, когда само производство продолжало сохранять мелкие размеры и разница между хозяином и наемным работником была еще сравнительно невелика, когда еще не было ни крупных предпринимателей, ни «детальных рабочих, прикованных к одной операции и тем самым прикованных к капиталу, объединяющему эти детальные операции в один производительный механизм»²¹⁴.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Южного Урала задерживалось тем, что переселившиеся сюда русские крестьяне получили достаточный надел земли (15 дес. на одну ревизскую душу, а иногда и больше). И все же капиталистические отношения и здесь, хотя и медленно, пробивали себе дорогу. Как и в промышленности, развитие товарно-денежных отношений соз-

давали благоприятные условия для развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве во второй половине XVIII и первой половине XIX в.

Во-первых, как писал В. И. Ленин, «переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения»²¹⁵. Как показала практика, не все переселенцы одинаково хорошо устраивались на новых местах. Многие из них селились на неудобных или малопродуктивных землях. Меняли свои места водворения, растрачивали средства и нуждались в помощи. Помощь приходила от зажиточных на кабальных условиях. Слабые в экономическом отношении переселенцы закабалались зажиточными и не только в местах поселения, но и в пути. Следует отметить также, что часть переселенцев сразу же селилась на землях старожилов и в первый период «обустройства» батрачила на них.

Во-вторых, наличие обширных и плодородных земель на Южном Урале позволяло более зажиточным крестьянским хозяйствам расширять свои наделы путем скупки у других крестьян надельной земли или аренды ее у казны. Для обработки своих земель они все чаще использовали труд наемных работников. Концентрация земли в руках отдельных крестьян, возникновение имущественного неравенства среди них представляла собой «исходный пункт всего процесса»^{215а}. Следует учитывать и то важное обстоятельство, что большинство крестьян на Южном Урале были свободными, это давало им возможность заниматься торговыми операциями, продажей хлеба и скота, развивать торговое земледелие. Причем при господстве денежной ренты на Южном Урале с конца XVIII и в первой половине XIX в. даже крепостные и дворцовые крестьяне имели известную свободу в своих экономических действиях. В. И. Ленин указывал, что «еще при господстве натурального хозяйства при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян появляются уже зачатки их разложения. Но развиться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при денежной ренте, которая является простым изменением формы натуральной ренты. Непосредственный производитель отдает землевладельцу не продукты, а цену этих продуктов»²¹⁶.

К. Маркс, характеризуя денежную ренту, писал, что она «предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения», что «превращение натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образованию класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги» и что в течение этого периода «у лучше поставленных обязанных оброком крестьян развивается по необходимости обыкновение эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих... Таким образом, у них складывается мало-помалу возможность накапливать известное состояние и самим обратиться в будущих капиталистов»²¹⁷.

Дополнительным средством для дальнейшего обогащения зажиточных крестьян являлось наличие многочисленных выгодных оброчных статей на Южном Урале.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Южного Урала выразилось в определившемся переходе к торговому земледелию и скотоводству, в появлении крупных земельных собственников, в разложении крестьянства, в использовании вольнонаемного труда.

С ростом сельского хозяйства стало постепенно развиваться и торговое земледелие на Южном Урале. Оно проявилось в специализации земледелия и скотоводства. Оренбургская губ. уже в первой половине XIX в. стала районом зернового хозяйства и скотоводства в общей экономической системе России. Здесь в XIX в. формируется несколько крупных очагов земледелия и скотоводства (Уфимский, Челябинский, Оренбургский, Троицкий, Стерлитамакский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский, Бузулукский, Бугурусланский), выступивших крупными поставщиками хлеба и скота на заводы Среднего Урала, в Сибирь и Казахстан. В этих очагах земледелия и скотоводства крестьяне сеяли хлеб и разводили скот не только для себя, но и для торговли. Так, бугульминские крестьяне, проживавшие близ границ Симбирской и Казанской губ., продавали свой хлеб на пристанях по р. Каме, мензелинские крестьяне — также на пристанях р. Камы, в г. Елабуге. Бирские крестьяне возили свой хлеб на ближайшие медеплавильные и железоделательные заводы, а также на винокуренный завод, находившийся в их уезде. Уфимские крестьяне сбывали свой хлеб в г. Уфе²¹⁸. Местные помещики обычно поставляли свой хлеб в г. Оренбург для продовольствия войск. Немало хлеба они привозили также в г. Уфу.

В источниках, относящихся к изучаемому времени, как уже отмечалось выше, часто встречается определение «торгующие крестьяне»²¹⁹. Часть из них продавала только свой хлеб. Другие вывозили для продажи и свой хлеб, и скупленный у соседей, третьи, ставшие скупщиками и перекупщиками, продавали на рынке только покупной хлеб. Они постепенно превращались в крупных продавцов хлеба. Таких постоянно торгующих крестьян, для которых торговля стала целью всей жизни и источником обогащения, в Бузулукском у., по данным 1833 г., было 42 человека, в Бугульминском — 76. По всей Оренбургской губ. таких крупных торговцев из государственных крестьян насчитывалось 173 человека, из удельных — 34, из крепостных — 34²²⁰. Количество товарного хлеба в губернии все время росло. Уже в 30-е годы XIX в. товарный хлеб составил почти 50% собираемого хлеба. В 1833 г. количество собираемого хлеба доходило до 18 млн. четв., а товарного — до 9 млн. четв. Из них помещики поставляли на рынок 2 755 560 четв., духовенство — 16 781, а остальной хлеб в размере 6 177 709 четв. привозили на рынок крестьяне государственные (5 219 562 четв.) и удельные (956 127 четв.)²²¹.

Зажиточные хозяева из государственных крестьян, в особенности Челябинского и Троицкого у., разводили также в торговых целях скот в большом количестве, имея по 100 и более голов рогатого скота²²². Скот доставлял и масло, которое они через скупщиков продавали в г. Уфу, Оренбург, Казань и на уральские заводы. Кроме того, значительная часть скота шла на общероссийский рынок. По меновому торгу с казаками и киргизами скот в убойном виде шел из России на вывоз. Продажа убойного скота занимала первое место во внешней торговле России. Торговля убойным скотом на внешних границах России доходила до 2 700 тыс. руб. в год. Пригон же скота с Оренбургской и Сибирской линии оценивался по пятилетней сложности следующим образом: в 1822—1826 гг. — на 416 630 руб. серебром, в 1827—1831 гг. — на 545 907, в 1832—1836 гг. — на 893 233, в 1837—1841 гг. — на 860 022, а в 1842—1846 гг. — на 1 019 140²²³.

Таким образом, в этот период на Южном Урале намечалось превращение земледелия в торговое хозяйство, которое при своем дальнейшем развитии перерастало в капиталистическое производство. Формы же торгового земледелия отличались большим разнообразием, «видоизменяясь не только в различных районах, но и в различных хозяйствах»²²⁴.

Рост товарно-денежных отношений, зарождение торгового земледелия и скотоводства способствовали появлению крупных земельных собственников из крестьян. Торгующие крестьяне, имея свои значительные земельные наделы, накопив определенный капитал от торговли, могли покупать новые земли или брать их в аренду от казны, а также арендовать многочисленные оброчные статьи и за счет новых средств наживы еще более увеличивать свои земельные наделы. Плата за аренду казенно-оброчных земель в Оренбургской губ. была небольшой, а доходы с земли приносили определенный капитал. С оброчно-казенных земель снимался урожай пшеницы, овса, производились покосы. Обработка земли шла наемным трудом. Так, по данным 1798 г., в Челябинском у. у д. Паленки снимал земли крестьянин той же деревни Воротников²²⁵. В д. Харлушевой того же уезда — свой крестьянин Петр Чуваков²²⁶. Правда, число купцов в Челябинском у., снимающих казенно-оброчные земли, было гораздо больше, чем крестьян²²⁷. В 1842—1847 гг. государственные крестьяне с. Вилватого Оренбургского у. Симон и Гаврила Фроловы совершили покупку у помещицы Федоровой 1400 дес. за 672 руб.²²⁸ Крестьянин И. Бордюгин из Челябинской вол., занимавшийся долгое время скупкой и перепродажей хлеба, подал прошение в 1821 г. челябинским властям об отдаче ему в оброчное содержание Челябинской станицы со всеми землями и озерами, принадлежавшими д. Першиной, заселенной крестьянами и казаками²²⁹.

Главным же проявлением развития капитализма в сельском хозяйстве Южного Урала явилось применение наемного труда. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «там, где господствует товарное производство, наемный труд употребляется не слу-

чайно, а систематически, налицо есть все признаки капитализма. Можно говорить о его неразвитости, зачаточности, об особых формах его, но полагать „основное различие“ между тем, что на деле обнаруживает основное сходство значит извращать действительность»²³⁰.

Наемный труд в сельском хозяйстве Оренбургской губ. был не редкостью в XVIII и XIX вв. Он применялся в различных формах. Источники говорят и о батраках, и о поденщиках. Дело в том, что с усилением экономической мощности старожилов все более и более рос класс батраков в деревне из вновь прибывших крестьян-переселенцев. Эти батраки работали в хозяйствах «крепких» старожилов. Из отчета оренбургского гражданского губернатора о состоянии Оренбургской губ. за 1848 г. мы узнаем, что из переселенцев в этом году 765 семейств обзавелись хозяйством и устроились 118, а остальные 647 семейств живут у старожилов «и снискивают себе пропитание посредством заработной платы»²³¹. В отчете оренбургского губернатора за 1849 г. снова говорится, что «из прибывших в 1849 г. из 219 семейств выстроили себе дома 33, а остальные размещаются и работают у старожилов»²³².

Поденная работа была самой распространенной формой наемного труда в Оренбургской губ. В отчете гражданского губернатора о состоянии губернии за 1848 г. говорится: «Некоторые зажиточные крестьяне, арендуя казенные земли, делали значительную запашку десятин на 100 и более, привлекая для обработки своих земель очень много наемных рабочих. Это можно встретить в уездах Бузулукском, Стерлитамакском, Челябинском и Уфимском»²³³. В этом же отчете приводятся некоторые данные о количестве наемных рабочих в различных отраслях сельского хозяйства Оренбургской губ. в 1848 г. Общая численность сельскохозяйственных рабочих в этом году определялась в 20 925 человек²³⁴. Из них в земледелии было занято 16 772, животноводстве — 835, лесоводстве — 3120, на прочих сельскохозяйственных промыслах — 77, в рыболовстве — 81²³⁵. Но эти данные явно неполные, так как в них не включены отходники, значительная часть которых батрачила или работала на поденке у зажиточных крестьян. Число же отходников было велико. Так, в отчете оренбургского губернатора за 1850 г. указывается цифра 26 855 человек²³⁶.

Конечно, удельный вес наемных рабочих и вообще капиталистических отношений в промышленности и в сельском хозяйстве Южного Урала был невелик в общем экономическом балансе края, но товарные отношения развились здесь во второй половине XVIII и первой половине XIX в. получили достаточное развитие. И это являлось основной предпосылкой для полного господства капиталистических отношений в пореформенный период. В. И. Ленин писал: «Рынок есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господ-

ство и всеобщую распространенность»²³⁷. Главными носителями капиталистических отношений в южноуральской деревне являлись государственные крестьяне-старожилы, которые, сосредоточив в своих руках большие площади удобных земель, использовали их как средство эксплуатации новоселов, получавших с годами в надел небольшие и неудобные земли. Государственным крестьянам-старожилам в середине XIX в. принадлежало более $\frac{1}{3}$ всей пахотной земли, имевшейся в Оренбургской губ., — 1 068 876 дес. и 2088 саж. Именно эту землю оренбургский губернатор называл «участками единственного владения», а их владельцев — «твердыми собственниками»²³⁸. Эксплуатация новоселов старожилами еще более усилилась после реформы 1861 г., открывшей широкий путь для развития аграрного капитализма в Оренбургской губ.

Таким образом, переселение огромной массы государственных крестьян во второй половине XVIII—в первой половине XIX в. в пределы Южного Урала подготовила условия для быстрого развития капитализма в крае в пореформенный период по «американскому пути».

ВЫВОДЫ

1. Русская крестьянская колонизация Южного Урала первой половины XIX в. благотворно сказалась на социально-экономической жизни Южного Урала. Сельское хозяйство Оренбургской губ. получило в это время свое дальнейшее развитие: более чем в 2 раза, по сравнению с концом XVIII в. увеличивается площадь освоенной земли: к 1794 г. из 4 087 257 дес. пахотной земли было освоено 895 277 дес., а к 1850 г. — 2 140 326 дес. Рост сельского хозяйства был обусловлен огромным притоком русских переселенцев из государственных крестьян, получивших в надел при переселении по 15 дес. и более земли на душу. Относительно свободное положение государственных крестьян, дальнейший рост в стране товарно-денежных отношений способствовали развитию торгового земледелия в Оренбургском крае, а затем и капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Участились случаи покупки земли зажиточными крестьянами, взятие ими земель и различных промыслов в оброчное содержание, а также аренда земли у них малоземельными крестьянствами. Развитию сельского хозяйства в Оренбургской губ. мешало отсутствие в крае разветвленной сети сухопутных и водных путей сообщения. Оно быстро развивалось в тех крестьянских селениях, которые располагались вблизи торговых путей.

2. Несмотря на то что темпы развития южноуральской промышленности замедлились в первой половине XIX в. в связи с кризисом крепостной системы, регион продолжал оставаться центром русской промышленности. Вместе со Средним Уралом он снабжал в значительной мере своими изделиями Петербург, Москву и юго-восточные губернии России.

Промышленность Южного Урала была обязана своим сущест-

ванием русским крестьянам. Все железоделательные и металлоплавающие заводы, которыми так славился этот край в крепостной период, держались на труде русских крестьян — крепостных и свободных. Легкая промышленность края, мыловаренные, свечные, салотопенные, клеевые, маслобойные, винокуренные, поташные, селитренные и другие подобные промышленные заведения работали исключительно на местном сырье.

3. Ремесленное производство и промыслы в Оренбургской губ. в первой половине XIX в. (кожевенный, овчинный, мельничный, кузнечный, шерстобитный, деревообделочный и др.) удовлетворяли не только потребности собственно крестьянского хозяйства, но и были ориентированы на рынок, приобрели товарный характер. Об этом недвусмысленно свидетельствуют получаемые их владельцами денежные доходы. Эти доходы являлись источником для организации зажиточными крестьянами мастерских капиталистического типа с широким использованием вольнонаемного труда.

4. Заметное развитие в изучаемое время получили в Оренбургской губ. внутренние и внешняя торговля. Торговые связи отдельных уездов и сел осуществлялись через городские и сельские ярмарки и базары. Внешняя торговля велась с Казахстаном, Киргизией и Среднеазиатскими ханствами на меновых и гостинных дворах г. Оренбурга и Троицка. На Оренбургском меновом торге с казахами и киргизами приобреталось так много скота, что он в убойном виде шел из России за границу.

Развитие торговли способствовало дальнейшему расслоению оренбургского крестьянства. В его среде появилось много скупщиков и перекупщиков, которые путем перепродажи сельскохозяйственных продуктов наживали значительный капитал и благодаря этому имели возможность эксплуатировать неимущих крестьян, закабалить их. Наживали капитал и те крестьяне, которые жили вблизи торговых путей и ярмарок.

5. Экономический и культурный рост края нашел свое отражение в развитии путей сообщения, сухопутного и водного транспорта. К середине XIX в. появились значительные почтовые, торговые и другие тракты. Города Оренбург и Уфа стали двумя важнейшими пунктами, через которые проходили все почтовые и торговые дороги. Правда, эти сухопутные и водные пути обслуживали лишь небольшую часть населения Оренбургской губ. Многие районы, расположенные вдали от почтовых и торговых трактов, были не связаны между собой.

6. Русская крестьянская колонизация оказала благотворное влияние на хозяйство, культуру и быт нерусского населения Южного Урала. Нерусские народы подверглись значительному изменению в сторону прогресса (оседание на землю кочевников-башкир, усиленное занятие хлебопашеством и ремеслом, участие в промышленном производстве, подражание русским крестьянам в устройстве своего быта).

- ¹ ЦГИА СССР, ф. 1537, оп. 1, д. 3, л. 222—222 об.
- ² Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 86, 127 об., 164.
- ³ Там же, оп. 11, д. 95; ф. 1409, оп. 4, д. 12634; ф. 1283, оп. 1, д. 905; ф. 1281, оп. 4, д. 146; ф. 1284, оп. 232, д. 58, 60, 65.
- ⁴ Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 71—72 об.; *Суходольский В. С.* Распространение христианства в пределах Оренбургского края. — Оренбургские губернские ведомости, 1859, № 31, с. 185—189.
- ⁵ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 71—72 об.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Кеппен П. И.* Девятая ревизия: Исследование числа жителей в 1851 г. СПб., 1857, с. 12; *Небольсин П.* Заметки о башкирах. — Отечественные записки, 1850, кн. 73, с. 3; *Кузеев Р. Г.* Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв. — В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968, т. 3, с. 346, 347.
- ⁸ *Фиельструп Ф. А.* Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926, с. 11, 14.
- ⁹ *Кузеев Р. Г.* Указ. соч., с. 347.
- ¹⁰ *Ден В. Э.* Население России по пятой ревизии. М., 1902, т. 2, с. 306—308.
- ¹¹ *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом... отношении. Уфа, 1859, с. 166.
- ¹² *Кеппен П. И.* Указ. соч., с. 95—96, 250.
- ¹³ *Фиельструп Ф. А.* Указ. соч., с. 11.
- ¹⁴ *Кеппен П. И.* Указ. соч., с. 12, 249.
- ¹⁵ *Черемшанский В. М.* Указ. соч., с. 161.
- ¹⁶ Там же, с. 168—173.
- ¹⁷ *Фиельструп Ф. А.* Указ. соч., с. 12.
- ¹⁸ *Черемшанский В. М.* Указ. соч., с. 173—179.
- ¹⁹ Там же, с. 173—193.
- ²⁰ Там же, с. 197—200.
- ²¹ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 71—72 об.
- ²² Там же, л. 73, 126—128
- ²³ Там же, л. 162, 162 об.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Черемшанский В. М.* Указ. соч., с. 116—117.
- ²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 12634, л. 4.
- ²⁷ Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 73.
- ²⁸ *Черемшанский В. М.* Указ. соч., с. 310.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Арсеньев К. И.* Статистические очерки России. СПб., 1848, с. 481.
- ³¹ Там же, с. 482.
- ³² ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 71—72 об.
- ³³ *Черемшанский В. М.* Указ. соч., с. 267.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 54, л. 40 об., 41.
- ³⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 628.
- ³⁷ *Черемшанский В. М.* Указ. соч., с. 276, 277.
- ³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 83—86.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Черемшанский В. М.* Указ. соч., с. 279.
- ⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 2, д. 40 а, л. 40 об.
- ⁴² *Черемшанский В. М.* Указ. соч., с. 279.
- ⁴³ ЦГИА СССР, ф. 379, оп. 2, д. 134, л. 656—682.
- ⁴⁴ Там же, л. 56—82.
- ^{45—55} Там же.
- ⁵⁶ Там же, ф. 383, оп. 13, д. 13707, л. 1 об.
- ⁵⁷ Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 157.
- ⁵⁸ Там же, ф. 1409, оп. 4, д. 12634, л. 6.
- ⁵⁹ Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 157.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 11082, л. 38.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 2, д. 118, л. 71, 71 об.
- ⁶⁴ Там же, ф. 1409, оп. 4, д. 12634, л. 6.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 65.
- ⁶⁷ Там же, л. 85 об.
- ⁶⁸ Там же, ф. 1409, оп. 4, д. 12634, л. 6, 6 об., 7.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ *Новиков В.* Материалы для земледельческой статистики Оренбургской губернии. — Оренбург.

- ские ведомости, 1858, № 50, с. 227—229.
- 72 Черемшанский В. М. Указ. соч., с. 282, 283.
- 73 ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 13, д. 13707, л. 2.
- 74 Там же, ф. 1409, оп. 4, д. 12634, л. 14.
- 75 Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 152.
- 76 Там же, ф. 1409, оп. 4, д. 12634, л. 14.
- 77 Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 152.
- 78 Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1848, т. 14, ч. 2, с. 63.
- 79 ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 4, д. 12634, л. 14.
- 80 Там же.
- 81 Там же.
- 82 Там же, л. 14 об.
- 83 Там же.
- 84 Там же.
- 85 Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 14, ч. 2, с. 76.
- 86 Там же.
- 87 Там же, Прил., табл. 10.
- 88 Там же, Прил., табл. 10.
- 89 Там же, с. 76.
- 90 Там же, Прил., табл. 10.
- 91 Там же, с. 77.
- 92 Там же.
- 93 Там же, Прил., табл. 10.
- 94 Там же, с. 77, Прил., табл. 10.
- 95 Там же, Прил., табл. 10, с. 77.
- 96 Там же, Прил., табл. 10.
- 97 Там же.
- 98 Там же.
- 99 Там же, с. 77.
- 100 Там же, Прил., табл. 10.
- 101 Там же.
- 102 Там же, с. 78.
- 103 Там же, Прил., табл. 10.
- 104 Там же.
- 105 Там же, с. 78.
- 106 Там же, Прил., табл. 10.
- 107 Там же, с. 78.
- 108 Там же.
- 109 Там же, Прил., табл. 10.
- 110 Там же, с. 78.
- 111 Там же, Прил., табл. 10.
- 112 Там же, с. 78.
- 113 Там же, Прил., табл. 10.
- 114 Там же.
- 115 Там же, с. 78.
- 116 Там же.
- 117 Там же.
- 118 Там же, Прил., табл. 10.
- 119 Там же, с. 78.
- 120 Там же, Прил., табл. 10.
- 121 Там же, с. 78.
- 122 Там же, Прил., табл. 10.
- 123 Там же, с. 78.
- 124 Там же, Прил., табл. 10.
- 125 Там же.
- 126 Там же, с. 80.
- 127 Там же.
- 128 Там же, с. 84, 85.
- 129 Там же, с. 80.
- 130 Там же, с. 81.
- 131 Там же.
- 132 Там же, с. 82.
- 133—135 Там же.
- 136 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 137—151.
- 137—139 Там же, ф. 1409, оп. 4, д. 12634, л. 16.
- 140 Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 58 об.
- 141 Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 14, ч. 2, с. 83.
- 142 Там же.
- 143 Там же, с. 82.
- 144 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 58 об.
- 145 Там же.
- 146 Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 14, ч. 2, с. 79; ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 58.
- 147 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 58.
- 148 Там же.
- 149 Там же, л. 58 об.
- 150 Там же, ф. 1409, оп. 4, д. 12634, л. 20.
- 151—153 Там же.
- 154 Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 14, ч. 2, с. 70.
- 155 Там же, с. 71.
- 156 Там же.
- 157 Там же, с. 76.
- 158 Там же, с. 71.
- 159 ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 4, д. 12634, л. 14.
- 160 Там же, л. 14, 20, 22.
- 161 Там же, л. 20.
- 162 Черемшанский В. М. Указ. соч., с. 283.
- 163—164 Там же.
- 165 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 131—136.
- 166—173 Там же.
- 174 Там же, ф. 1409, оп. 4, д. 12634, л. 7, 9.
- 175 Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 14, ч. 2, с. 85.

- 176 Там же.
- 177 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 52.
- 178 Там же, ф. 1409, оп. 4, д. 12634, л. 8.
- 179-181 Там же.
- 182 О ярмарках Оренбургского края. — Оренбургские губернские ведомости, 1843, № 13.
- 183-185 *Небольсин Г.* Указ. соч., ч. 1, с. 217.
- 186 Там же.
- 187 Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 14, ч. 2, с. 22—32.
- 188 Там же, с. 32—33.
- 189 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 129.
- 190-191 Там же.
- 192 Там же, 86 об., 87.
- 193 Там же, оп. 4, д. 55 а, л. 27 об.
- 194 *Юлдашбаев Б. Х.* История формирования башкирской нации: (Дооктябрьский период). Уфа, 1972, с. 88.
- 195 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 69.
- 196 *Кузеев Ф. Г.* Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. — В кн.: Археология и этнография Башкирии, т. 3, с. 296—308.
- 197 Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959, т. 1, ч. 2, с. 16.
- 198 Там же, с. 17.
- 199 Там же, с. 18.
- 200 *Черемшанский В. М.* Указ. соч., с. 114.
- 201 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 86.
- 202 *Черемшанский В. М.* Указ. соч., с. 118.
- 203 Там же, с. 131.
- 204 Там же, с. 165—168.
- 205 Там же, с. 118, 165—168; ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 88 об.—89 об.
- 206 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 89 об.—90 об.
- 207 *Черемшанский В. М.* Указ. соч., с. 197—200.
- 208 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 542.
- 209 ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 4, д. 2634, л. 8.
- 210 Там же, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 75.
- 211 ЦГАДА, ф. 1355, д. 1886, л. 36—50.
- 212 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 137—151.
- 213 Там же.
- 214 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 435.
- 215 Там же, с. 175.
- 215а Там же, с. 166.
- 216 Там же, с. 167.
- 217 *Маркс К.* Капитал. М., 1955, т. 3, с. 812.
- 218 ЦГИА СССР, ф. 1537, оп. 1, д. 90, л. 174 об.
- 219 Там же, ф. 1409, оп. 4, д. 12634, л. 8.
- 220 Там же, л. 8.
- 221 Там же, л. 6.
- 222 Там же, л. 14.
- 223 *Небольсин Г.* Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850, ч. 1, с. 214.
- 224 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 309.
- 225 ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1886, л. 38.
- 226 Там же, л. 39.
- 227 Там же, л. 40—50.
- 228 ГАСО, ф. 36, оп. 1, д. 61.
- 229 Там же, ф. 6, оп. 4, д. 7834, л. 2.
- 230 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 378—379.
- 231 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 64 а, л. 55, 55 об.
- 232 Там же, оп. 5, д. 54, л. 41, 41 об.
- 233 ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 1274, л. 67.
- 234 Там же, л. 68.
- 235 Там же.
- 236 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 60 об.
- 237 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 21.
- 238 ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, л. 75.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская крестьянская колонизация Южного Урала второй половины XVIII и первой половины XIX в., сыгравшая огромную роль в истории этого края, была порождена теми социально-экономическими процессами, которые происходили в то время в России.

Рост товарно-денежных отношений, разложение, а затем и кризис феодально-крепостнической системы явились причиной усиленного наступления, усиленного нажима дворянского сословия на все категории крестьян, в том числе и на государственных.

Вторая половина XVIII и первая половина XIX в. характеризуется расширением барской запашки за счет уменьшения крестьянских наделов, увеличением оброка и барщины, захватом помещиками земель государственных крестьян, стремлением помещиков превратить часть государственных крестьян в своих крепостных.

Ответом на это явились крестьянские восстания и другие формы протеста крестьян, проявившиеся с особой силой в этот период. Одной из таких форм протеста, или бегством от крепостнического и государственного гнета, явилась вольнонародная, или крестьянская, колонизация в России.

Она носила стихийный характер. Крестьяне самовольно устраивались на свободных государственных землях или занимали казачьи и даже помещичьи земли, если помещики не обрабатывали их.

Царское правительство под угрозой крестьянских волнений в Центре с конца XVIII и в начале XIX в. предпринимало попытки направить крестьянские переселения в организованное русло — оно стало поощрять переселения, помогать переселенцам, предоставлять им ряд льгот и пособий, однако эти робкие попытки были обречены на неудачу. Объяснялось это, с одной стороны, неповоротливостью, невежеством и бюрократизмом местных властей и чиновников, а с другой — боязнью самой центральной власти последствий массовых крестьянских переселений. Из-за своей массовости они представляли опасность для центральной власти тем, что всегда могли перерасти в «бунт», как это иногда и бывало. В результате организованные правительством переселения по окраины в конце XVIII и первой половине XIX в. по масштабам были незначительными. Основная масса крестьян-переселенцев заселила край стихийно, самостоятельно, без помощи царского правительства.

С усилением крепостного и государственного гнета во второй половине XVIII и первой половине XIX в. значительно расширяются районы выхода русских крестьян-переселенцев. В XVII в. они еще узки: на Южный Урал переселяется лишь небольшое количество крестьян из Верхотурского и Тобольского уездов, с Прикамья и р. Белой, из северорусских поморских уездов, Верхнего и Среднего Поволжья. Выходцы из Центральной России в это время — редкость.

Во второй половине XVIII в. число переселенцев-крестьян из центральных районов России заметно возрастает, но освоение всей территории Южного Урала происходит в значительной степени поселенцами из северных районов региона, которые либо по собственной охоте из ранее построенных слобод устремляются на юг, либо переводятся туда правительственными распоряжениями.

В первой половине XIX в. Южный Урал заселяется преимущественно выходцами из центральных русских губерний — Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Пензенской и др. Причем основную массу переселенцев составляли государственные крестьяне, обладавшие большей свободой передвижения, чем крепостные. По данным 1850 г., из 1 млн. переселившихся на Южный Урал русских крестьян 814 тыс. были государственными крестьянами¹.

Относительно свободное положение государственных крестьян способствовало развитию в их среде капиталистических отношений. В. И. Ленин подчеркивал: «Именно на наших окраинах, где крестьяне всего менее страдают от малоземелья, отработков, тяжести податей, тем всего больше развивался капитализм в земледелии»².

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Оренбургской губ. выразилось в расслоении крестьянства, появлении крупных земельных собственников из крестьян, в переходе к торговому земледелию и скотоводству, использованию вольнонаемного труда. Особенно сильно капитализм в сельском хозяйстве стал развиваться после реформы 1861 г. В это время из числа бывших государственных крестьян, обладавших большими, удобными участками, возникает целый класс сельских капиталистов — «чумазых лендлордов». К концу XIX в. Оренбургская губерния превращается в один из крупнейших очагов развития аграрного капитализма в России.

Глубокие социально-экономические изменения русская крестьянская колонизация принесла коренному населению Южного Урала. Особенно в первой половине XIX в. происходит переход к земледелию и массовое оседание на землю кочевников-башкир, увеличение земледельческого населения, а вместе с тем и рост площади земли, занятой под сельскохозяйственными культурами. Переход башкир к земледелию способствовал их росту материальной обеспеченности, что сказалось на увеличении естественного прироста населения по сравнению с тем временем, когда край еще не входил в состав Русского государства.

Русская крестьянская колонизация оказала большое влияние и на политическое развитие народов Южного Урала. Они приобщались к борьбе, которую вело русское крестьянство против крепостничества. Ярким примером могут служить совместные выступления русских крестьян, башкир и других народов Южного Урала в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева³, а также массовое выступление русско-башкирского населения против военно-феодального гнета в 30—50-е годы XIX в.⁴ Таким образом, еще в период феодализма на основе совместной борьбы против крепостничества закладывались основы дружбы между русскими крестьянами и трудовой частью коренных жителей Южного Урала.

На примере русской крестьянской колонизации Южного Урала мы можем сделать следующие важнейшие выводы:

1. Русская крестьянская колонизация в период разложения и кризиса феодально-крепостнических отношений (вторая половина XVIII—первая половина XIX в.) способствовала развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве на наших окраинах.

2. Она не разрешала аграрного вопроса в стране, а лишь усложняла его, так как в результате ее вырастали новые «чуждые лендлорды» из среды самих крестьян, эксплуатировавших основную часть русского крестьянства на окраинах.

3. Она благоприятно отразилась на развитии нерусских народностей. Благодаря русским переселенцам они приобщались к более высокой материальной и духовной культуре русского народа и к той борьбе, которую он вел против царизма и крепостничества. Напомним в этой связи высказанную Ф. Энгельсом в письме к К. Марксу от 23 мая 1851 г. мысль о том, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку...», что «господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁵.

¹ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 5, д. 40 а, с. 71—72 об.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 628.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959, т. 1, ч. 1, с. 218—254.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 2, с. 93—112.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.

Оглавление

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ

1. Тема	3
2. Обзор источников	6
3. Историография	16
а) Общие вопросы в трудах дореволюционных и советских историков	16
б) Историография по теме	21

ГЛАВА ВТОРАЯ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ С 30-Х ГОДОВ ДО КОНЦА XVIII В.

1. Начало освоения переселенцами Южного Урала	34
2. Усиление интенсивности освоения	40

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

1. Рост населения	59
2. Развитие сельского хозяйства	63
3. Промыслы. Ремесла	70
4. Развитие промышленности	73
5. Торговля	78
6. Влияние русских переселенцев на культурное развитие местного населения	80

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МАССОВОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН НА ЮЖНЫЙ УРАЛ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1. Общая характеристика процесса	88
2. Крестьянские переселения в первой половине XIX в.	91

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ
РУССКИМИ КРЕСТЬЯНАМИ ЮЖНОГО УРАЛА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

1. Усиленный рост населения	126
2. Дальнейшее развитие сельского хозяйства	128
3. Промышленность	139
4. Ремесла и промыслы	144
5. Торговля	147
6. Положительные изменения в жизни и быту нерусских народностей	153
7. Прогрессивная роль русских переселенцев в развитии капиталистических отношений на Южном Урале	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171

Юрий Михайлович

ТАРАСОВ

**РУССКАЯ
КРЕСТЬЯНСКАЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ
ЮЖНОГО УРАЛА**

**(Вторая половина XVIII —
первая половина XIX в.)**

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории,
филологии и философии
Сибирского отделения АН СССР

Редактор

М. А. Рахматуллин

Редактор издательства

М. М. Медведев

Художник

С. А. Киреев

Художественный редактор

Н. Н. Власик

Технический редактор

З. Б. Павлюк

Корректоры

Л. И. Кириллова, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 26840

Сдано в набор 19.07.83

Подписано к печати 06.12.83

Т-21725. Формат 60 × 90¹/₁₆

Бумага книжно-журнальная

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 11. Усл. кр. отт. 11,375. Уч.-изд. л. 13,4

Тираж 1350 экз. Тип. зак. 592

Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

2 р. 10 к.